

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1972

3

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я
Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

БАКУ—1972

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Корректоры *С. В. Лисилова, И. Г. Дорфман*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 10/VII 1972 г. Подписано к печати 5/IX 1972 г. ФГ 00559. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,2. Физ. печ. л. 8,75. Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 11,5. Вкл. 1.
Заказ 3815. Тираж 4515. Цена 1 руб.

Адрес редакции: 370602, ГСП, Баку-122, просп. Нариманова, 31, Академгородок.
Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

О РОЛИ НЕКОТОРЫХ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ В ИЗМЕНЕНИЯХ СТРУКТУРЫ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Сам факт развития языка и проявляющиеся в нем тенденции к совершенствованию структуры не вызывают никаких сомнений. Сравнительно-исторический анализ строя любой семьи родственных языков наглядно свидетельствует о происходящих в их структуре сдвигах; можно говорить лишь о различной степени подвижности отдельных уровней языка: фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Историки языка обычно фиксируют характер языковых изменений. Что же касается методики выявления причин языковых изменений, то это одна из существенных и малоразработанных проблем современного языкознания. Среди многочисленных импульсов, вызывающих языковые изменения, особый интерес представляет тенденция к устранению слабых звеньев языковой системы.

Под слабыми звеньями мы понимаем те отдельные участки языковой системы, которые в той или иной мере затрудняют процесс коммуникации. К такого рода языковым явлениям можно отнести: стечение групп неудобопроизносимых согласных, скопление слогов с гласными одинакового количества, наличие функционально пустых элементов в фонетической структуре слова, техническое несовершенство отдельных форм как языкового механизма; семантическая перенасыщенность отдельных грамматических форм, семантический синкретизм, наличие избыточных синонимичных форм, грамматическая омонимия; семантическая ограниченность целого ряда синтаксических конструкций и др.

Как показывает вышеприведенный перечень возможных ограничивающих коммуникацию явлений, последние очень многообразны и носят неоднородный характер. При рассмотрении подобного рода слабых участков в языке нельзя забывать о том, что параллельно всегда действуют и другие внутренние факторы языковых изменений, многие из которых связаны с взаимоотношением языка и мышления, с общим прогрессом человеческой культуры и т. д.

Слабое звено — это только один из многочисленных импульсов языковых изменений — импульсов, которые заключают в своей природе немало противоречий, подобно многим другим тенденциям, в такой сложной организации, как язык. Так, например, полисемантизм в какой-то мере полезен, так как он сокращает количество языковых единиц; но вместе с тем он неудобен, поскольку противоречит действующей в агглютинативных языках тенденции выразить каждое значение отдельной формой.

Ликвидация слабых звеньев системы тесно связана с действием более распространенной языковой тенденции — тенденции к экономии, получившей довольно широкое отражение в литературе по общему языкознанию.

Однако мы до сих пор, к сожалению, не имеем общей теории языковой эволюции. Как в свое время справедливо указывал Е. Д. Поливанов, «было бы слишком поспешно, правда, считать учение об языковой эволюции (т. е. иначе говоря, методологию конкретных мотивировок языковых изменений) законченной, до конца разработанной лингвистической дисциплиной»¹. Возражая скептикам, не верившим в возможность создания подобной теории, Е. Д. Поливанов предлагал обратить серьезное внимание на причинные связи каждого из различных (по направлению) эволюционных процессов².

Темой настоящей статьи является действующая в языке тенденция устранения так называемых слабых звеньев языковой системы, поскольку по этому вопросу отсутствуют теоретические разработки, и эта проблема в лингвистической литературе не была предметом специального исследования на материале тюркских языков.

Тюркские языки с их четкой системной устроенностью — яркий пример действия названного эволюционного процесса. Все подсистемы — фонетическая, морфологическая, синтаксическая — представляют собой сумму звеньев различной степени спаянности. Историческим же изменениям обычно подвержены слабые звенья.

В области фонетического строя всегда имеются слабые звенья, характеризующиеся стечением групп неудобопроизносимых согласных, зиянием гласных, скоплением слогов с гласными одинакового количества и т. п. Но нагляднее всего слабость звена в каждом языке проявляется в конце слова. Многочисленные факты из истории различных языков убедительно подтверждают, что конец слова значительно больше подвержен разрушению, нежели начало. Это объясняется тем, что количество звуков, несущих информацию, с течением времени становится меньше общего количества звуков в слове, и конец слова, утрачивая функциональную нагрузку, подвергается разрушению. Этот закон лежит в основе различных случаев отпадения конечных гласных и согласных, сокращений, усечений слов и т. п. Ср. тур. *su* 'вода' из *sub*, чув. *puĭă* 'рыба' из *baluq*, кирг. *too* 'гора' из *taŋ*, кирг. *barat* 'он идет' из *baratŋ* и т. д.

Вероятно, древнетюркская система имени характеризовалась отсутствием родительного падежа. Семантика употребления господствовавших на раннем этапе существования тюркских языков 1-го и 2-го типов изафетных конструкций в процессе развития расширялась, эволюционируя от наиболее архаического значения принадлежности к значению родовой категориальности, приближаясь со временем по своим функциям к средству простой связи. Таков путь расширения семантики 2-го типа изафета, значения которого во всех развивающихся вариантах носили слишком общий характер. Ср. тур. *kadın şapkası* 'женская шляпа'; уйг. *at beşi* 'лошадиная голова'.

Случаи выражения посредством 2-го типа изафета вполне конкретного определенного соотношения предметов имеют место во всех тюркских языках и объясняются различными причинами (принцип экономии, ослабление аффиксального режима, техническое удобство во избежание плеоназма и пр.). Семантическая насыщенность 2-го типа изафета соз-

¹ Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. М., 1968, стр. 84—85.

² Там же, стр. 85.

давала слабое звено в системе и привела к возникновению 3-го типа изафета, устойчиво передающего конкретный характер соотношения предметов. Ср. азерб. *mäk'täbin direktoru* 'директор школы'.

3-й тип изафета с более узкими рамками употребления, нежели 1-й и 2-й типы, обязан своим возникновением родительному падежу, который, развившись на базе инструктива, прорвал слабое звено морфологической подсистемы.

История образования исходного падежа на *-dap* тоже связана с семантической перенасыщенностью падежа на *-da*. Реликтом совместимости значений местного и исходного падежей является материал памятников древнетюркской письменности, где показатель *-da* служит для выражения исходного момента действия. См. памятник в честь Тоньюкука: *Türk budun, qanun bolmajun, Tabıaǰda adyǰlyty, qanlanty* (61) 'Тюркский народ, не будучи со своим ханом, отделился от государства Табгач, сделался народом, имеющим своего хана' (Мал. Пам., 64). Некоторые алтаисты полагают, что местный падеж на *-da* в ранний период развития тюркских языков имел значение аблатива (исходного падежа)³. Доказательством тому служит якутский партитив (частный падеж), который иногда сближают с местно-исходным падежом в языке орхонских надписей⁴. Современное же значение частного падежа в якутском языке могло выработаться из более древнего значения исходного падежа: *чааскылаах арыгыттан кыратык иһэ түстэ* 'он немножко выпил водки из чашки'⁵.

Функции исходного падежа проявляются в употреблении местного падежа для обозначения знаменателя в дробях: *үчте ікі* 'две трети'⁶ и т. д.

Отдельные случаи употребления местного падежа вместо исходного сохраняются в диалектах тюркских языков. Ср. татарский, нокрытский говор: *апда соңга* вместо *аппап соң*. Этот древний семантический синкретизм представлял слабое звено, и впоследствии произошло разделение на местный и исходный падежи.

Основным стимулом образования исходного падежа послужило изменение значения древнего аблатива *-da* и превращение его в падеж, обозначающий местонахождение. Сам же форматив *-dap*, очевидно, возник под влиянием древнетюркских наречных форм типа *içtin* 'изнутри', *taş-tun* 'снаружи', в которых аффикс *-tun*, *-tin* имел явно аблативное значение⁷.

Возможно, что исходный падеж на *-dun*, перенесенный из области наречий, существовал раньше исходного падежа на *-dap*, поскольку он являлся выражением особого пути развития. Исходный падеж на *-dun* повлиял на развитие исходного падежа на *-dap*, а затем был вытеснен последним как семантически тождественный.

Избыточные синонимичные формы обычно угасают, как бы восстанавливая равновесие системы, включающей набор лишь коммуникативно необходимых грамматических средств.

³ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. М., 1938, стр. 59—62.

⁴ Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 108.

⁵ Там же.

⁶ С. В. Ястремский. Указ. раб., стр. 62.

⁷ Г. И. Рамstedт объясняет появление показателя *-n* иначе. По его мнению, этот показатель развился из энклитически присоединяемого слова *jan* 'сторона': *da-jan* изменилось в сокращенное *-dap*. (См.: Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 46). Однако это противоречит общей типологии образования послеложных конструкций в агглютинативных языках, где служебное слово обычно получает падежное оформление. Ср. тат. *özbeklär januna* 'к узбекам', а не *özbeklär jan*.

Образованию слабого звена в языковой системе способствует не только семантический синкретизм формы, но также и ее техническое несовершенство как языкового механизма.

Так, например, дательный падеж на *-a* в тюркских языках оказался малоудобным для употребления и недостаточно выразительным, поскольку он совпадал с именами на *-a*. Ср. *ata*, *apa*, *bala*, *ara*, *oba* и пр.

Обычно показатель *-a* служит одним из классификационных признаков выделения тюркских языков огузской группы в отличие от *-ga* — показателя кыпчакских языков. Целый ряд фактов свидетельствует о первичности показателя *-a*. На производный характер показателя *-ga* указывают сохранившиеся в кыпчакских языках реликты дательного-направительного падежа, лишённого элемента *-k*. Ср. тат. *kulyta* 'моей руке', *iptäšämä* 'моему товарищу'⁸. Показатель *-a* в интервокальной позиции часто после аффиксов принадлежности получает буферное *n* и в фонетическом облике *-na* сохранился во многих как огузских, так и кыпчакских языках. Ср. кирг. *Žoldoštoṛuna žardam berip tuṛuči* 'Он помогал своим товарищам'; карач.-балк. *jüjüne bartayandy* 'домой к себе не пошел' и т. д.

Возможно, что вторичный по своему образованию дательного-направительного падежа на *-ga*, закрепившийся за кыпчакским ареалом тюркских языков, представляет собой контаминацию двух падежных аффиксов *-k* и *-a*⁹. Н. К. Дмитриев усматривал следы дательного-направительного падежа также в таких туркменских образованиях, как *jeṛik* 'на место', *iṣegik* 'внутри', *biṛ jeṛ-ik* 'куда-нибудь' и др., особенно характерных для текинского диалекта¹⁰.

Интересно проследить и развитие фонетических вариантов винительного падежа. Довольно ранний по своему происхождению показатель *-u* совпадал с аффиксом принадлежности (в генетическом родстве с которым он, очевидно, состоит), в связи с чем создавалось известное неудобство в его использовании. В кыпчакской группе языков это коммуникативное неудобство было ликвидировано за счет переразложения основ местоимений типа *mäni*, *säni*. В результате аффикс винительного падежа принял новую форму, и грамматическая омонимия, которую язык стремится по возможности избегать, была устранена. Так, например, в ранних тюркских памятниках (енисейско-орхонской и уйгурской письменности) можно наблюдать параллельное употребление показателей *-up* и *-uṛ*; очевидно, последний — более позднего происхождения. Аффикс *-up* параллельно нес функцию инструктива и винительного падежа, и поэтому, отталкиваясь от него, развился показатель *-uṛ*, устранивший указанное выше коммуникативное неудобство.

В процессе развития причастий, отглагольных имен наблюдаются те же явления, связанные с преодолением полисемантизма, с сопротивлением языка грамматической омонимии.

Вероятно, в отдаленную эпоху в ранних тюркских языках существовало причастие типа *kesik* 'отрезанный'. С течением времени оно претерпело семантическое расслоение. От него образовывались и существительные (ср. тур. *bölük* 'отдел', *ölçük* 'мера', каз. *qопақ* 'гость'), прилагательные (ср. каз. *qоqqaq* 'трусливый', *ügkek* 'пугливый', *uzaq* 'далекий',

⁸ Б. А. Серебрянников. К вопросу о происхождении элемента *k* (*g*, *q*, *γ*) в окончании дательного-направительного падежа в тюркских языках. — «Краткие сообщения Института народов Азии», 83. М., 1964, стр. 69.

⁹ Там же.

¹⁰ Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 116; его же. Туркменские народные сказки. М.—Л., 1954, стр. 51.

тур. *aksak* 'хромой'), в то же время сохранилось значение собственно причастия (ср. узб. *jōnik* 'горящий', азерб. *gugug* 'сломанный', *lālik* 'умоляющий, упрасивающий', *solug* 'увядший')¹¹.

Весьма показательны образования на *-k*, совмещающие значения существительного, прилагательного и причастия (ср. тур. *kaçak* 'контрабандный', 'дезертир', азерб. *batug* 'впадина', 'вдавленный'). Полисемантизм *-k* и омонимичность его грамматических образований были тем слабым звеном, которое привело к возникновению новых форм, в частности, к образованию причастия на *-kap*. Факты свидетельствуют о том, что большинство отглагольных имен, причастий когда-то были нейтральными во временном и залоговом отношениях. Ср. азерб. *ilan* 'змея' (первоначально 'ползающая'), но туркм. *dogan* 'брат' (первоначально 'рожденный') или тат. *rəñāp* 'сено' (первоначально 'то, что скошено'). В эпоху образования более мелких языковых общностей, в особенности огузской и кыпчакской, происходят значительные изменения в области древних причастий, отглагольных имен. В кыпчакской языковой общности активизируется форма *-gan*. Аффикс *-an* отходит на задний план, становясь непродуктивным. Угасает причастная функция у образования *-k*. В огузской общности причастное значение закрепляется за образованием *-an*, у которого оказались и синонимичные ему конкуренты. В некоторых огузских языках его значительно оттесняет образование *-duk*. Тенденция семантической специализации наглядно проявляется на примере функционирования в огузской общности формы *-tuş*, за которой закрепляется значение только прошедшего времени. После распада пратюркской общности в период самостоятельного развития отдельных тюркских языков возникают причастия с узкоспециализированным временным значением. Ср. кум., чув. *-agan*, азерб., тур. *-ağ* и др.

Многое в развитии тюркских языков объясняется тем, что в агглютинативных языках действует закон односложности аффикса, стремящегося к возможно большему ограничению значений. В тюркских языках эта тенденция преодолевается путем нагромождения аффиксов.

Временная форма на *-a* имеет ярко выраженный зональный характер, что объясняется окончательным оформлением в кыпчакской языковой общности. Стимулом для ее возникновения, по всей видимости, послужила полисемантичность старой формы аориста на *-r*, который мог выражать и настоящее, и будущее время. Морфологический показатель *-a* создавал возможность выражения настоящего времени особой формой. Правда, с течением времени в некоторых кыпчакских языках, например в татарском, формант *-a* приобрел дополнительное значение будущего времени. Как свидетельствует материал тюркских языков, полисемантизм формы *-r* вызвал фонетическое расщепление этого морфологического показателя, связанное с двумя различными значениями. Грамматическая дифференциация и выделение варианта *-ag* для будущего времени и *-ug* для настоящего (в азербайджанском) или *-eg*, *-jeğ* для настоящего времени и *-g*, *-ag*, *-äg*, *-ug*, *-ig*, *-ig*, *-üg* для будущего неопределенного (в гагаузском) — явление, очевидно, более позднее. В турецком языке для передачи значения настоящего времени возникла форма *-uğ*.

В целом ряде тюркских языков кыпчакского ареала на почве аориста показатель *-r* приобрел значение будущего времени, поскольку на-

¹¹ См.: Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966, стр. 200—213.

стоящее время передавалось формой *-a* (ср. алтайский, казахский, караево-балкарский, кумыкский, тувинский, хакасский, шорский языки).

Наиболее древние следы использования показателя *-r* в значении аориста сохранились, например, в турецком языке.

Образование залоговой категории происходит в значительной мере по тем же внутренним законам развития тюркских языков. Как убедительно показано Э. В. Севортьяном, первоначально не было строгого разграничения действия, совершающегося «само собой», и действия, навязываемого извне. Большая часть страдательных аффиксов в енисейско-орхонских и наиболее древних уйгурских памятниках имеет медиопассивное значение, сохранившееся в некоторых тюркских языках и в более позднее время. В древности (а в некоторых языках даже еще в XIX в.) не существовало противопоставления страдательного оборота действию¹². Необходимым условием развития современных значений страдательного залога, отмечает Э. В. Севортьян, было выделение в тюркском медиопассиве медиального и пассивного значений. Из пассивного значения, то есть значения действия, навязываемого грамматическому субъекту извне, выработались современные значения — безличное и страдательное, начальные формы которого можно усмотреть в оборотах типа *opa sevilmäk'* 'быть любимым им (ею)'¹³. Факты свидетельствуют о настойчиво проявляющейся тенденции разделить значения страдательного и возвратного залогов также и формально. Аффикс *-n* начинает специализироваться для передачи значения возвратности (не без исключений), а *-l* — для передачи значения пассивности (также не без исключений). Таким образом, формальное выражение и разграничение залогов становится более четким, хотя процесс этот полностью еще не завершен.

Вероятно, первоначально в тюркских языках не были развиты сложные глаголы типа *jazup beterdı* 'написал', о чем свидетельствует неравномерный характер распределения подобных глаголов по отдельным ареалам тюркских языков (значительное их многообразие наблюдается в среднеазиатском ареале, более суженные рамки употребления — в юго-западной группе тюркских языков). Если бы сложные глаголы не получили развития, локальные характеристики глагольного действия стали бы выражаться при помощи значений падежей, и это могло бы привести к несвойственному агглютинативным языкам полисемантизму падежей или к созданию специальной серии глаголов, различная направленность действий которых передавалась бы непосредственно значением основы глагола типа *çuk-* 'выходить', *g'äl-* 'приходить' и др. Однако такого рода глаголов относительно немного. Этот коммуникативный недостаток в кыпчакском ареале тюркских языков был восполнен созданием многообразной серии сложных глаголов.

Сравнительно-исторический анализ синтаксической структуры тюркских языков свидетельствует о том, что целый ряд процессов развития и на этом уровне языка может быть в определенной мере объяснен устранением слабых звеньев системы.

Так, например, согласование в числе в тюркских языках — категория историческая. Формально выраженное членимое множество возник-

¹² См.: Э. В. Севортьян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 499.

¹³ Там же, стр. 499—500.

ло на базе собирательности. Это положение общепризнано в тюркологической литературе (ср. работы В. Котвича, К. Грэнбека, Н. К. Дмитриева, а также последнюю работу А. Н. Кононова¹⁴).

Категория собирательности совмещает в себе понятия множественности и единичности (ср. русск. *шумит братва*). Этим, в частности, объясняется тот факт, что в 3-м лице множественность могла формально не выражаться. Ср. материал казахского языка, где, как правило, 3-е лицо не оформляется специальным окончанием и совпадает с формой единственного числа: *ol satady* 'он продает' и *olar satady* 'они продают'. Менее последовательно это явление наблюдается и в других тюркских языках (ср. материал киргизского языка).

Со временем в языке стала все больше оформляться абстрактная множественность. Прежняя единая форма 3-го лица становилась слишком полисемантической, и настойчиво проявляющаяся в языке тенденция к созданию для каждого значения отдельной формы привела к образованию специального формального показателя *-lag*. Однако стилистически, особенно в разговорной речи, этот принцип до сих пор еще полностью не выдерживается. Согласованию глагольных форм в числе могли препятствовать различные причины, к которым следует отнести и просодические факторы — возникновение ритмически неудобных форм (ср. тат. *bağa* и *bağalar*). Некоторые вещественные имена существительные с собирательным значением еще долгое время передавали значение множественности формой единственного числа (ср. тат. *kiğriç bağ* 'кирпич есть'). Ограничения согласования в числе у глагола в какой-то мере могут быть объяснены и действием закона отталкивания от омонимии, поскольку в тюркских языках показатель множественности у имени и глагола одинаков.

Наряду с этими ограничениями в тюркских языках усиливалась и тенденция к формальному выражению множественности. В некоторых тюркских языках существует особый способ выражения множественности при глаголах. Показателем числа здесь выступает аффикс взаимного залога¹⁵. Этот факт можно наблюдать на материале киргизского, кумыкского и уйгурского языков. Ср. кирг. *Алар дубалдын түбүне аттарын байлаштырып коюп, паркка киришти* (Каимов, 31) 'Они, привязав под забором коней, вошли в парк'.

Мысль об относительно позднем развитии множественного числа в алтайских языках разделяется Г. И. Рамstedт, который полагал, что там, где множественное число оформлено, оно может являться также и показателем качественных различий, подразделения на группы, либо совокупности нескольких групп¹⁶. Идея собирательности, нерасчлененного множества, послужила почвой для последующего развития формально выраженной множественности [ср. башк. *ular kilde* 'они пришли (все сразу, как один)'] (Дм. Гр., 231). Стимулирующим фактором такого развития являлось неудобство использования 3-го лица единственного числа в значении множественного.

Проиллюстрируем еще одним примером слабое звено в синтаксической структуре, послужившее импульсом для произошедших в ней изменений. Материал тюркских языков убеждает в том, что развитие зависи-

¹⁴ А. Н. Кононов. Показатели собирательности и множественности в тюркских языках. Л., 1969.

¹⁵ См.: Н. К. Дмитриев. Категория числа. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», II. М., 1956, стр. 71.

¹⁶ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 57.

мых причастных, деепричастных, глагольно-именных конструкций со своим подлежащим отвечало особенностям строя тюркских языков. Вместе с тем параллельно происходило развитие союзов. Необходимо найти объяснение подобному явлению в тюркских языках.

Внимательный анализ семантических отношений, передаваемых как зависимыми конструкциями, так и союзными предложениями, привел нас к предположению о том, что семантическим основанием для развития союзных предложений была необходимость выражения противительного значения (например, условные, следственные предложения). Немаловажную роль играл характер временного соотношения действий. В случае необходимости резкого противопоставления временных планов, контрастности использовались по мере возможности союзные предложения. Значение противительности, противопоставления хорошо выражали частицы, которые и составили основу многих союзных образований. Так, например, в башкирском языке для выражения придаточных предложений образа действия принят союз *ki*: *Шул тиклем моңло итеп уйнап ебәре ки, һәр бер ауырыу дәртләһәп һауыға башлап* 'Он начинает так печально играть, что каждый больной оживляется и начинает выздоравливать'¹⁷.

Характерно, что союз *ki* в определительных конструкциях, как правило, употребляется при конкретизации определяемого, при сообщении дополнительных его свойств и различных характеристик. Союз *ki* очень распространен в объектных конструкциях. Он очень удобен для сохранения высказывания в его прямой передаче. Самые разнообразные нюансы соотнесенности двух действий передаются при помощи соотнесительных слов главной части, которые иногда превосходят зависимые конструкции в передаче оттенков подчинительных значений.

Таким образом, в развитии двух способов подчинения, так называемой трансформации и союзного, сказалось как бы столкновение системы и семантики. Давление своей системы создавало зависимые причастные, деепричастные конструкции. А специфическая семантика контрастности, противопоставления требовала развития союзного способа, для которого в недрах самих тюркских языков создались условия вследствие развитой системы постпозитивных усилительных частиц. Вместе с тем действовала и тенденция создания однотипности структуры главного и придаточного предложения, в рамках которой коммуникативно удобнее передавалась многообразная временная соотнесенность действий.

Одним из важнейших факторов исторического развития языка в современном языкознании считаются языковые контакты. При контактировании языков, особенно в случаях так называемого интенсивного контактирования, отчетливо проявляются слабые звенья системы.

К сожалению, такому типу языкового развития, обусловленному сочетанием внешних и внутренних импульсов, уделяется недостаточное внимание.

Интересно высказывание И. А. Бодуэна де Куртенэ о роли языковых контактов. По его словам, влияние смешения языков проявляется в двух направлениях: с одной стороны, оно вносит в данный язык из чужого языка свойственные ему элементы (запас слов, синтаксические обороты, произношение); с другой же стороны, оно является виновником ослабления степени и силы различаемости, свойственной отдельным частям данного языка. При его содействии гораздо быстрее происходит

¹⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 271.

упрощение и смешение форм, устранение нерациональных различий, действие уподобления одних форм другим (действие «аналогии»), потеря флексивного склонения и замена его сочетанием однообразных форм с предлогами, потеря флексивного спряжения и замена его сложением однородных форм с приставками местоименного происхождения и вообще с разными вспомогательными частицами, потеря морфологически подвизного ударения и т. д.

При столкновении и взаимном влиянии двух языков, смешивающихся «естественным образом», победа остается в отдельных случаях за тем языком, в котором больше простоты и определенности. Переживают более легкие и ясные в своем составе формы, исчезают же более трудные и нерациональные¹⁸.

Убедимся на материале тюркских языков в правомерности некоторых из этих замечаний.

Наблюдения над современным состоянием различных тюркских языков обнаруживают интересное явление: повсеместно встречается тип определительных словосочетаний, выражающих идею принадлежности, один из компонентов которых — определяемое имя — лишен аффикса принадлежности, например: *benim ev* 'мой дом'.

Трудно сказать, существовали ли в древнейшую эпоху притяжательные местоимения, поскольку их могли заменять притяжательные аффиксы, возникшие очень рано. Можно предполагать, что притяжательные местоимения первоначально образовывались по схеме: *основа личного местоимения + притяжательные аффиксы единственного (общего) числа*, поскольку особые притяжательные аффиксы множественного числа, вероятно, возникли позднее. Ср., например: *men-im* 'относящийся ко мне', *sen-in* 'относящийся к тебе'. Такие формы до сих пор сохраняются в тюркских языках в реликтовом состоянии. В целях эмфазы подобные образования, по-видимому, уже в древние времена соединялись с существительными, снабженными притяжательными аффиксами, например: *menim atum* 'моя лошадь'. После появления (еще в общетюркскую эпоху) аффикса родительного падежа в некоторых тюркских языках возникли формы притяжательных местоимений с аффиксом этого падежа. Ср. тат. *bezneŋ iləbəz* 'наша страна'.

Однако совершенно очевидно, что модель *menim atum* представляла собой слабое звено, так как форма принадлежности плеонастически выражена здесь дважды. Свидетельством того, что это слабое звено ликвидируется, является факт повсеместного распространения в современных тюркских языках типа определительных словосочетаний, в которых второй компонент — определяемое — лишен аффикса принадлежности. Ср. азерб. *bizim nəsl* 'наше поколение', алт. *bistiŋ iş* 'наше дело', башк. *bedeŋ komanda* 'наша команда', гагауз. *benim evlär* 'мои дома', карач.-балк. *bizni brigada* 'наша бригада', кирг. *bizdin kolhoz* 'наш колхоз', тат. *bezneŋ jylga* 'наша река', тур. *bizim aşçı* 'наш повар', узб. *bizniŋ umid* 'наша надежда', хак. *pistin mal* 'наш скот', чув. *rigėn halăx* 'наш народ'.

Не исключена возможность, что этот процесс ускоряется влиянием русского языка, в котором, как известно, нет плеоназма в обозначении принадлежности в таких сочетаниях, как *наш дом*. Рассмотренное явление — пример того, как в результате контактирования слабое звено одного языка разрушается под влиянием другого языка.

Особые личные окончания прошедшего времени на *-du* представляют собой слабое звено в системе тюркского глагола: 1) отсут-

¹⁸ И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., 1963, стр. 366.

ствие специфической функции указания на прошедшее время, поскольку у прошедшего времени есть свой показатель -du; 2) во многих случаях личные окончания прошедшего времени омонимичны с притяжательными аффиксами. Материал современных тюркских языков хранит следы утраты различий и смешения двух категорий аффиксов. Ср. тат. *jazam* 'я пишу' и *jazdu-m* 'я написал', башк. *alug-tup* 'я возьму', но *al-ma-m* 'я не возьму' (см. *al-mas-tup*).

Некоторые презентные окончания в чувашском языке по форме совпадают с соответствующими личными окончаниями прошедшего времени. Ср., например: *syrat-än* 'ты пишешь' и *syrt-än* 'ты написал', *syrat-äg* 'вы пишете' и *syrt-äg* 'вы написали' и т. д.

Но особенно наглядно слабость этой системы выявилась при контактировании, например, саларского с китайским языком. Э. Р. Тенишевым зарегистрировано отсутствие спряжения по лицам и числам в саларском языке. Причину этой редкой аномалии Э. Р. Тенишев объясняет действием внешних факторов¹⁹. Ср. салар. *теп алзи* 'я взял', *сен алзи* 'ты взял', *чу алзи* 'он взял'²⁰ и т. д. Таким образом, саларский язык под влиянием китайского утратил личные окончания. Но этой утрате могли содействовать внутренние импульсы в развитии системы. Возможно, что эта утрата первоначально произошла в формах прошедшего времени, так как именно там эта система была особенно слабой. По аналогии с прошедшим временем отпали окончания и в настоящем времени. В силу действующей в языке традиции окончания первой категории не могли сразу перейти в сферу прошедшего времени и стать его общими показателями.

Закон порядка слов определение — определяемое объясняет многие особенности структуры тюркских языков и составляет неотъемлемую типологическую черту агглютинативных языков, помогая воссоздать историю конкретных синтаксических единиц.

Вместе с тем современная психолингвистика доказывает, что скованный порядок слов создает известные коммуникативные затруднения, поскольку подлежащее и сказуемое нередко далеко отстоят друг от друга. Этот коммуникативный недостаток в разговорной речи многих тюркских языков преодолевается (ср. материал разговорного азербайджанского, узбекского и особенно турецкого языков).

Исключительно яркий пример нарушения порядка слов дает материал гагаузского языка, в котором инверсия становится нормой. Внутренние возможности системы здесь активно поддерживаются влиянием славянских языков.

Слабое звено представляет собой инфинитив на -так, имеющий мало глагольных признаков и создающий затруднения при передаче модальной экспрессивности. Об этом свидетельствует ограниченность его употребления или же полное отсутствие во многих тюркских языках (в казахском, татарском, чувашском и др.). Инфинитив на -так в конструкциях с одним субъектом действия мог иметь и значение супина (хочу уехать и приехал в Москву (чтобы) учиться). В этом своем значении инфинитив на -так соприкасался с целевыми придаточными конструкциями с союзами *ki*, *ta* и др., особенно в южных тюркских языках, для которых характерно сказуемое в форме оптатива. Ср. азерб. *Нә дүкан-базар вар ки, кедиб пул вериб аласан* (МН, I, 284) 'Нет ни магазина, ни базара, чтобы пойти заплатить деньги и купить'. Эта модель в известной мере является общетюркской. Оптатив оказался удобнее, поскольку он был более экспрессивным. Наблюдения показывают, что живая разговор-

¹⁹ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 29.

²⁰ Там же, стр. 33.

ная речь всегда предпочитает конструкции с большей модальной экспрессивностью. Ср. русск. *выйду ль я на реченьку...*

Конструкции с -так для разговорного языка коммуникативно менее удобны, нежели конструкции с оптативом, распространенные в разговорной речи ряда тюркских языков (азербайджанского, турецкого, узбекского). Модель конструкций с оптативом вместо ожидаемого инфинитива наблюдается в языках, с которыми контактировали тюркские языки. Ж. Какук полагает, что эта модель была усвоена тюркскими языками из персидского²¹, в котором зарегистрированы аналогичные конструкции той же структуры.

Следствием длительных контактов явилось довольно продуктивное усвоение этих конструкций в разговорной речи, где они успешно стали заменять инфинитивные конструкции, особенно в языке азербайджанцев и турок. В оптативных конструкциях, выступающих в значении супина, союз может присутствовать и может опускаться. Ср. азерб. *Истадик дураг кедэк* (МН, I, 360) 'Мы хотели встать и уйти'; *Билмэди о саат на чаваб версин* (там же, 362) 'Он не знал тогда, что ответить (ему)'; бакин. диал.: *Куннарин бир куну шардан чыхыб кедатди ки өзүнэ бир парча чырак газансун* (Шир. Б. Д., 152) 'Однажды он вышел из города и отправился, чтобы заработать себе кусок хлеба'; тур. *Sen o vakit dünyada değıldin ki babanın yaşını bilesin* (Nasreddin, 12) 'Тебя тогда и на свете не было, чтобы тебе знать возраст твоего отца'; *Erkek evlâdınız olursa sakın ola ki adını Eyup koymayınız* (там же, 58) 'Если у вас будет мальчик, то остерегайтесь назвать его Аюбом'; узб. *Хозирлик кўрингиз, токи гафлатда қолиб пушаймон бўлмайлик* (Ойбек) 'Подготовьтесь (заранее), чтобы нам не раскaiваться в (своем) незнании' (Кон., 331).

В гагаузском языке эти конструкции зарегистрированы Л. А. Покровской, которая полагает, что они развились в результате активной интерференции гагаузских, турецких и болгарских диалектов²². Фактически названные конструкции здесь претерпели двойное усиление, значительно сократив функции инфинитива.

Наши исследования показывают, что первоначальный импульс развития исходил не столько от персидского языка, сколько от арабского, в котором, как известно, нет формы инфинитива и в целевых конструкциях ему везде соответствуют личные формы глагола при непосредственном подчинении без союза, но чаще с союзом *و شرعوا يفكرون: آن* 'и начали думать'. Ср. *أخذ يتحدث* 'он начал с ним беседовать' (Гранде, 496): *أمره أن يقوم من مجلسه* 'Он ему приказал встать со своего места' (там же, 498).

Следует при этом отметить, что рассматриваемые нами конструкции широко распространены в довольно ранних тюркских памятниках. Ср. памятник арабского письма «Подарок истин» (X—XII вв.). *اونارجا آيايين يارى بير منكا* 'Дай помощь мне, чтобы сказать (мне) искусно!' (Мал. Пам., 319). Родословная туркмен: *Сөзні муңба кождылар ким Огузны авда жүргәндә тутуб өлтүргәйлар* (226—227) 'Они на том порешили: захватить Огуза во время охоты и убить его' (Кон. Род., 152). Ср. еще азерб. памятник Хатаи: *Алдым гәләми ки, намә язым* (Хат. Д.) 'Я взял перо, чтобы написать письмо'. Старотурецкий *بر طریق بولمديکه*

²¹ Zs. Kakuk. *Constructions hypotactiques. Occidentale.* — «Acta Orientalia Hungaricae», t. XI, f. 1—3. Budapest, 1960, стр. 249—257.

²² Л. А. Покровская. Особенности структуры сложноподчиненного бессоюзного предложения в гагаузском языке и балкано-турецких диалектах. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 41.

خلص ايدِه (Смирнов) 'И не нашел дороги, чтобы спастись'; «Калила и Димна» (тур. пер.): *İmdi yaraklangıl kim varasın* (Т. ed. ant.) 'Вооружайся сейчас, чтобы отправиться в путь'.

Весьма любопытно, что эти конструкции можно нередко встретить и в документах на половецком языке XVI в., отражающем староқыпчакские разговорные языки. *Јох тыр һали немам кі толагајмен* (127) 'Сейчас мне нечем заплатить' (Половец., 361); *Чіхарын хлычын да келди кі урук кескај...* (там же, 375) 'Вынув кинжал, подошел, чтобы зарезать...'

Нам представляется, что арабо-персидский импульс не мог бы действовать такому изменению синтаксической системы, если бы в этой системе не было слабого звена; если не было бы в самих тюркских языках благоприятной почвы для усвоения этой модели.

Вместе с тем следует учитывать, что при контактировании языков происходит не только ускоренное разрушение слабых элементов, служащих импульсом к изменению.

Сравнительно-исторический анализ системы тюркских языков позволяет прийти к выводу, что при контактировании наблюдаются факты поддержания особенностей структуры одного из тюркских языков структурой неродственного языка (при условии гармоничного соответствия двух явлений и в случаях, когда эти явления не слабые звенья системы).

Так, например, в процессе развития сложного предложения в тюркских языках происходили явления, которые могут быть объяснены только с учетом как внутренних, так и внешних факторов развития языковой системы.

Союзный способ выражения подчинения не является для тюркских языков абсолютно привнесенным извне. Условия для развития союзного способа подчинения были заложены в самой структуре тюркских языков, в недрах простого предложения (одной из наиболее ранних синтаксических единиц), в развитой системе различного рода частиц.

Тюркская усилительно-выделительная частица *ki* с развившимся у нее противительно-условным значением могла встретиться с иранским союзом *ki* и расширить свою семантику. В некоторых тюркских языках, контактировавших в течение столетий с персидским языком, активно развивается союз *ki*, а также отдельные виды придаточных предложений с *ki*, имеющих полную корреспонденцию в двух контактирующих языках. (Ср. оформление придаточных предложений цели, вводимых союзом *ki* со сказуемым в придаточном в форме оптатива).

Поэтому союз *ki* получил широкое развитие в южных тюркских языках (азербайджанском, турецком) и слабо развился в кыпчакском ареале тюркских языков, хотя и там была для него благоприятная почва; однако отсутствие сильного внешнего импульса препятствовало его распространению. Вот почему в южных тюркских языках была хорошо усвоена индоевропейская структура союзной связи с хорошо развитой системой соотносительных слов и анафорических местоимений.

В настоящей статье, тематически ограниченной определенной задачей, естественно, не было возможности коснуться ни других параллельно действующих внутренних факторов развития структуры тюркских языков, ни различных процессов, происходящих при контактировании языков. Не ставился нами вопрос и о том, какие стороны языковой системы наиболее подвержены контактными изменениям и какими различными причинами могут объясняться общие структурные признаки разносистемных языков.

Все вышеизложенное отнюдь не означает, что ликвидация так называемых слабых звеньев является непреложным законом, не допускающим

исключений. Охарактеризованное явление можно рассматривать как один из наиболее мощных стимулов языковых изменений. Если в языке есть слабое звено, это не значит, что оно непременно устраняется. Одновременно с устранением одних слабых звеньев постоянно возникают новые. Это происходит благодаря перекрещиванию линий формо- и словообразований. Кроме того, действует ярко выраженная тенденция сохранения языковой системы, чем и объясняется известная терпимость языка к существующим коммуникативным затруднениям.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Гранде* — Б. М. Гранде. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М., 1963.
Дм. Гр. — Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
Каимов — Касым Каимов. Адашуу. Фрунзе, 1957.
Кон. — А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
Кон. Род. — А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958.
Мал. Пам. — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
МН I — Чэлил Мэммэдгулузадэ (Молла Нэсрэддин). Сечилмиш эсэрлэри. I. Ба-
 кы, 1951.
Половец. — Документы на половецком языке XVI в. М., 1967.
Смирнов — В. Д. Смирнов. Образцовые произведения османской литературы в из-
 влечениях и отрывках. СПб., 1903.
Хат. Д. — Хэтан. Дəһнамə. Бақы, 1946.
Шир. Б. Д. — М. Ш. Ширалиев. Бакинский диалект. Баку, 1957.
Nasreddin. — Nasreddin Hoca. Fıkralar. Sofya, 1957.
T. ed. ant. — Türk edebiyatı antolojileri izahlı. Ankara, 1943.

М. И. ИСЛАМОВ

ДРЕВНИЕ ФОРМЫ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Местоименные как одна из древнейших категорий языка всегда привлекало внимание ученых-языковедов. Имеется ряд специальных работ, посвященных местоимениям. В этих работах так же, как и в грамматиках отдельных тюркских языков, определенное место отводится и личным местоимениям. Однако следует отметить, что некоторые формы и особенности употребления личных местоимений все еще продолжают оставаться нераскрытыми, причем по ряду вопросов мнения ученых и по сей день расходятся. В диалектах и говорах азербайджанского языка зафиксированы такие формы личных местоимений (особенно при их склонении), сам факт существования которых проливает свет на эти невыясненные вопросы. Некоторые из этих форм не встречаются ни в других современных тюркских языках, ни в древних письменных памятниках.

В диалектах и говорах азербайджанского языка, наряду с литературными формами местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа *män, säp*, существуют также формы *теп, сеп, бән, тап, сап*.

Известно, что формы *теп, сеп* широко употреблялись в древних тюркских письменных памятниках¹. Ныне эти формы в ряде тюркских языков (алтайском, казахском, каракалпакском, киргизском, кумыкском, ногайском, тувинском, узбекском, туркменском, шорском, ойротском и др.) стабилизировались и стали литературной нормой².

В азербайджанских диалектах и говорах для 1-го лица зафиксирована также форма *бән*. Эта форма использовалась в ранние эпохи развития азербайджанского языка. Как отмечает Х. Мирзазаде, некоторое время обе формы (*бән, тән*) употреблялись параллельно, но в дальнейшем, благодаря более широкому распространению в разговорном языке формы *тән*, в письменном языке закрепилась последняя³. Этот факт подтверждается и тем, что форма *бән* теперь редко встречается в азербайджанских диалектах и говорах. Форма *сеп* сохранилась в турецком и гагаузском языках, она зафиксирована также и в классической татарской (до XX в.) литературе, в том числе в песенных текстах⁴.

Параллельное употребление форм с начальным *b-* и *m-* (*män||теп, бән||сеп*) вызывало у исследователей различные суждения. Известно, что

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 340, 495.

² Ф. Г. Исхаков. Местоимения. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. М., 1956, стр. 214—215.

³ Х. Мирзазаде. Азербайжан дилинин тарихи морфолокијасы. Баку, 1962, стр. 168—169.

⁴ Ф. Г. Исхаков. Местоимения., стр. 21.

форма с начальным *m-* в тюркских языках более употребительна. Однако В. Радлов считал, что форма с начальным *b-* является древнейшей. По Г. И. Рамstedту, М. Б. Мункачи и А. П. Поцелуевскому, форма с начальным *m-* является исходной⁵. В. Банг, Н. Поппе, В. А. Богородицкий отдают в этом смысле предпочтение форме с начальным *b-*⁶. В. А. Богородицкий указывает, что начальный *m-* в слове *теп* возник под назализующим влиянием конечного согласного *-n* (регрессивная ассимиляция). Для обоснования своего мнения он ссылается также на существование формы с начальным *b-* в монгольском языке⁷. И. А. Батманов и турецкий ученый М. Мансуроглы придерживаются того же мнения⁸.

Однако факты говорят о другом. Кроме указанного местоимения, в азербайджанских диалектах и говорах существуют слова одного и того же значения как с начальным *b-*, так и с *m-*. Некоторые слова, не имеющие в своем составе сонорного *p* и употребляющиеся в азербайджанском литературном языке так же, как в большинстве его диалектов, с начальным *b-*, в отдельных диалектах и говорах произносятся с начальным *m-*, например: *miz* (лит. *biz*) 'шило', *mutax* (лит. *budag*) 'ветка', *muxagu* (лит. *buxagu*) 'камин' и т. д. Аналогичное явление наблюдается и в древних письменных памятниках, и в других современных тюркских языках. Так, например, в словарях Махмуда Кашгари и Ибн-Муханны слово *biz* 'шило' дается с начальным *m-*⁹. Слово *buz* 'лед' в казахском, киргизском, каракалпакском, узбекском, уйгурском языках употребляется с начальным *m-* — *muz*. Такое соответствие наблюдается, например, в словах *bařag* 'колосья, оставшиеся на поле после жатвы' и *buu* 'усы', в алтайском — *таřак*, казахском, каракалпакском, ногайском — *масак*, киргизском — *таřак* (в уйгурском имеются обе формы — как с *b*, так и с *m*). Или: в алтайском, башкирском, ногайском — *тујук*, татарском — *туек* 'усы' и т. д.

Совершенно очевидно, что в формах *miz*, *muz*, *таřак*, *туек*||*тујук* начальный *m-* не может рассматриваться как результат ассимилирующего влияния других согласных. Это подобно случаю с параллельным употреблением форм личного местоимения 1-го лица *ben* и *теп*. Этот исторический параллелизм, зафиксированный в древнетюркских памятниках, а также сохранение его в азербайджанских диалектах дает право считать обе формы древними. Возможно, каждая из этих форм некогда была характерна для определенного тюркского языка (или языков), или же для их родоплеменной основы. В настоящее же время обе эти исторически сложившиеся формы параллельно живут в различных тюркских языках.

Зафиксированные в диалектах местоименные формы 1-го лица ед. числа *тап*, *сап* имеют важное значение для изучения истории тюркских языков. Отсутствие в современных тюркских языках и в древних письменных памятниках личных местоименных форм *тап*||*бап*, *сап* и их возникновение в некоторых тюркских языках при склонении (например

⁵ А. П. Поцелуевский. Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад, 1947, стр. 14.

⁶ W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Krakow, 1936, стр. 5.

⁷ В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934, стр. 8.

⁸ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 70; *Mecdut Mansuroglu. Türkcede zamir çekimi. — «Türk dili ve edebiyatı dergisi, cilt III. İstanbul, 1939, стр. 511.*

⁹ *Mahmud Kaşğari. Divanü lûgat-it-türk tercümesi. Çeviren Besim Atalay, cilt I. Ankara, 1939, стр. 327; М. Ширәлиев. Азәрбајҹан диалектолокијасынын әсаслары. Бақы, 1968, стр. 81.*

тапа||бапа, сапа, таҗа, саҗа) привлекло внимание ряда видных ученых. Ниже мы подробно остановимся на этом явлении.

Весьма ценным является высказывание по этому вопросу Ф. Г. Исхакова: «Тот факт, что в чувашском языке склоняемыми основами личных местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа являются *ман-* и *сан-*, в турецком языке дательный падеж этих местоимений образуется также от *ban-* и *san-* (*banā* 'мне', *sana* 'тебе'), а во многих других тюркских языках основы форм дательного падежа этих двух местоимений представляют собой лишь измененные варианты вышеприведенных *ман-* и *сан-* (ср. *маңа||маҗа||мә* 'мне', *саңа||саҗа||сә* 'тебе' в ряде тюркских языков), дает основание предположить существование некогда в тюркских языках личных местоимений 1-го и 2-го лица, звучащих *ман* и *сан*»¹⁰.

Выявление форм тап, сап в единственном числе (именительном падеже) подтверждает предположение Ф. Г. Исхакова. Наблюдающиеся аналоги в диалектах других тюркских языков, в том числе туркменского (*ман сана өргәтәмән* 'я тебя научу', *сан мана бәрсәйдиң йүз манат*¹¹ 'ты мне сто рублей дал бы') и узбекского языков¹², еще раз убеждают в правильности этого вывода.

Таким образом, древность местоименной формы тап, сап и употребляемость ее некогда в тюркских языках не вызывает сомнений. Эта форма, подобно другим древним языковым фактам, сохранилась в диалектах и говорах отдельных тюркских языков, в том числе и азербайджанского.

В азербайджанских диалектах форма местоимений 1-го лица мн. числа не отличается от аналогичной формы в современном литературном языке. При употреблении местоимений 2-го лица во множественном числе наряду с формой *siz* встречается также *süz*.

В диалектах и говорах азербайджанского языка местоимения 3-го лица в ед. числе встречаются в формах *o||u*, *ho||hu*. Форма с *h* характерна для северной группы диалектов и говоров, *u* же употребляется как в северной, так и в восточной (кубинском диалекте) и южной (в ордубадском диалекте и говорах Сисианского и Мегринского районов Армянской ССР) диалектных группах.

Употребление в единственном числе местоимения 3-го лица в форме *u* нельзя рассматривать как простое звукочередование (*o > u*). Форма *u* местоимения 3-го лица встречается и в других тюркских языках — в современном узбекском¹³ и уйгурском¹⁴, а также в диалектах узбекского языка¹⁵. По мнению А. Н. Кононова, *u—u* является архаичной формой местоимения¹⁶.

Известно, что *o||u* выступает в функции как личного, так и указательного местоимений. Некоторые тюркологи полагают, что указательное местоимение *o||o* со временем стало выступать и в функции местоимения 3-го лица. Во всех тюркских языках, за исключением якутского, местоимение 3-го лица ед. и мн. числа употребляется и как указательное местоимение. Поэтому местоимение 3-го лица называют также лично-указательным, или указательно-личным местоимением.

¹⁰ Ф. Г. Исхаков. Местоимения..., стр. 214.

¹¹ Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970, стр. 255, 270.

¹² О. Шарипов. Папский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1962, стр. 15.

¹³ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 172.

¹⁴ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 76.

¹⁵ О. Шарипов. Указ. раб., стр. 15; Ш. Насыров. Кокандский говор узбекского языка. Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1965, стр. 17.

¹⁶ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 172.

В диалектах и говорах азербайджанского языка личное местоимение 3-го лица, принимающее аффикс множественности *-lağ*, отличается тремя особенностями:

1) местоименные формы *o||u*, *ho||hu* во множественном числе соответственно употребляются как *o|ağ||ular*, *ho|ağ||hular*;

2) во множественном числе местоимение 3-го лица употребляется в форме *o|lağ||ullar*, *ho|lağ||hullar*.

В форме *o|lağ* внимание привлекает особенность, наблюдающаяся как в древних тюркских письменных памятниках, так и в текстах, относящихся к раннему периоду истории азербайджанского языка. Известно, что в орхоно-енисейских памятниках¹⁷ и в ряде тюркских языков (например, алтайском, казахском, каракалпакском, ногайском, тувинском, туркменском, хакасском, шорском и т. д.) местоимением 3-го лица ед. числа выступает *o|*¹⁸. Местоимение *o|* широко употребляется также в «Китаби-Деде Коркут» и в ранний период становления азербайджанского литературного языка¹⁹. Эта историческая форма сохранилась также в отдельных диалектах и говорах азербайджанского языка в 3-м лице мн. числа;

3) местоимение 3-го лица во мн. числе имеет форму *o|pağ||unpağ*.

В данном случае начальный согласный *l* в аффиксе *-lağ* под ассимилирующим воздействием предыдущего сонорного *p* преобразовался: *o|pağ||unpağ*. Эта форма встречается также в шорском²⁰ и гагаузском²¹ языках.

Как известно, согласный звук *p* в местоимении *o|pağ* в современном азербайджанском литературном языке принято считать соединительным элементом. Однако диалектные факты и материалы древних тюркских языков дают основание для иных выводов. Ученые отмечают существование в тюркских языках с древнейших времен для местоимений 3-го лица наряду с формой *an-* и формы *on-*²². В. Котвич пишет, что форма *an-* наиболее древняя и представляет собой, по всей видимости, рефлекс вышедшего ныне из употребления древнего личного местоимения, впоследствии замененного формой *o|* ~ *o*, употребляющейся вместо древнего *on-*²³.

Появление звука *p* при склонении местоимений 3-го лица или прибавлении аффикса *-lağ* привлекало внимание и Ф. Г. Исхакова. Он предположил, что наряду с местоимениями *a||o|||u|* в тюркских языках некогда существовали и варианты с *p*, то есть *an||o|||un*²⁴.

А. М. Щербак отмечает наличие местоимений 3-го лица *an-* (ед. число) и *an|ağ* (мн. число) в тюркских текстах X—XIII вв. из Восточного Туркестана и в парадигме спряжения местоимений по лицам приводит эти местоимения²⁵. Им выдвигается предположение, что, в связи с вхождением в употребление аффикса *-lağ* в более позднее время, первоначально местоимение **a* (*n*) имело значение как единственного, так и множественного числа²⁶.

Все это подтверждает, что *o|pağ||un* является одной из древних форм местоимения 3-го лица. Она сохранилась в слове *o|pağ||unpağ*, которое в

¹⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 404.

¹⁸ Ф. Г. Исхаков. Местоимения..., стр. 214—215.

¹⁹ Китаби Дэдэ Горгуд. Баку, 1962, стр. 92; *h. Мирззаде*. Указ. раб., стр. 172.

²⁰ Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.—Л., 1941, стр. 83—84.

²¹ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 127.

²² W. Kotwicz. Les pronoms..., стр. 19.

²³ Там же.

²⁴ Ф. Г. Исхаков. Местоимения..., стр. 209—214.

²⁵ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 125.

²⁶ Там же.

азербайджанских диалектах и говорах выражает множественное число 3-го лица. В литературном азербайджанском языке указанная форма восстанавливается при прибавлении аффикса множественности и падежных аффиксов, например: о 'он', олар 'они', олу 'его', олу 'ему', олу 'его', онда 'у него', ондан 'от него'.

В диалектах и говорах азербайджанского языка при склонении личных местоимений проявляются древние особенности, отсутствующие в современном литературном языке. Причем наибольшим разнообразием отличаются родительный, дательный и винительный падежи.

Родительный падеж. Как известно, в литературном азербайджанском языке местоимения 1-го лица ед. и мн. числа в родительном падеже принимают аффикс -im (mänim, bizim). В диалектах наряду с этим аффиксом встречается и аффикс -in, например: mäpin||menin, bizim. А в некоторых диалектах и говорах (в частности, в западной группе и в говоре Кахского района) аффикс родительного падежа употребляется в виде -iη (ед. и мн. число местоимений 1-го и 2-го лица) и -uη (ед. число местоимения 3-го лица), например: meniη, seniη, bizim, sizin, onuη.

Аффикс -in или -iη, характерный для родительного падежа местоимений men и biz, во многих тюркских языках является литературной нормой, например: в туркменском — meniη, bizim; в кумыкском — bizim; в башкирском — mineη, bedbeη; в киргизском — menin, bizdin; в казахском — meniη, bizdin; в уйгурском — meniη, bizim; в тувинском — meη, bistin и т. д.

Форма с аффиксом -iη была широкоупотребительна и в древнетюркских памятниках²⁷.

Употребление аффикса -in вместо аффикса -im в родительном падеже местоимений 1-го лица ед. и мн. числа не является результатом простого чередования m > n в аффиксе. Это — реликт исторического языкового явления.

Известно, что архаической формой велярного согласного η является сочетание ng. Этот звук встречается в аффиксе родительного падежа местоимений в древних письменных памятниках. Так, например, в памятнике кыпчакских языков «Codex Cumanicus» (XIII—XIV вв.) в словах, оканчивающихся на согласные и стоящих в родительном падеже, наряду с аффиксом -ning употребляется также ing, например, mening, sening, aping, bizim, sizin²⁸. Употребление слитного звука ng в аффиксе родительного падежа местоимений отмечено Т. И. Груниным и в памятниках половецкого языка XVI в. (например, -nung)²⁹. Аффикс -ing личных местоимений, стоящих в родительном падеже в единственном и множественном числе, сохранился в современном узбекском языке, например: mening, sening, uning, sizin, ularning³⁰.

В диалектах и говорах азербайджанского языка, а также в других тюркских языках звук n аффикса родительного падежа (т. е. в аффиксе -in) местоимений men и biz является результатом исторического развития звука ng — его реликтом. По мере развития языка сложный звук ng распался, звук g со временем ослабел и выпал, сохранился только элемент n. Таким образом, n в аффиксе in — не результат простого чередования, а рефлекс исторической формы.

²⁷ Древнетюркский словарь, стр. 341.

²⁸ А. Курьшжанов. Парадигмы склонения в языке письменного памятника XIII—XIV вв. «Codex Cumanicus». — «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. I. Алма-Ата, 1958, стр. 63—64.

²⁹ Т. И. Грунин. Памятники половецкого языка XVI века. — В сб.: «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его 75-летию». М., 1953, стр. 96.

³⁰ А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 174.

В кедабекском (айрумском) говоре азербайджанского языка зафиксировано употребление аффикса -ik, -ук, -uk в родительном падеже местоимений 2-го и 3-го лица ед. и мн. числа, например: *sānik, sizik, opuk, olaryk*.

Второй компонент аффикса -ik, -ук, -uk, то есть звук *k*, также является результатом исторического развития *ng*. В этом случае один из компонентов сложного звука *ng* — звук *n* — выпал, а другой компонент — *g*, оглушаясь, превратился в согласный *k*. Такое фонетическое явление ($g > k$) является одной из характерных особенностей айрумского говора. С другой стороны, звук *k*, появившийся в результате разложения и упрощения сложного звука *ng*, встречается в айрумском говоре и в ед. числе 2-го лица категории сказуемости, например: *čatyfsyk* 'ты дошел', *tutufsuk* 'ты держал', *gāldik* 'ты пришел', *gōrdük* 'ты видел'³¹.

Элемент *γ/g* в диалектах и говорах азербайджанского языка встречается также во 2-м лице категории принадлежности.

Аффикс *γ* встречается в ед. числе 2-го лица категории сказуемости в орхонских памятниках (*bagduγ* 'ты пришел', *öltiγ* 'ты умер') и у Махмуда Кашгари (*gačurduγ* 'ты позволил бежать')³².

Рассматривая сложный звук *ng/пγ*, М. Ш. Ширалиев пишет, что в процессе разложения этого звука в огузских языках преобладающим стал элемент *n*, а в кыпчакских — элемент *k(γ)*³³. Факты показывают, что в диалектах азербайджанского языка встречаются оба элемента.

Отмечено и другое интересное явление, возникающее при употреблении личных местоимений в родительном падеже. В говоре Агджабединского района местоимения 1-го и 2-го лица в родительном падеже принимают аффикс -*üv/-uv*, например: *sānüv, sizüv, opuv, ollaguv*. Употребление в аффиксе -*ip, -up* в родительном падеже звука *v* вместо *n* также связано с упомянутым выше явлением — разложением и упрощением звука *ng*. В данном случае возникновение звука *v* связано с заменой компонента *γ* в звуке *ng||пγ* звуком *v*³⁴. Вообще соответствие звуков *g||γ ~ v* наблюдается как в диалектах и говорах азербайджанского языка (например: *gutuyuz ~ gutuvuz, g'özuγa ~ g'özuva, xalaγu ~ xalov* и т. д.), так и в других тюркских языках. Звуку *g||γ* в кыпчакских языках очень часто соответствует звук *v* языков огузской группы. Эта особенность характерна и для древних и современных кыпчакских языков, например: *baγ—bav* 'шнурок', *baγla—bavla* 'связывай', *oγul—ovul* 'сын', *taγ—tav* 'гора', *jaγ—jav*³⁵ 'масло', *tuv—doγ* 'родить', *buvum—boγum* 'сочленение', *buv—buγ* 'усы', *sav—saγ* 'правая (сторона)'³⁶ и т. д.

Заслуживает быть отмеченным и аффикс -*ij, -üj, -uj* родительного падежа, употребляемый в личных местоимениях восточной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, например: *sānij||sānüj, opuj* (*sānüj atoj ady nädi?* 'как зовут твоего отца?' — Лерикский район Азербайджанской ССР). Такая особенность наблюдается в керкукском диалекте (Иракская республика) азербайджанского языка, например, *sānij* 'твой'³⁷. Аффикс -*ij, -uj* встречается и в диалектах других тюркских язы-

³¹ Б. П. Садыгов. Кедабекские говоры азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1964, стр. 20.

³² М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные для истории тюркских языков. — «Советская тюркология», № 5, 1970, стр. 21.

³³ М. Ш. Ширалиев. Азербайжан диалектолокијасынын сон наилијјэтлэри. — «Азэр бајчан ССР ЕА Хэбэрлэри (Әдэбијјат, дил вэ инчәсәнәт серијасы)», № 2, 1970, стр. 5.

³⁴ М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные., стр. 21—22.

³⁵ Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров. Ташкент, 1967, стр. 192.

³⁶ Н. А. Баскаков. Тюркские языки. М., 1960, стр. 146.

³⁷ М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные., стр. 21.

ков. Например, в хасарском диалекте туркменского языка местоимения 1-го, 2-го, 3-го лица ед. числа в родительном падеже имеют следующую форму: *mānij, sānij, onuj*³⁸.

Аффикс *-ij/-uj/-üj* возник из того же источника. Выше нами уже отмечалось, что аффикс *-ing||-inü* является древней формой выражения родительного падежа. В ходе исторического развития звук *p* в этом аффиксе выпал, а согласный *γ* в результате смягчения преобразовался в звук *j*³⁹.

Личные местоимения в родительном падеже иногда принимают формы: *mājin, sājin, ojun*. При выпадении звука *j* возникают следующие формы родительного падежа: *māim, sāin, o^un||o^yn*.

В кахском говоре родительный падеж местоимений выражается аффиксом *-i, -u*, таким образом, формально совпадая с винительным падежом. В подобных случаях падежи различаются только по контексту, например: *Meni balalar g'edipdi* 'Мои дети ушли'; *Seni jol habudy* 'Вот твоя дорога'; *Onu gyz k'isijä g'etdi* 'Его дочь вышла замуж'; *Bizi gojunnar dayda otduj* 'Наши овцы пасутся в горах'.

Употребление аффикса *-i* родительного падежа личных местоимений наблюдается и в языках кыпчакской группы, например, в кумыкском и карачаево-балкарском. В кумыкском — *meni, seni, onu*, карачаево-балкарском — *meni, seni, anu*. Такая же особенность наблюдается и в тюркских текстах X—XIII вв. из Восточного Туркестана⁴⁰.

В азербайджанских диалектах и говорах широко распространена и редуцированная форма личных местоимений в родительном падеже: *mām||mān||mām, sān||sān||sān, ön||ün||hün*. Здесь звук *p* основы выпал, и корневой гласный в сочетании с гласным аффикса образовал один долгий гласный звук.

Приведем формы родительного падежа (ед. числа) личных местоимений шекинского диалекта: *mā, sā, ū||hū*; например: *Haby işdän mā hävärim joxdu* 'Я об этом деле ничего не знаю'; *Sorşur männän k'i, sā adun nädi?* 'Спрашивает, как меня зовут'; *Män ū ganūny axdāram* 'Я ищу его кровь'; *Hü zavavuny gajdanda mā dinä* 'По возвращении передай мне его ответ'.

Дательный падеж. Азербайджанские диалекты и говоры отличаются разнообразными формами дательного падежа (ед. числа) личных местоимений. Так, например, в говорах Зангеланского, Сисианского и Кахского районов для выражения дательного падежа личных местоимений (ед. число) употребляются древние формы *manga||manγa, sang||sanγa, onga||onγa*, образовавшиеся в результате слияния местоимений 1-го и 2-го лица *man, san* с древним аффиксом дательного падежа *-ga||-γa*.

Формы *manga||manγa, sang||sanγa*, как известно, считаются древнейшими формами дательного падежа личных местоимений. Они встречаются и в древних тюркских письменных памятниках; например, *manğa, sanğa* — в словаре Махмуда Кашгари⁴¹; *menga, senga, anga* — в «Codex Sumanicus»⁴².

В восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка отмечена форма с гласными переднего ряда *māngä, sāngä*. Здесь аффикс

³⁸ Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки. Ашгабат, 1970, стр. 250; Говхер Сапарова. Диалект Хасарли туркменского языка. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1970, стр. 13.

³⁹ М. Ш. Ширалиев. Новые диалектные данные., стр. 21.

⁴⁰ А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 80.

⁴¹ Divanü lûgat-it-türk tercümesi, cilt I, стр. 36; cilt II, стр. 24.

⁴² А. Курышжанов. Указ. раб., стр. 71.

-га под влиянием предшествующих гласных переднего ряда обрел смягченную форму -gä, то есть $m\ddot{a}n+ga$, $s\ddot{a}n+ga=m\ddot{a}ng\ddot{a}$, $s\ddot{a}ng\ddot{a}$. Эта форма наблюдается в некоторых тюркских языках⁴³.

Употребляемые в закатало-кахском и кедабекско-айрумском говорах азербайджанского языка формы $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ являются сокращенными вариантами форм $ma\ddot{a}ga$, $sa\ddot{a}ga$. В данном случае с прибавлением аффикса -ga||-ya к местоимениям $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ звук n выпал. Следует отметить, что эта форма в тюркских языках более употребительна, чем форма $ma\ddot{a}ga$, $sa\ddot{a}ga$. В ногайском, киргизском, шорском — *мага, сага*; в кумыкском — *магъа, сагъа*; хакасском — *мага, сага*⁴⁴; в языке желтых уйгуров — *маба, саба*⁴⁵.

В муганской группе диалектов и говоров азербайджанского языка также употребляются варианты с передними гласными $m\ddot{a}y\ddot{a}||m\ddot{a}g'\ddot{a}$, $s\ddot{a}y\ddot{a}||s\ddot{a}g'\ddot{a}$. Здесь тоже в местоимениях $m\ddot{a}n$, $s\ddot{a}n$ выпал звук n . Соответственно в алтайском имеются формы *меге, сеге*⁴⁶ и *мägä, sägä*⁴⁷.

Об образовании последних форм имеются различные мнения. В. А. Богородицкий, например, считает, что в формах $m\ddot{a}g\ddot{a}$, $s\ddot{a}g\ddot{a}$ передний гласный основы оказал ассимилирующее воздействие на аффиксальный гласный⁴⁸. Это положение кажется вполне убедительным.

Несколько подробнее остановимся на его суждениях о форме $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$. По мнению В. А. Богородицкого, формы $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ образовались в результате регрессивной ассимиляции, то есть под влиянием гласного a в аффиксе -ga||-ya гласный переднего ряда основы $m\ddot{a}n$, $s\ddot{a}n$ превратился в заднеязычный. В. А. Богородицкий пишет: «В *мага* и *сага*, быть может, гласный a окончания вызвал собою однородный гласный в корне (регрессивная ассимиляция)»⁴⁹. Утверждение автора наглядно можно представить так: $m\ddot{a}n+ga=ma\ddot{a}ga$, $s\ddot{a}n+ga=s\ddot{a}ga$.

Н. К. Дмитриев приходит к аналогичному выводу в отношении кумыкских форм $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$. Но он отмечает, что здесь аффикс дательного падежа -ya имел присущую джагатайскому языку форму -yağ, которая развилась из самостоятельного слова⁵⁰.

Имеющиеся в диалектах тюркских языков, в том числе и в диалектах и говорах азербайджанского языка, формы $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ опровергают приведенные выше положения В. А. Богородицкого и Н. К. Дмитриева. По моему мнению, формы $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ образовались путем сочетания местоимений $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$ с аффиксом дательно-направительного падежа -ga||-ya, то есть: $ma\ddot{a}+ga>ma\ddot{a}ga>ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}+ga>sa\ddot{a}ga>sa\ddot{a}$.

Правильность этого мнения подтверждается и другими фактами. Как известно, в чувашском языке при склонении местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа во всех падежах, кроме именительного, фигурируют формы $ma\ddot{a}$, $sa\ddot{a}$. Возникает вопрос: если в дательном падеже отвердение гласного связано с аффиксом -ga, то чем же может быть объяснено аналогичное явление в родительном, винительном, местном и исходном падежах? С другой стороны, если переход гласных переднего ряда в гласные заднего ряда происходит под влиянием аффикса, то такое же явление должно было возникать и в формах множественного числа местоимений 1-го и

⁴³ Э. В. Свортян. Категория падежа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. II. М., 1956, стр. 50.

⁴⁴ Ф. Г. Исхаков. Местоимения..., стр. 218—227.

⁴⁵ С. Е. Мальв. Язык желтых уйгуров. М., 1967, стр. 7.

⁴⁶ Ф. Г. Исхаков. Местоимения..., стр. 225.

⁴⁷ Omeljan Prjsak. Das Altaitürkische. — «Philologiae Turcicae Fundamenta». Wiesbaden, 1959, стр. 586.

⁴⁸ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 115—116.

⁴⁹ Там же, стр. 116.

⁵⁰ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 77.

2-го лица. Однако при склонении этих местоимений во множественном числе употребляются формы с гласными переднего ряда. Причина этого ясна. Как известно, в чувашском языке аффикс дательного падежа имеет два параллельно употребляющихся варианта: как с гласными переднего ряда, так и с гласными заднего ряда. Согласно правилам склонения и соответственно закону сингармонизма формы *тап*, *сап* принимают аффикс с заднеязычным гласным, а к основам местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа, которые имеют гласный переднего ряда, присоединяется аффикс с аналогичным (то есть передним) гласным звуком. Таким образом, опираясь на материал чувашского языка, также можно утверждать, что местоименные формы *тап*, *сап* существовали уже на ранней стадии развития тюркских языков.

В диалектах и говорах азербайджанского языка широко распространены формы *таҫа*, *саҫа* дательного падежа местоимений 1-го и 2-го лица. Эти формы, в основном характерные для западной группы азербайджанских диалектов, встречаются также в диалектах и говорах северной и южной групп. *Маҫа*, *саҫа* тоже являются древними формами. Они широко употребляются в «Китаби Деде Коркут»⁵¹, а также в других письменных памятниках азербайджанского языка⁵². Вообще в письменных тюркских памятниках указанные формы встречаются очень часто⁵³.

Употребление местоимений *тап*, *сап* в дательном падеже в форме *таҫа*, *саҫа* тюркологами толкуется по-разному.

В. Радлов, исходя из факта употребления местоимения 3-го лица в дательном падеже в форме *аҫа*, считает, что формы *тап*||*бап*, *сап* являются неологизмами. Так как в древних письменных памятниках указанные формы им не были обнаружены, то он для дательного падежа считал основной форму *bāṇā* ~ *māṇā*, *sāṇā*⁵⁴. Томсен не согласился с В. Радловым и утверждал, что в дательном падеже формы *баҫа* ~ *таҫа* существуют⁵⁵. В. Котвич указал, что формы с *ā* и с *a* очень древние и в данном случае важно установить употребляемость их в единственном числе. Исходя из того, что древнее местоимение 3-го лица ед. числа *i* во множественном числе употребляется в форме *ап*||*аҫ*, В. Котвич высказывает предположение, что *тап* ~ *бap*, *сап* являются формами единственного числа, а *тап* ~ *бап*, *сап* — множественного. В связи с этим он приводит следующую парадигму:

ед. число	мн. число
1. <i>mā</i> (n), <i>bi</i> (n), <i>mi</i> (n)	<i>ba</i> (n), <i>ma</i> (n) <i>biz</i>
2. <i>sā</i> (n), <i>si</i> (n)	<i>sa</i> (n) <i>siz</i>
3. <i>ā</i> (n), <i>i</i> (n)	<i>a</i> (n) <i>iz</i> ⁵⁶ .

По мнению В. А. Богородицкого, окончание *-ҫа* в форме *таҫа*, *саҫа* является результатом взаимодействия начального согласного *γ/g* аффикса *-γα/-ga* с конечным согласным *п* местоименной основы⁵⁷.

А. Габен предполагает, что употребление гласного звука в дательном падеже местоимений *тап*, *сап* связано с влиянием последующего заднеязычного носового согласного *η*⁵⁸. Рассматривая местоимения В.

⁵¹ Э. М. Дамирчизаде. «Китаби Дедэ Горгуд» дастанлары дили. Баы, 1962, стр. 85.

⁵² Ы. Мирззаде. Указ. раб., стр. 170—171.

⁵³ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 337, 485.

⁵⁴ См.: W. Kotwicz. Les pronoms..., стр. 34.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 116.

⁵⁸ См.: В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 146.

туркменском языке, А. Боржаков повторяет этот тезис А. Габен⁵⁹. А. Габен в своем суждении опирается на то, что велярные согласные *q* и *γ* могут сочетаться только с гласными заднего ряда. Но конкретные факты показывают, что звук *η* может сочетаться с гласными как заднего, так и переднего ряда. Например, в ряде тюркских языков, а также в диалектах и говорах азербайджанского языка наряду с формами *таηа*, *саηа* имеются и формы с передними гласными *тāηā*, *сāηā*. Вместе с тем употребление заднеязычного носового *η* в соседстве с гласными переднего ряда наблюдается и в составе других слов, что очень характерно для западной группы диалектов и говоров азербайджанского языка, например: *g'älirsiniz*, *verdiniz*, *k'išisän* и т. д.

Н. К. Дмитриев считал, что форма *таηа*, *саηа* возникла в результате сочетания аффикса *-γaг* с местоименной основой, то есть *тāп+γaг > таηаг > таηа*, *сāп+γaг > саηаг > саηа*⁶⁰.

Существование разноречивых мнений о происхождении форм *таηа*, *саηа* объясняется тем, что употребление форм *тап*, *сап* для местоимений 1-го и 2-го лица в ед. числе не было зафиксировано. В последнее время в диалектах и говорах как азербайджанского, так и других тюркских языков указанные формы были обнаружены, что дало возможность правильно объяснить происхождение форм *таηа*, *саηа*. Теперь уже можно утверждать, что основу форм *таηа*, *саηа*, а также форм *таγа*, *саγа*, *таηа*, *саηа*, проявляющихся в дательном падеже, составляют формы *тап*, *сап*. В формах *таηа*, *саηа* звук *η*, по справедливому замечанию В. А. Богородицкого, возник в результате слияния конечного согласного *п* основы с начальным согласным *g* аффикса *-ga*: *тап+ga > таηа*, *сап+ga > саηа*.

В говоре Варташенского района в родительном падеже (ед. число) местоимений 1-го и 2-го лица встречаются и формы *таха||таηа*, *саха||саηа*. Можно сказать, что они возникли в результате дальнейшего развития форм *тага||таγа*, *сага||саγа*, в которых произошло чередование *g||γ > х*. Такое чередование зафиксировано как в истории литературного азербайджанского языка, так и в диалектах. Например, в восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка конечный согласный *γ* соответствует конечному согласному *х* в диалектах западной, южной и северной групп, например: *огаγ—огах* 'серп', *рагаγ—рагах* 'шапка', *буцаγ—буцах* 'нож', *гоцаγ—гоцах* 'смелый', *габуγ—габух* 'кора' и т. д.

Формы *таηа*, *саηа* являются конечными звеньями изменения: *таγа*, *саγа > таха*, *саха > таηа*, *саηа*. Такое последовательное, ступенчатое фонетическое изменение для истории азербайджанского языка вполне закономерно⁶¹. Звукосоответствие *х||η* встречается также в диалектах и говорах азербайджанского языка, например: *хогуз ~ хогуз* 'петух', *хала ~ хала* 'тетя', *хурда ~ хурда* 'мелочь', *хал ~ хал* 'родинка' и т. д.

Таким образом, можно сказать, что формы *таха*, *саха* являются промежуточным звеном между формами *таγа*, *саγа* и *таηа*, *саηа*. Вообще весь процесс развития указанных местоимений может быть представлен так: *тага, сага → таγа, саγа → таха, саха → таηа, саηа*.

Форма с *η* не встречается ни в одном из современных тюркских языков. Тем интереснее, что В. А. Богородицкий в древних памятниках, наряду с формами *тага*, *тага*, *сага*, *сага*, фиксирует и форму *саηа*⁶². Отсюда можно сделать вывод, что хотя форма *таηа*, *саηа* по сравнению с

⁵⁹ А. Боржаков. Местоимения в современном туркменском языке. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1964, стр. 8.

⁶⁰ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 77.

⁶¹ Н. Мирзэзаде. Указ. раб., стр. 41.

⁶² В. А. Богородицкий. Указ. раб., стр. 116.

формами *таңга, тауа, саңга, сауа* является более поздней, однако сама по себе она существует с древнейших времен.

В восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в дательном падеже местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа широко распространены формы *mäjä||mijä, säjä||sijä, oja*. Такие формы зафиксированы и в караимском языке, однако здесь имеется и форма с заднеязычным гласным: *майа, сайа*⁶³.

Как видим, *j* в диалектных формах *mäjä, säjä* соответствует литературному *p* (*mäpä, säpä*). Но это, по нашему мнению, не является звукочередованием *p > j*. Мы полагаем, что формы *mäjä, säjä* возникли в результате замены звуков *g' > j* из распространенных в этих диалектах форм *mäg'ä, säg'ä*, так как и чередование *p > j* не характерно для азербайджанских диалектов, а фонетическое явление *g' > j* весьма распространено. Что же касается наличия гласного *i* в формах *mijä, sijä*, то это следует рассматривать как результат сужения широкого гласного *ä* перед согласным *j*, что вообще характерно для азербайджанского разговорного языка.

В восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в формах *mijä, sijä, oja* иногда выпадает согласный *j*, и эти местоимения в дательном падеже обретают форму *miä, siä, oa*.

Винительный падеж. В диалектах и говорах азербайджанского языка винительный падеж личных местоимений (в ед. числе) выражается в различных формах. Для кахского говора характерны, например, формы *тепгi, сепгi, унгi*, послужившие основой для возникновения форм *mäñi, säñi*, которые наблюдаются в западной группе азербайджанских диалектов и говоров. Древнее происхождение этих форм подтверждается двумя фактами. Во-первых, в «Диване» Махмуда Кашгари для выражения местоимений 1-го лица ед. числа употребляется форма *тепг*⁶⁴, представляющая собой составной элемент местоименных форм *тепгi, сепгi*. Во-вторых, если *пг* считается архаической формой звука *п*, то, значит, в форме винительного падежа *mäñi, säñi* употребление *пг* вместо *п* естественно, и отсюда логически вытекает, что формы *тепгi, сепгi* являются древними.

Имеющиеся в муганской группе диалектов и говоров азербайджанского языка формы *mäg'i, säg'i* непосредственно связаны своим происхождением с формами *тепгi, сепгi*, являясь их сокращенными вариантами.

В восточной и южной группах азербайджанских диалектов для выражения винительного падежа личных местоимений (ед. число) широко распространены формы *mäji, säji, oji*. Иногда их возникновение объясняется звукочередованием *p > j*. На наш взгляд, формы *mäji, säji, oji* скорее всего связаны с формами *mäg'i, säg'i*, в которых звук *g'* со временем смягчился и произошло звукочередование *g' > j*. Вообще звукосоответствие *g' ~ j* — одно из широко распространенных фонетических явлений в диалектах азербайджанского языка, например: *ig'nä ~ ijnä* 'иглолка', *ig'irmi ~ ijirmi* 'двадцать', *ig'id ~ ijid* 'смельчак', *äg'är ~ äjär* 'если', *düg'i ~ düjü* 'рис' и т. д.

В восточной группе диалектов и говоров азербайджанского языка в формах *mäji, säji, oji* аффикс иногда выпадает, и эти местоимения в винительном падеже употребляются как *mäj, säj, oj*, например: *G'edändä mäj dä араг* 'Когда поедешь, меня тоже возьми с собой'; *Säj çayran k'im-di?* 'Кто зовет тебя?'; *Oj буга çayrugun* 'Позовите его сюда'.

⁶³ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 216.

⁶⁴ *Divanü lûgat-it-türk tercümesi, cilt III, стр. 359.*

Выпадение аффикса -i связано с ускоренным темпом произношения. Отсутствие паузы между местоимениями в винительном падеже и следующим за ним словом, или же заметное сокращение этой паузы приводят к выпадению форманта -i, то есть аффикса винительного падежа. Это естественно, ибо сокращение и выпадение узких гласных в диалектах встречается весьма часто.

В винительном падеже личных местоимений (ед. число) также встречаются формы māi, sāi, oi, образовавшиеся в результате выпадения согласного j. Эта особенность наиболее характерна для восточной и южной группы диалектов и говоров азербайджанского языка.

В винительном падеже личные местоимения имеют иногда редуцированные формы: mā̃||mā̃, sā̃||sā̃, ū̃||ū̃, hū̃||hū̃. При этом местоимения 1-го, 2-го, 3-го лица ед. числа в винительном падеже формально не отличаются от тех же местоимений в родительном падеже, и падежное значение здесь определяется только согласно контексту, например: Didim una haqa g'essān mā̃ dā araq 'Я сказал ему, что если куда-нибудь поедешь, возьми с собой меня'; Mā̃ g'özüm yaxşı g'ötmür 'Мои глаза хорошо не видят'; Mā̃ adımy hardan bilirsän? 'Ты мое имя откуда знаешь?'; G'ördülär k'i bir mā̃ k'imi goža jer äk'ir 'Увидели, что такой старик, как я, пашет землю'; Ū̃ gojmadylar g'älmağa 'Ему не разрешили приехать'; Hū̃ män yaxşı tanigām 'Его я хорошо знаю'.

Местный и исходный падежи. Личные местоимения в диалектах и говорах так же, как и в литературном языке при употреблении в местном падеже, как правило, принимают аффикс -da, -dā. Но в говорах селений Инча, Зунуд, Киш, Охуд шекинского диалекта в личных местоимениях единственного числа аффикс местного падежа подвергается ассимиляции и произносится как -na, -nā, например: mānpā, sānpā, oppa||unna||hunna.

Уместно отметить, что показатель местного падежа -na||-nā употребляется не только для единственного числа личных местоимений, но и для существительных с конечными согласными m и n, например: damna 'на чердаке', donna 'в юбке', dādānpā 'у отца' и т. д.

Форма -na, -nā местного падежа для единственного числа личных местоимений (а также для существительных с конечными m, n) встречается также в кумыкском языке и в диалектах туркменского языка, например: teppe, seppe, oppa⁶⁵.

В муганской и ширванской группах говоров азербайджанского языка, когда местоимения 1-го и 2-го лица мн. числа употребляются в местном падеже, начальный согласный аффикса -d под влиянием конечного согласного местоимений biz, siz ассимилируется, и аффикс местного падежа произносится как -zā: bizzā, sizzā||süzzā. Такая форма встречается и в диалектах башкирского и туркменского языков, например: beḍḍā, heḍḍā⁶⁶, bizze, sizze⁶⁷.

В диалектах и говорах для личных местоимений в исходном падеже (ед. число) характерна форма -pan||-pān (что является результатом ассимиляции), например: mānpān||mēnpān||mannan, sānpān||sēnpān||sannan, oppan||unpan||hunpan.

⁶⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 76; Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки, стр. 259; М. Н. Хыдыров. Туркмен дилиниң тарыхындан материаллар. Ашгабат, 1958, стр. 75, 84.

⁶⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 97.

⁶⁷ Туркмен дилиниң диалектлериниң очерки, стр. 267.

В муганской и ширванской группах говоров местоимения *biz, siz* в исходном падеже приобретают падежное окончание *-zän* (ассимиляция): *bizzän, sizzän||süzzän*. Аналогичное явление наблюдается в башкирском языке и в диалектах туркменского языка.

Все вышеприведенные факты показывают, что целый ряд местоименных форм, зафиксированных в древнетюркских письменных памятниках и употребляемых в современных тюркских языках, встречается и в диалектах и говорах азербайджанского языка, которые сохранили многие черты огузских и кыпчакских языков. Это еще раз доказывает, что в древности территория Азербайджана являлась местом консолидации различных тюркоязычных племен, в том числе огузских и кыпчакских. Наряду с этим в диалектах и говорах азербайджанского языка имеются также специфические особенности, не встречающиеся в других тюркских языках. Своим происхождением они, вероятно, обязаны особенностям языка древних тюркоязычных племен, живших на территории Азербайджана еще до огузов и кыпчаков, либо же они возникли позднее, в процессе исторического развития.

В. И. СЕРГЕЕВ

ГЕНЕЗИС И СЕМАНТИКА ФОРМАНТА МНОЖЕСТВЕННОСТИ -sem В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о происхождении аффикса -sem ставился многими алтаистами и тюркологами, но удовлетворительного решения пока еще не получил. Чувашские формы с аффиксом -sem в большинстве случаев совпадают по значению с тюркскими формами на -lag. Общетюркский показатель множественности -lag засвидетельствован в письменных памятниках с VII в. и имеет много фонетических разновидностей (наибольшее число вариантов — шестнадцать — отмечено в якутском языке)¹. Отсутствие древних памятников чувашской письменности не позволяет указать точное время появления в чувашском языке аффикса -sem, максимальный фонетический диапазон которого — девятнадцать вариантов: -sam, -saп', -sen', -säm, -sem, -šam, -šem, -šen', -s'em, -s', -s'ë, -s'en', -s'äm, -s'ëm, s'än, -sa, -se, -säп, -sem.

Относительно происхождения чувашского форманта множественности -sem существует много суждений, однако все они сводятся в основном к двум точкам зрения. Мнение Н. И. Ашмарина², возводящего аффикс -sem к полноценному слову saп со значением «число», является господствующим в научной литературе. Его точку зрения разделили многие чувашеведы³, ошибочно приняв вслед за ним вариант -saп (-sen') за первичный. Дело в том, что у Н. И. Ашмарина не было четкого представления о фонетической эволюции этого форманта. Между тем выявление первичности т или п в форманте множественности -sem играет, несомненно, решающую роль в установлении генезиса этого аффикса.

¹ Ф. Г. Исхаков. Имя существительное. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 79; Н. К. Дмитриев. Категория числа. — Там же, стр. 65; А. М. Шербак. Формы числа у имен в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1970, № 3, стр. 87; А. Н. Кононов. Показатели собирательности — множественности в тюркских языках. Л., 1969, стр. 3.

² Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, ч. I—II. Казань, 1898, стр. 150—151; *его же*. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. II. Казань, 1923, стр. 268.

³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 36; И. А. Андреев. Происхождение формы множественности имен в свете диалектных данных. — «Материалы по чувашской диалектологии», вып. 3. Чебоксары, 1969, стр. 44—58; В. И. Котлеев. Чувашский вокализм в сравнительном освещении. Канд. дисс. М., 1966, стр. 108; В. Д. Аракин. Ошибки в работах Н. Я. Марра по чувашскому языку. — «Записки ЧИИИ», вып. 8, 1953, стр. 55—56; Г. Е. Корнилов. К вопросу о центрально-азиатской прародине тюркских предков чувашей. — «Ученые записки ЧИИИ», вып. 36. Чебоксары, 1967, стр. 192.

Г. И. Рамстедт⁴, будучи уверенным, что исконно конечным являлся п, возводил -sem к древнетюркскому слову sajun 'каждый', образованному от общего с saп корня sa- 'считать'.

Представители другой точки зрения (Д. Синор, В. Котвич, О. Прицак)⁵ в аффиксе -sem видят гиперагглютинацию, то есть сочетание двух общеалтайских аффиксов множественности: -s, -п. В. Г. Егоров⁶ в рецензии на статью О. Прицака показал неубедительность этого допущения: существование в древнечуваашском языке аффиксов -s(a) и -(i)п не подтверждается языковыми фактами.

Гипотезы о происхождении -sem в чувашском языке этим не исчерпываются. Н. А. Андреев⁷, например, пытается найти параллели аффиксу -sem в индоевропейских языках, отнес его к числу аффиксов, заимствованных из нетюркских языков, что не находит подтверждения в самом чувашском языке.

Древнетюркские письменные памятники свидетельствуют, что слово saп со значением «число», «счет» употреблялось довольно часто. Видимо, на основе этого слова в древнечуваашском языке возникло слово sēm (sum) с теми же значениями. Например, в современном чувашском языке слово sansyz⁸ 'без числа', 'без счета' отсутствует, его существование не прослеживается и в прошлом, но в словаре Н. И. Ашмарина⁹ дается соответствующий ему вариант sēmēsēr 'без счета', 'много'. Действительно, согласно известному фонетическому закону, конечное чувашское m соответствует тюркскому п:

чув. hуgām 'живот'	vāgām 'длинный'	t'eī'em 'дым'
тат. kaгун	ozon	tōtōn
тур. kaгун	uzun	tūtün

Встречаются также случаи соответствия чувашского ё тюркскому а:

чув. s'ēn'ē 'новый'	sēlē 'овес'	sēm 'число'
тюрк. jana	salā	san

В чувашском языке наряду с sēm бытует слово sum почти в том же значении.

Таким образом, вопрос о первичности m в форманте -sem решается довольно просто: общетюркскому saп соответствует чувашское sēm. Схема переходов может быть восстановлена в следующем виде: общетюрк. saп|| чув. sēm > -sem > -sam > -sen' > -saп' (все остальные фонетические варианты) > -sēm.

О первичности m в форманте -sem говорят факты, представленные в первой печатной грамматике чувашского языка¹⁰.

⁴ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 61.

⁵ D. Sinor. On some Ural-Altaic Plural Suffixes. — «Asia Major», New Series, v. 2. part 2, 1952, стр. 225; W. Kotwicz. Les pronoms dans les langues altaïques. Krakow, 1936, стр. 36; O. Pritsak. Tschuwaschische Pluralsuffixe. — «Studia altaica». Wiesbaden, 1957, стр. 160.

⁶ В. Г. Егоров. Tschuwaschische Pluralsuffixe von Omeljan Pritsak. — «Ялав», 1960, № 10, стр. 30—31.

⁷ Н. А. Андреев. Категория множественности и аффиксы множественности в чувашском языке. — «Записки ЧНИИ», вып. 6, 1952, стр. 184.

⁸ И. А. Батманов. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959, стр. 65—66.

⁹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Чебоксары, 1936, вып. 11, стр. 180—181, 304—307.

¹⁰ В. Луцек-Григорович(?). Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. М., 1769; В. Г. Егоров. Первая печатная грамматика чувашского языка. — «Тюркологический сборник», вып. I. М.—Л., 1951, стр. 85—92.

Материалы данной грамматики показывают, что вплоть до XVIII в. аффикс -sem/-sam во всех падежах употреблялся только с конечным m, а окончание -sapän (-sep'en') восходит к -samän (-sem'en'). Автор различает в чувашском языке два склонения существительных (первым склонением является твердый вариант), например:

И	1) s'irla zam	'ягоды'	2) pit' sem	'лица'
Р	s'irla zamyn		pit' sem'yn'	
Д	s'irla zama		pit' sem'a	
В	s'irla zama		pit' sem'a	
О	s'irla zamba		pit' sem'be	

Мы разделяем мнение об исконной связи п с формой принадлежности 3-го лица и о существовании в истории тюркских языков такой ситуации, когда притяжательное склонение играло более важную роль, чем простое¹¹.

В прошлом в чувашском¹² языке, как и в других тюркских языках, множественность выражалась преимущественно лексически, а нынешний формант множественности -sem существовал как отдельное слово sēm (или sēmë) со значениями «число», «много», «множество», «счет». Мы допускаем, что именно слово sēm с указанными значениями стало со временем формантом множественности в чувашском языке. Прежде это слово существовало только в одном варианте — без велярного sam. Доказательством тому служит сохранившийся по сей день в низовом диалекте архаический показатель множественности -sēm¹³. Данный формант присоединяется ко всем основам, причем краткое ё сохраняется во всех падежах и не подчиняется закону сингармонизма: ačasēm, ačasën', ačasēmbe.

Архаический аффикс сохранился:

1) в собирательных числительных iksēmër (ik+sēm+ër) 'мы вдвоем', vis'sēmër 'мы втроем', tävatsämär 'мы вчетвером';

2) в местоимении pirsämär 'мы все';

3) в глаголах после аффикса причастия будущего времени -as (-es): vës'es+sēm pig 'хочется лететь'.

Как уже отмечалось, чувашская форма с аффиксом -sem по своей семантике в основном совпадает с формой на -lar в других тюркских языках. Аффикс -sem присоединяется к именам существительным, прилагательным, числительным, местоимениям, наречиям, подражательным словам, субстантивированным частям речи, а также употребляется в глагольных формах 3-го лица множественного числа. Первым и основным назначением показателя -sem является обозначение множественного числа имени. В зависимости от лексического значения исходной основы аффикс -sem обозначает:

1) разделительность, то есть членимое однородное (а также неоднородное) множество, совокупность предметов без выделения их индивидуальных черт: K'ajäksem kántära vës'se kajrës' 'Птицы улетели на юг'. Разделительное значение аффикса -sem особенно отчетливо проявляется в сочетании со словами, обозначающими парные части тела, где форма

¹¹ А. М. Щербак. Падежные формы в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1971, № 1, стр. 86.

¹² К. Grönbech. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 59; И. А. Андреев. Указ. раб., стр. 55.

¹³ Н. И. Ашмарин. Заметки по чувашской диалектологии. — «Материалы по чувашской диалектологии», ч. I. Чебоксары, 1960, стр. 71; А. С. Канюкова. Некоторые особенности диалектов чувашей «тури» и «анатри». — Там же, стр. 102; Т. М. Матвеев. Краткий обзор чувашских диалектов, стр. 48.

слов без этого аффикса включает в себе идею совокупной множественности: S'urh'i h'ével' kus'sen'e šartarat 'Весеннее солнце ослепляет глаза';

2) совокупность лиц или однородных предметов, обозначая также и неопределенное множество: Rabočisembe hresčep'sen' tusläh'ë 'Дружба рабочих и крестьян';

3) обилие однородных предметов; при этом значение аффикса -sem очень близко к значению показателя -läh (тюрк. -lyk, -lik): S'ugman ku en'če huränsem, leš en'če jumansem 'По эту сторону оврага растут березы, по другую — дубы';

4) обобщение, сравнение, сопоставление; в этом случае исходной основой служат личные имена. В зависимости от контекста здесь проявляются также значения собирательности, почтения, уважения: L'avaset pat'n'e kajaträg 'Идем к Леонтию'. А. А. Холодович назвал такое множество «репрезентативным», а Н. К. Дмитриев — особой функцией формального и множественного числа¹⁴;

5) нечто гиперболическое возвеличительно-ласкательное; при этом аффикс -sem присоединяется к именам существительным, которые обозначают единичный предмет или состояние: Syvlähsem ep'l'e? 'Как здоровье?' Иногда в таких случаях выражается ирония: Čel'h'esem san hävántan vägäm 'Язык твой выше тебя'.

Другой вариант аффикса множественности -s'äm (-s'ém) употребляется для выражения ласкательного значения: at'es'em, an'es'em 'батюшка, матушка', tävan čel'h'em'ëm's'ém' 'родной язык мой'. В аналогичных случаях в прошлом употреблялись оба варианта — -sam (-sem) и -s'äm (-s'ém): T'et'e pat'n'e at'esem an'esem čun čätman pirk'i kajsa k'il'et'čes' 'Батюшка мой, матушка моя частенько ходили к дяде, чтоб успокаивать душу свою'. В данных примерах очевидно значение почтительности и уважения, выражаемое аффиксами -sem, -s'ém, поэтому мы склонны считать -s'ém вариантом форманта -sem, а не аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа¹⁵. Обращает на себя внимание также тот факт, что в чувашском языке, в отличие от других тюркских языков, аффикс множественного числа в именах обычно располагается вслед за аффиксом принадлежности 1-го лица ед. числа ut-äm-sem 'кони мой' (тюрк. at-lar-um). Но в том случае, когда аффикс множественности выражает почтительность, уважение, форманты лица и числа изменяют порядок расположения как в чувашском, так и в других тюркских языках: tävanämsem 'родные мои', tusäms'äm 'дружок, друг мой'; ср. с узб. *Рустам акамлар*¹⁶ 'Рустам-ака мой', башк. *Атайымдарга*¹⁷ *кайтам* 'Я пойду к матери'. Следует отметить, что аффикс -s'äm (-s'ém) в чувашском языке употребляется не только со словами, обозначающими степень родства, но и со всеми существительными при почтительном, или ласкательном отношении к предмету, для выражения нарочитой вежливости;

6) приблизительный подсчет; при этом имена существительные и числительные с аффиксом -sem выражают приблизительный возраст, от-

¹⁴ А. А. Холодович. Очерки по японскому языку. — «Ученые записки ЛГУ», вып. 10, 1946, стр. 177; Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 70.

¹⁵ И. П. Павлов. Хальхи чăваш литература чĕлхи. Шупашкар, 1965, стр. 79.

¹⁶ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 79.

¹⁷ Х. Г. Юсупов. Термины родства в башкирском языке. — «Вопросы башкирской филологии». М., 1959, стр. 125.

резок времени, с преобладанием значения неопределенности: S'ëp' s'ul-sem tel'n'el'e k'il'et' 'К новому году придет, наверное'.

Имена прилагательные, как правило, не имеют формы множественного числа, выступая в роли определения: vatã s'up 'старый человек'. Присоединяясь к непроемной основе качественных прилагательных, аффикс -sem полностью субстантивизирует эти прилагательные: vatãsem savãncës' 'старики обрадовались'.

В личных местоимениях -sem присоединяется только к местоимению 3-го лица ед. числа vâl : vâl + sem = vesem 'они', где -sem является аффиксом коллективизированной множественности, выражающим не только значение лиц, но и предметов, составляющих определенную группу.

В деепричастиях на -nã + s'em (-n'e + s'em) аффикс -s'em обозначает либо действие, по мере совершения которого развивается другое действие, либо одно и то же действие, усиливающееся или ослабевающее по мере перехода из одного состояния в другое. Здесь в аффиксе -s'em проявляется значение «мера, по мере»: üsp'es'em üset' 'растет да растет'; härag-nãs'em syvlãš pülen'et' 'по мере подъема дышать становится труднее'.

В. Котвич отмечал, что в алтайских языках можно встретить деепричастия с формантом множественного числа, однако в тюркских языках это явление наблюдается редко¹⁸. Согласно общему правилу, с помощью показателя -lag образуются формы 3-го лица мн. числа прошедшего категорического времени -dilag (-dilär); присоединяют этот формант и обычные причастия. В чувашском языке после аффикса причастия будущего времени -as (-es) употребляется аффикс -sãm (-sem) в значении «сознание, желание, чувство, симпатия». Все эти значения зафиксированы в словаре Н. И. Ашмарина¹⁹, например: çahãmlasi sëmek'i t'e s'uk 'нет желания (подобия) капризничать'; vës'ertes + sëm s'uk 'не желаю упустить'.

Ученые по-разному объясняют проникновение формы -sem в сферу глагола. Н. И. Ашмарин²⁰, ссылаясь на В. Шотта²¹, предположил, что аффикс 3-го лица мн. числа -s'e родствен окончанию множественного числа имен -sem (-sam), однако он не исключает близости этого форманта вотскому глагольному аффиксу «зы». На вероятную родственность аффиксов -s'e и -sem указал также В. Г. Егоров²², а Н. А. Андреев²³ (правда, без объяснения возможных переходов) высказал мнение о несомненном участии аффикса -sem в образовании глагольных форм.

Противоположной точки зрения по этому вопросу придерживается И. А. Андреев: «В отличие от именного аффикса мн. числа -lag других тюркских языков, чувашская форма совершенно не проникает в сферу глагола»²⁴. При этом он берет за основу высказывание Ж. Вандриеса²⁵ о том, что окончания множественного числа в индоевропейских языках не имеют ничего общего в имени и глаголе. Поскольку чувашский язык не относится к индоевропейским, то высказывание И. А. Андреева является дискуссионным. Нам кажется, что в силу характерного для тюркских языков единства морфологических категорий употребление аффик-

¹⁸ В. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 237.

¹⁹ Н. И. Ашмарин. Указ. словарь, стр. 304—307.

²⁰ Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка, стр. 303.

²¹ W. Schott. De lingua tschuvashorum dissertatio, 1843, стр. 15—16.

²² В. Г. Егоров. Глагол. — «Материалы по грамматике современного чувашского языка», ч. I. Чебоксары, 1957, стр. 189.

²³ Н. А. Андреев. Указ. раб., стр. 181.

²⁴ Там же, стр. 44.

²⁵ Ж. Вандриес. Язык. М., 1937, стр. 116.

сов -lag и -sem (с их фонетическими вариантами) одинаково как для имен, так и для глаголов. Общeturкскому -lag в 3-м лице мн. числа изъявительного наклонения настояще-будущего времени в чувашском языке соответствует -s'ě (то есть фонетически измененный вариант форманта -sem), который выражает действие, совершаемое несколькими лицами, а также содержит значение совместности и взаимности. Схема возможных переходов нам представляется в следующем виде: il'et' + sēm > il'et's'ēm > il'ečs'ēm > il'es'ēm > il'es'ě > il'es' 'они берут'.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА

ОБ ОДНОМ ВОЛЖСКО-КАМСКОМ АРЕАЛЬНОМ ЯВЛЕНИИ

В лексике, грамматике, фонетике тюркских¹ и финно-угорских² языков Среднего Поволжья и Приуралья (Волго-Камья) наблюдается ряд общих черт.

Своеобразные особенности этих языков в совокупности составляют определенные ареалы. Правда, некоторые общие закономерности могли возникнуть и в процессе самостоятельного развития отдельных языков, или в результате каких-то других причин. Однако этим языкам свойственны и такие общие особенности, происхождение которых объясняется только их древними связями.

К числу общих для этих языков особенностей относятся наблюдаемые в них звуковые процессы, как-то: чередование отдельных групп звуков, тенденции к озвончению глухих и палатализации исконно твердых звуков, замена шипящих согласных свистящими, наличие редуцированных гласных и другие.

Среди характерных черт языков Волго-Камья, на наш взгляд, следует особо отметить спорадическое появление в отдельных их диалектах краткого гортанного смычного звука.

Исследователи уральских языков отмечали смычно-гортанные звуки лишь в самодийских языках. Эти звуки в качестве фонем существуют и в современном ненецком языке³.

Гортанные смычные звуки характерны для ряда диалектов языков Волго-Камья. Они имеются в диалектах татарского⁴, эрзя-мордовского⁵, удмуртского⁶ языков. В речи марийцев также встречается краткий взрывной звук, но пока специальному исследованию он не подвергался. По словам башкироведа Т. М. Гарипова, и башкирскому языку свойствен краткий гортанный смычный звук. Башкиры говорят: *тэ'мин* 'обеспечение', *тэ'сир* 'впечатление'. В детской речи встречается произношение *ма'май* 'собачка', *ма'май* 'сладкий'. В конце первого слога распростра-

¹ Татарском, чувашском, башкирском.

² Марийском, мордовском, удмуртском.

³ Н. М. Терещенко и А. И. Рожин. О гортанных смычных звуках в ненецком языке. — «Материалы и исследования по языку ненцев». М.—Л., 1956, стр. 14 и далее.

⁴ У. Ш. Байчура. Звуковой строй татарского языка, ч. I. Казань, 1959, стр. 138.

⁵ Г. И. Ермушкин. О гортанном смычном в эрзя-мордовском языке. — «Тезисы Международного конгресса финно-угроведов», т. I. Таллин, 1970, стр. 107.

⁶ В. К. Кельмаков. Кукморский диалект удмуртского языка. Канд. дисс. М., 1969, стр. 167—180.

ненного в сельских местностях Башкирии женского имени *Ма'мунэ* четко произносятся краткий гортанный звук с «твердым приступом». Точно так же произносятся этот звук в ряде других башкирских слов. К сожалению, он тоже пока еще не изучен.

Сущность интересующего нас явления заключается в том, что в определенных звуковых сочетаниях взрывные и сонорные произносятся с «твердым приступом», переходя в краткий гортанный смычный звук. В финно-угорской фонетической транскрипции он передается знаками ['] или [ʔ]⁷, обозначающими характерный для эстонского и финского языков взрывной звук, возникший на прибалтийско-финской основе в результате отпадения конечных *k, h, t* или *n*: *sade'* 'дождь', *anna'* 'дай', *lännē'* 'сюда'⁸ и др. Однако конечная аспирация прибалтийско-финских языков ничего общего с описываемым явлением не имеет. При транскрибировании на латинской основе тюркских текстов гортанную смычку предлагается обозначать знаком [ɛ]⁹. Знаком ['] Л. Т. Махмутова отмечает глухую фонему касимовского говора татарского языка, представляющую собой гортанную смычку, которая соответствует звукам *к, г, х* литературного языка¹⁰.

Так называемый «твердый приступ», то есть своеобразный краткий взрывной согласный, в удмуртском и других финно-угорских языках появляется на стыке двух морфем. Аналогичный звук татарского языка — глухая фонема ['] — представляет собой гортанную смычку, которая образуется путем полного смыкания голосовых связок. В сочетании с последующим гласным звуком она создает акустическое впечатление сильного начала гласного; в сочетании же с предшествующим гласным звуком — акустическое впечатление краткого гласного, оканчивающегося внезапной смычкой¹¹. Л. Т. Махмутова приводит примеры употребления глухой фонемы в касимовском говоре татарского языка, аналогичные употреблению ['] в удмуртских словах: *ылан'а* 'ребенку' < *аланга*, *ат'а* 'лошади' < *атка*, *йа'шы* 'хорошо, хороший' < *яхшы* и т. д.¹².

В. А. Гордлевский писал, что в касимовском говоре звуки *к, г, х* будь то в начале, середине или конце слова исчезают, сохраняя после себя (в середине и в конце слова) как бы придыхание, нечто вроде арабской гамзы, как, например, *ал'а аб'а* (*алгы капка*) 'ворота'¹³ и другие. Этот же татарский звук У. Ш. Байчура характеризует следующим образом: «Гамза является смычно-взрывным глухим согласным, фокус которого находится в голосовой щели. При артикуляции этого звука голосовые связки смыкаются, образуя затвор, а затем внезапно размыкаются, и мы слышим слабый взрывной звук»¹⁴.

⁷ В. И. Лыткин. О единой научной транскрипции звуков финно-угорских языков. М.—Л., 1960, стр. 9.

⁸ Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. (Коллектив авторов). М.—Л., 1958, стр. 18.

⁹ Н. А. Баскаков. О проекте единой фонетической транскрипции для тюркских языков. М., 1959, см. таблицу VI.

¹⁰ Л. Т. Махмутова. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка. — «Материалы по диалектологии». Казань, 1955, стр. 137, 145.

¹¹ Там же, стр. 147.

¹² Там же.

¹³ В. А. Гордлевский. Элементы культуры у касимовских татар. (Из поездки в Касимовский уезд). — «Труды Общества исследователей Рязанского края», вып. 10. Рязань, 1927, стр. 20—21.

¹⁴ У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 138.

Приведенная характеристика татарского звука вполне применима и к звукам, встречающимся в диалектах удмуртского языка. Этот своеобразный удмуртский звук впервые отметил Ю. Вихман в малмыж-уржумском¹⁵, то есть в шошминском диалекте, распространенном в бассейне р. Шошмы (правый приток Вятки), в пограничной полосе территорий Татарской и Марийской автономных республик и Кировской области. Переход *g, k, d, t* в звонкий *ɣ* и глухой *q* отмечен и в среднеюжных говорах, распространенных в Малопургинском районе Удмуртской АССР и граничащих с заказанскими татарскими говорами северо-востока Татарской АССР. По свидетельству Г. А. Архипова, в среднеюжном диалекте согласные *g, k, d, t* в определенных позициях изменяются в «гортанно-выдохные» звуки — звонкий *ɣ* и глухой *q*. Звонкий вариант гортанного смычного звука *ɣ* в этих говорах возникает перед звонкими смычными, шелевыми и сонорными; глухой вариант смычного гортанного *q* — перед глухими смычными и шелевыми¹⁶.

Переход смычных согласных в гортанный звук наблюдается и в кукморском диалекте удмуртского языка, распространенном в пределах Кукморского района Татарии. В. К. Кельмаков отмечает, что смычные согласные *t, d, k, g*, иногда *t', d'* и еще реже *n* и *b*, если они находятся перед последующими сонорными (кроме *p* и *b*), переходят в гортанный смычный согласный¹⁷. «Превращение» указанных смычных в гортанный смычный в этих говорах происходит перед сонорными *l, l', m, n, n', v* и перед звонкими смычными *d, d', g*, а также перед аффрикатой *dz'* (вариант *d'*) и звонкими шелевыми *z, z', ʃ*. Причем, существуют два варианта употребления гортанного смычного: более переднего и более заднего образования¹⁸.

Примечательно, что это явление наблюдается и в языке бесермян — особой этнической группы удмуртов. В «приступ», то есть в гортанный смычный звук, превращаются бесермянские взрывные согласные *g, k, d, t, d', t'* и сонорные *l, m, n, ʃ*. В монографии «Язык бесермян», характеризуя взрывные согласные, мы отмечали их специфическое произношение, графически обозначив его двойными буквами: *k^k, d^d, t^t, t'^{t'}*¹⁹, подобно тому, как это иногда делают финские исследователи, указывая конечную аспирацию в финском языке. В другом месте той же работы мы подчеркнули неустойчивость взрывных *g, k, d, t, d', t'*, а также сонорных *l, m, n* и *ʃ*²⁰. Если эти бесермянские звуки предшествуют согласному следующего слога, то при произношении их на стыке двух слогов образуется приступ и практически создается впечатление, что предыдущий звук потерял свое звучание как звук полного образования, сохранив лишь «приступ», то есть приступ к образованию какого-то звука.

Нами зафиксирован ряд слов с этим приступом. Приведем примеры в сопоставлении с фактами удмуртского литературного языка.

¹⁵ *Y. Wichmann. Wotjakische Sprachproben, I. Helsingfors, 1893, стр. 119 (№ 473).*

¹⁶ *Г. А. Архипов. Некоторые вопросы фонетики среднеюжного диалекта удмуртского языка. — «Ученые записки Тартуского университета. Труды по филологии», 1, вып. 117. Тарту, 1962, стр. 196—197.*

¹⁷ *В. К. Кельмаков. Указ. раб., стр. 167.*

¹⁸ *Там же, стр. 171—172.*

¹⁹ *Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970, стр. 106.*

²⁰ *Там же, стр. 156.*

Бесермянский	Литературный удмуртский	Значение
г > [']:		
у'мөн (< уг мөн) ²¹	уг мыны	'не пойду'
у'кул (< *уг кул)	диал. укул	'не надо, не нужно'
у'пот (< уг пот)	уг поты	'не выйду'
у'пөр (< уг пөр)	уг пыры	'не найду, не войду'
о'пол (< огпол)	огпол	'однажды; один раз'
о'пэртэм (< огпэртэм)	огпэртэм	'однообразно'
курэ'лө (< курэглө)	куреглы	'курнице'
к > [']:		
лө'ка (< лөк-ка)	лык-ка	'иди-ка, подойди-ка'
кө'лө (< көклө)	кыклы	'на две части'
кө'назө (< көкназө)	кыкназы	'они оба (вместе)'
кө'т'ошэн (< көкт'ошэн)	кыкчошен	'вдвоем'
д'э'шэт (< д'экшэт)	жөккышет ²²	'скатерть'
д > [']:		
у'пот (< уд пот)	уд поты	'не выйдешь'
у'пөр (< уд пөр)	уд пыры	'не войдешь'
у'кур (< уд кур)	уд куры	'не попросишь'
у'кул (< уд кул)	уд кулы	'не умрешь'
у'ну (< уд ну)	уд нуы	'не унесешь'
пийэ'лэн (< пийэдлэн)	пиедлэн	'(у) твоего сына'
пө'лон (< пөдлон)	пыдлон	'в глубине'
пэ'лон (< пэдлон)	педлон	'на улице'
т > [']:		
жө'лан' (< жөтлан')	жытлань	'к вечеру, под вечер'
вөр'пөл (< вөртпөл)	выртпұл	'дощечка для вязки (ткац.)'
кор'лопат (< корт лопат)	корт лопата	'железная лопата'
т' > [']:		
ви'лө (< вит'лө)	витьлы	'на пять частей'
т'эбэ'лэн (< т'эбэт'лэн)	—	'(у) детской пеленки'
л > [']:		
лө'пу (< лөлпу)	лулпу	'ольха'
гу'бэс' (< гулбэс')	гулбеч	'подполье'
сө'ка (< сөл-ка)	сыл-ка	'постоя-ка'
н > [']:		
э'бэрд (< эн бэрд)	эн бөрды	'не плачь'
э'вэра (< эн вэра)	эн вера	'не говори'
э'кэл'а (< эн кэл'а)	эн келя	'не провожай'
э'кос (< эн кос)	эн косы	'не заставляй'
э'кур (< эн кур)	эн куры	'не проси'
э'мөн (< эн мөн)	эн мыны	'не ходи'
й > [']:		
ва'ка (< вай-ка)	вай-ка	'дай-ка, подай-ка'

По утверждению Р. Насибуллина²³, гортанный взрывной краткий согласный имеется в удмуртских говорах Закамья. Так, в пределах Башкирии удмурты говорят: *о'нал* < *огнал* < *оди́г нунал* 'однажды'; *А'на*

²¹ Бесермянский *ө* отличается от гласного *ы* удмуртского литературного языка, соответствующего русскому *ы*. По произношению бесермянский гласный *ө* ближе к татарскому и башкирскому *у*.

²² Удмуртское *ж* напоминает звукосочетание *дж*.

²³ Аспирант Института языкознания АН СССР, уроженец Закамья.

анай < *Атна анай* 'тетя Атна' (обращение); *А'мат агай* < *Акмат агай* < из тюрк. *Әхмәт агай* 'дядя Ахмет' и т. п.

В приведенных выше бесермянских и закамско-удмуртских словах взрывной смычный встречается перед сонорными согласными *л, м, н*, перед взрывными *к, т, т'*, а также перед *п, б, в* и некоторыми другими. Таким образом, в удмуртском языке, главным образом в юго-западном его наречии, среднеюжном и бесермянском диалектах на месте определенных согласных возникает ларингальный (гортанный) смычный согласный. В функции самостоятельной фонемы этот взрывной звук не выступает. Он употребляется лишь в определенных фонетических условиях и не может составить оппозицию образующим его звукам. Таким образом, гортанные смычные звуки удмуртского языка являются только позиционными вариантами *т, д, т', д', к, г, н, л, й*.

Интересно проследить происхождение гортанного смычного согласного в отдельных диалектах языков Волго-Камья. Считать ларингальные смычные согласные органически присущими удмуртскому языку было бы неправильным. Материалы других пермских языков также не проливают света на их возникновение. Наличие гортанно-смычного краткого звука в отдельных диалектах финно-угорских языков еще не доказывает его исконно финно-угорского происхождения. Краткие гортанные смычные в диалектах некоторых финно-угорских языков возникли, как это подчеркивает и В. К. Кельмаков, сравнительно поздно и в каждом из них вполне самостоятельно²⁴. Они образовались в определенной позиции из первичных согласных.

Относительно происхождения татарской гамзы были высказаны разные предположения. Одни усматривают в ней влияние западнофинского субстрата²⁵, другие считают, что гамза появилась в результате спонтанного развития заднеязычных согласных после утраты ими древней артикуляционной базы²⁶. Употребление гамзы в татарском языке, как пишет У. Ш. Байчура, диалектально варьируется. В литературном языке эта фонема отмечается преимущественно в словах арабского происхождения: *tä ʃ min* 'снабжение' (орф. *тээмин*), *tä ʃ sig* 'влияние' (орф. *тээсир*), *mäs ʃ älä* 'вопрос; проблема' (орф. *мэсәлә*) и т. п., но может встречаться и в собственно татарских словах, например: *та ʃ паи* 'собачка', *ʃ е ʃ е* 'да' (в нагорных говорах Татарской АССР) и в детской речи²⁷. Учитывая данные разных татарских диалектов и различных тюркских языков, У. Ш. Байчура заключает: «В свете изложенного сомнительным представляется тезис о том, что гамза могла возникнуть в тюркских языках исключительно благодаря арабскому влиянию»²⁸. Иначе говоря, У. Ш. Байчура допускает существование гамзы в татарском языке в более древний период его развития.

В древнетюркской письменности твердый звуковой «приступ» не отмечен. Этот ларингальный смычный звук в древних тюркских языках, возможно, не являлся фонемой и поэтому мог не обозначаться в памятниках.

Следует отметить, что гортанно-смычный звук встречается в таких диалектах финно-угорских языков, которые имеют или имели непосредственное соприкосновение с тюркскими языками. Примечательно в этом отношении наличие «твердого приступа» (краткого гортанного смычного

²⁴ В. К. Кельмаков. Указ. раб., стр. 179.

²⁵ В. А. Гордлевский. Указ. раб., стр. 21.

²⁶ Л. Жидэй. Татар диалектологиясе. Казан, 1947, стр. 99.

²⁷ У. Ш. Байчура. Указ. раб., стр. 138—139.

²⁸ Там же, стр. 139.

взрыва) в языке бесермян. Бесермянский диалект удмуртского языка ныне распространен в нижней части бассейна р. Чепцы (левый приток Вятки) и находится в окружении севернoudмуртских говоров, в которых подобный гортанный смычный звук отсутствует. Причем, нет никаких оснований предполагать его существование в этих говорах и в прошлом. Наличие краткого гортанного взрывного смычного в языке бесермян, наряду с другими сохранившимися в нем древними чертами, должно быть отнесено исключительно к субстратным явлениям.

Происхождение гортанного смычного взрыва в кукморском диалекте юго-западного наречия (одном из архаичных удмуртских диалектов), подробно описанное В. К. Кельмаковым, имеет много общего с возникновением этого звука у бесермян. Как известно, бесермяне первоначально жили в нижнем Прикамье, где и усвоили древнеудмуртский язык, что подтверждается общностью языковых черт бесермян и юго-западных удмуртов. Появление ларингального смычного краткого звука на месте некоторых взрывных и сонорных согласных — типичная и одна из ведущих особенностей языка бесермян и завятских удмуртов. Она могла возникнуть в период, когда эти народы жили на одной общей территории, в нижнем Прикамье, то есть приблизительно в VIII—XI вв. н. э. (после этого периода начинается расхождение отдельных диалектных групп удмуртов). Существование аналогичного звука (смычного взрыва) в некоторых среднеюжных и закамских говорах также отражает особенности древнеудмуртского лингвистического процесса.

Из сказанного правомерно сделать вывод о тюркском происхождении ларингального смычно-взрывного краткого согласного в языках Волго-Камья. Усвоив характерную особенность тюркских языков — «превращение» взрывных согласных в «твердый приступ», то есть в гамзу, отдельные диалекты финно-угорских языков Поволжья и Приуралья сохраняют ее в своей системе как реликтовое явление до настоящего времени. По всей вероятности, появление гортанного смычного звука — общей специфической закономерности современных языков Волго-Камья (татарского, башкирского, мордовского, марийского, удмуртского) — имеет единые истоки. В отдаленные исторические эпохи гамза, по-видимому, имела более широкое распространение в тюркских языках. Это подтверждается усвоением ее соседними финно-угорскими языками (удмуртским, эрзя-мордовским, марийским). Возникновение очага такого своеобразного произношения в ареале распространения языков Волго-Камья, возможно, находится в связи с явлениями, наблюдавшимися в языках древнебулгарских племен, и через посредство последних — с заимствованиями из языков народов арабского Востока.

Р. Р. ЮСИПОВА

К ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА

Исследование фразеологического состава турецкого языка невозможно без учета сочетаемости слов, без выяснения тех структурно-грамматических и лексико-семантических условий, которые приводят к устойчивости определенных словосочетаний.

По своим структурно-грамматическим и лексико-семантическим свойствам турецкие фразеологизмы типа «имя+имя»¹ соединяют в себе особенности как устойчивых², так и свободных словосочетаний. Фразеологически связанное значение, возникающее в результате сложения двух полнозначных слов, ограничивает, как известно, возможность трансформационных преобразований фразеологизмов в составе высказывания. Фразеологическая единица в речи есть не что иное, как тесное семантическое и структурно-грамматическое единство, характерной особенностью которого является наличие определенной смысловой целостности, семантической завершенности. Именно это обстоятельство позволяет лингвистам говорить о том, что лексическое значение фразеологизма, как правило, не выводится из значений составляющих его компонентов, то есть не является суммой их значений³. И в этом заключается главное существенное отличие фразеологической единицы от свободных словосочетаний. Основным свойством свободной конструкции является то, что каждое из составляющих ее знаменательных слов может быть в случае необходимости заменено по усмотрению говорящего любым другим синонимическим словом того же формального класса при условии сохранения определенного структурно-грамматического содержания всего словосочетания в целом⁴.

Неограниченной грамматической сочетаемости свободных конструкций препятствует, однако, известная ограниченность лексической сочетаемости отдельных слов, входящих в определенный тип словосочетаний⁵. Например, вполне допустимое, с структурно-грамматической точки зрения, сочетание *diri ölü* 'живой мертвец' немислимо из-за лексической не-

¹ Под термином «имя» в данном случае понимаются только имя существительное и имя прилагательное. Отглагольные имена — производные от глагольных основ — рассматриваются в составе фразеологизмов типа «имя+глагол».

² Обоснование термина «устойчивость» см. в кн.: В. Л. Архангельский. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов, 1964.

³ См.: В. В. Виноградов. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. — В сб.: «А. А. Шахматов». М., 1947.

⁴ См.: Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

⁵ См.: А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

сочетаемости слов *diri* 'живой' и *ölü* 'мертвый'. Подобного рода лексическая несовместимость слов — членов свободных словосочетаний почти всегда связана с отсутствием в реальной действительности необходимой связи между называемым предметом или явлением и свойством, выражаемым соответствующим определением. Помимо соположения слов, необходима еще и смысловая связь между ними. «Не всякие два слова, — пишет А. М. Пешковский, — прозвучавшие в нашей речи в непосредственном соседстве, образуют словосочетание, а только такие, которые соединены в мысли»⁶. Именно потому в свободных конструкциях и наблюдается неограниченная грамматическая сочетаемость лишь тех слов, которые совместимы лексически. Лексическая сочетаемость слов в свободных конструкциях, в отличие от фразеологических единиц, осуществляется при неограниченной грамматической сочетаемости, что и обуславливает четкую членимость свободного словосочетания, благодаря которой лексическое и грамматическое значение последнего довольно легко выводится из значений составляющих его компонентов.

При исследовании фразеологического материала прежде всего следует выявить всевозможные языковые средства и условия, способствующие возникновению фразеологической единицы. Для существования турецкого фразеологизма, например, важна его внутренняя грамматическая структура, которая определяет и разграничивает значения составляющих слов, являясь, в известном смысле, результатом переосмысления семантики его компонентов. При изучении фразеологизмов турецкого языка первостепенное значение имеет также выяснение лексико-семантических связей между компонентами фразеологизма, существование которых при соответствующем грамматическом оформлении и определяет возникновение фразеологической единицы.

В данной статье в порядке постановки проблемы рассматриваются: а) классификация именных фразеологизмов по отдельным типам в зависимости от степени спаянности компонентов; б) лексико-семантические отношения, существующие между компонентами фразеологической единицы.

В отличие от свободных синтаксических конструкций, большинство фразеологических единиц турецкого языка может воспроизводиться в речи (это — идиомы и фразеологические выражения, или, по терминологии В. В. Виноградова, соответственно «фразеологические сращения» и «фразеологические единства»)⁷, остальные возникают по определенным, структурно-грамматическим и лексико-семантическим моделям (моделированные фразеологизмы)⁸. Такие критерии классификации дают возможность четко выделить два типа подобных образований в турецком языке: 1) воспроизводимые фразеологизмы, представляющие собой единицы языка, и 2) неразложимые на синтаксическом уровне фразеологизмы, создаваемые в момент высказывания по определенным структурно-грамматическим и лексико-семантическим моделям. К последним в турецком языке могут быть отнесены, например, некоторые компаративные, именные и отдельные типы глагольных фразеологизмов.

⁶ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 34.

⁷ См.: В. В. Виноградов. Указ. раб.

⁸ Термины «моделированные (типовые) конструкции», «типологические фразеологизмы» получили достаточно широкое распространение в последние годы. См.: Н. Н. Чернышева. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970; Л. И. Ройзензон. Фразеология как лингвистическое явление. — «Труды Самаркандского университета. Новая серия», вып. 113.

Образующие элементы именных фразеологизмов в разной степени сохраняют свое вещественное значение. Именно это обстоятельство явилось причиной того, что в литературе последних лет по общей фразеологии утвердилось понятие опорного (или стержневого) слова фразеологической единицы. Причем это понятие распространяется на два элемента: семантически опорное слово и грамматически стержневое слово фразеологизма. Под семантически опорным словом понимается компонент фразеологической единицы, выражающий ее вещественное значение, а грамматически стержневое слово оформляет фразеологизм как структурное целое, позволяющее соотносить его с той или иной частью речи⁹. В турецком языке грамматически стержневым словом является второй компонент фразеологизма, который обуславливает существование глагольных и именных фразеологизмов. Вместе с тем, применительно к именным фразеологизмам турецкого языка, в котором нет четкой дифференциации между именем существительным и именем прилагательным, можно говорить, по-видимому, лишь о функциональном определении грамматической принадлежности именных фразеологизмов, то есть исходить из синтаксической позиции, занимаемой фразеологической единицей в предложении.

Семантически опорное слово может быть выявлено не у всякой фразеологической единицы. Подавляющее большинство как именных, так и глагольных фразеологизмов строится «на базе относительно равных по удельному весу смысловых признаков, так что выделение смыслового центра в этом случае лишено реальных оснований»¹⁰. В самом деле, трудно себе представить опорное слово у таких фразеологизмов, как *ayak teri* 'денежное вознаграждение' (досл. 'пот ноги'¹¹), *ayak takımı* 'сброд' ['группа (набор) ног(и)'], *kaşık düşmanı* 'жена' ('враг по ложке'), *eski toprak* 'старая закваска (о крепком человеке)' ['старая почва (земля)'], *baldırı çıplak* 'оборванец' ('голень его голая')¹².

Для большинства фразеологических единиц характерно использование одного или обоих компонентов в переносном значении, то есть в значении, которое не реализуется в свободных конструкциях. Касаясь семантической связи лексических единиц, А. А. Уфимцева отмечает: «В силу того, что в нормативной обязательной реализации лексических связей слов все время имеет место «нарушение» системных координат, возникает огромная область так называемых алогичных и несистемных сочетаний слов, противоречащих как реальным связям обозначенных предметов и явлений материального мира, что создает идиоматику языка, так и системным закономерностям, что порождает огромное количество метафорических сочетаний и единичных номинаций, принадлежащих уровню нормы»¹³. Семантические связи во фразеологических единицах либо устанавливаются благодаря различным сходным характеристикам двух предметов или явлений, возникающих в силу различных ассоциаций при сравнении качеств или свойств этих предметов или явлений, либо же они закрепляются в результате регулярного использования, как минимум, двух слов для обозначения того или иного предмета или явле-

⁹ Н. М. Шанский. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

¹⁰ В. П. Жуков. О смысловом центре фразеологизмов. — В сб.: «Проблемы фразеологии». М.—Л., 1964, стр. 147.

¹¹ Далее в скобках дается дословный перевод.

¹² Мы совершенно ясно осознаем, что переводы отдельных фразеологизмов не соответствуют тому содержанию, которое передается фразеологизмом на языке первоисточника. Именно в этом, собственно говоря, и проявляется одна из специфических особенностей фразеологических единиц.

¹³ А. А. Уфимцева. Указ раб., стр. 202.

ния. Для формирования общей семантики фразеологической единицы необходимо, чтобы данное значение одного или обоих компонентов закрепилось именно в данном сочетании слов при соответствующем структурно-грамматическом оформлении. Следует отметить, что хотя постоянство структурно-грамматического оформления и переносное употребление одного или обоих компонентов фразеологизма видоизменяет, модифицирует в целом семантику компонентов, однако мотивированность последних у большинства турецких фразеологизмов остается в достаточной степени прозрачной. Это обстоятельство и дает возможность устанавливать основное функциональное назначение всего фразеологизма, выявлять его отношение к другим единицам языка в составе высказывания.

Если классифицировать именные фразеологизмы турецкого языка по их функции, то весь комплекс подобных образований можно подразделить на три основные группы: 1) именные фразеологизмы — единицы номинации; 2) именные фразеологизмы, используемые для оценочной характеристики человека; 3) именные фразеологизмы, используемые для сравнительной характеристики.

Именные фразеологизмы — единицы номинации. Именные фразеологизмы, выступающие в турецком языке в номинативной функции, составляют значительный пласт турецкой фразеологии. Смысловая структура их весьма разнообразна, и в лексико-семантическом плане они представляют собой довольно пеструю картину. Их можно разделить на следующие подгруппы:

1) Фразеологизмы, в которых оба компонента выступают со значениями, не соответствующими связям, имеющимся в реальной действительности.

Смысловые отношения между компонентами здесь почти невозможно выявить, ибо они прослеживаются с большим трудом, например: *ekmek düştanı* 'жена' ('враг по хлебу'), *karın ağrısı* 'забота' ('боль живота'), *göz dağı* 'устрашение' ('клеймо глаза'). Семантическая неделимость, спаянность компонентов позволяют рассматривать их как идиоматические выражения.

2) Фразеологизмы, обладающие целостностью номинации, которая возникает на основе собственно лексических значений составляющих компонентов без переосмысления, изменения их семантики.

Кроме широкоупотребительных народно-разговорных выражений, значительную часть подобных словосочетаний составляют образования, используемые для наименования различных предметов и явлений: *diz karağı* 'коленная чашечка' ('крышка колена'), *akıl dişi* 'зуб мудрости', *el emeği* 'ручной труд', *el arabası* 'тележка' ('ручная телега'), *deniz otu* 'морская трава', *deniz köpüğü* 'морская пена' и т. д.

На первый взгляд может показаться неправомерным включение подобных образований в состав фразеологии. Однако при более детальном рассмотрении этого типа фразеологизмов в сопоставлении со свободными словосочетаниями можно обнаружить черты, сближающие их с фразеологическими единицами. Компоненты свободных конструкций связаны между собой полноценными синтаксическими отношениями. Это проявляется в том, что свободное словосочетание сохраняет способность к трансформации, компоненты его в составе многочленного предложения могут, каждый в отдельности, вступать в связь с целым рядом отдельных слов или словосочетаний, оформляться морфологическими показателями, заменяться другими словами формально того же лексического

класса и т. п. При этом компоненты свободного словосочетания всегда сохраняют присущие им лексические значения. Все это несвойственно именному фразеологизму.

3) Фразеологизмы, в которых в переносном значении употреблен один компонент.

Характер переносного значения компонента, выступающего в составе фразеологизма формально в роли определения, существенно отличается от того значения, в котором это же слово выступает в аналогичной роли в свободных конструкциях. В свободных словосочетаниях слово, обозначающее признак предмета, представляет собою языковой элемент, наделяющий определяемое слово не постоянным, а временным свойством. Во фразеологической единице указанный признак является неизменным, постоянным признаком, приписываемым предмету, например: *can düşmanı* 'смертельный враг', 'злейший враг', *can yoldaşı* 'задушевный друг', *düşman ağzı* 'вражеские слова (разговоры)', *bal ayı* 'медовый месяц', *can oyunu* 'рискованная игра' и т. п. Степень спаянности компонентов подобных образований различна и находится в прямой зависимости от собственно лексических значений слов, составляющих данный фразеологизм.

Если семантика некоторых рассмотренных выше фразеологизмов складывается из переносного значения одного компонента, то этот компонент может быть заменен однозначным синонимом (ср. *can yoldaşı* || *gönül yoldaşı*).

4) Фразеологизмы, представляющие собою термины, зачастую предусматривают элементы прямого или косвенного подобия: *horoz ayağı* 'штопор', *domuz ayağı* 'штопор', *deve dışı* 'крупнозернистая пшеница', *dil balığı* 'камбала', *deve kuşu* 'страус' и т. п.

Именные фразеологизмы, используемые для оценочной характеристики человека. К продуктивнейшим именным фразеологизмам турецкого языка относятся образования, используемые для оценочной характеристики человека. Структурно-грамматические отношения, связывающие компоненты подобных образований, весьма разнообразны. Однако в лексико-семантическом плане имеется одна объединяющая их черта: использование переносного значения одного или обоих компонентов позволяет дать меткую, выразительную характеристику человеку.

Метафорическое значение может охватывать смысловую структуру фразеологизма полностью или частично. В первом случае лексические отношения между компонентами фразеологизма семантически равноправны: *dağ ayısı* 'мужлан' ('горный медведь'). При неполном охвате смысловой структуры компоненты связаны отношением семантической зависимости: *tavşan yürekli* 'трус', 'трусливый' ('с заячьим сердцем'). В этом случае один компонент передает основную смысловую сущность фразеологической единицы, выражая более общее понятие; другой — конкретизированное частное значение основного компонента, являясь передатчиком свойств, качеств. Между компонентами устанавливаются внутренние атрибутивные связи, которые могут быть формально охарактеризованы как отношение определения к определяемому, то есть отношение между признаком и его носителем.

Семантические отношения, существующие между компонентами рассматриваемых образований, весьма разнообразны.

1) Переносное метафорическое значение развивается на основе сравнения характера или состояния человека с определенным животным или предметом. Человек характеризуется отличительными чертами, свойствами того или иного животного или предмета (ср. заяц — трусливый,

птица — глупая и т. д.), например: *horoz akıllı* 'глупый' ('с петушиным умом'), *dudu dilli* 'златоуст' ('с языком попугая'), *kaz kafalı* 'непонятливый' ('с гусиной головой'), *kus beyinli* 'глупый', 'недалекий' ('с птичьими мозгами'), *cin fikirli* 'хитроумный' ('с дьявольской мыслью'), *tausan yürekli* 'трусливый', 'трус' ('с заячьим сердцем')¹⁴ и т. д. Наблюдения над лексической сочетаемостью компонентов вышеприведенных фразеологизмов показывают, что для передачи одного и того же понятия, например, «глупый», используется целый ряд словосочетаний, первым компонентом которых выступают названия птиц, а вторым — такие слова, как *başlı*, *kafalı*, *beyinli*. Некоторые из них зафиксированы в словарях как лексические единицы. Однако устоявшейся фразеологической единицы с определенным вторым компонентом не существует. В одних случаях словари дают слова *beyinli* и *kafalı* в равнозначном употреблении в составе одного и того же фразеологизма, в других — только в сочетании с определенным словом, например, *kuş beyinli*.

2) Если в первой группе данного типа фразеологизмов одним из компонентов является слово, указывающее на какую-то определенную черту человека, то в нижеприводимых фразеологизмах человек сравнивается с тем или иным животным, предметом или явлением, существующим в реальной действительности, например: *dağ ayısı* 'мужлан' ('горный медведь'), *gece kuşu* 'потаскуха' ('ночная птица'), *şukara babası* 'благодетель' ('отец бедняков'), *insan evladı* 'гуманный человек' ('человеческое дитя').

3) Первый компонент фразеологизма служит определением, своеобразным эпитетом ко второму, но, в отличие от употребления в свободных словосочетаниях, он актуализирует значение, которое проявляется только в данном сочетании слов. Характеристика человека дается на основе специфического признака самого человека, для чего используются названия частей человеческого тела. Например: *ağır elli* 'тяжелый на руку' ('с тяжелой рукой'), *dik kafalı* 'упрямый' ('с прямой головой'), *ağır başlı* 'разумный' ('с тяжелой головой'), *yumuşak yüzlü* 'приветливый' ('с мягким лицом').

Сюда же относится другой структурный тип фразеологизмов, например: *ağzi açık* 'ротозей' ('рот его открытый'), *ağzi büyük* 'болтун' ('рот его большой'), *ağzi gevşek* 'пустомеля' ('рот его расслабленный'), *ağzi kara* 'клеветник' ('рот его черный'), *eli uzun* 'нечистый на руку' ('рука его длинная'), *boyunu eğri* 'подхалим' ('шея его кривая'), *baldırı sırtak* 'оборванец' ('голень его голая') и т. п.

Отметим, что указанные фразеологизмы могут иметь омонимичные свободные словосочетания. Различие между ними обнаруживается по той синтаксической позиции, которую занимает словосочетание в составе предложения. Рассматриваемые именные фразеологизмы во всех случаях призваны выполнять в предложении функцию или определения, или номинативного слова. В других функциях подобные образования воспринимаются как предикативные словосочетания, причем в этом случае исчезает та выразительность и метафоричность, которые характерны для фразеологических единиц.

¹⁴ Как утверждается в грамматиках современного турецкого языка, словообразовательный аффикс *-li*, присутствующий в данных фразеологизмах в качестве их структурного элемента, известен в языке как деривационная морфема, используемая для образования имен прилагательных. Посредством этого аффикса, в частности, могут быть образованы имена прилагательные, указывающие на обладание тем, что называет исходная основа. См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 105; *Muharrem Ergin. Türk Dil Bilgisi. İstanbul, 1962, стр. 151.*

Именные фразеологизмы, используемые для сравнительной характеристики. Особую группу именных фразеологизмов турецкого языка составляют компаративные фразеологические единицы. В подобных образованиях первый компонент является объектом сравнения для второго. Хотя в формировании семантики фразеологической единицы участвуют два предмета, однако, как совершенно справедливо отмечает С. С. Майзель, словосочетание вызывает в нашем сознании представление только об одном предмете¹⁵. Во фразеологической единице весь комплекс признаков, характеризующих один предмет, переносится на другой, например: *gül yanağ* 'розовые щеки', 'щеки, как роза', *taş yürek* 'жестокосердный человек', *demir el* 'железная рука', 'твердая рука', *badem göz* 'миндалевидные глаза', 'глаза, как миндаль' и т. д. Некоторым из указанных фразеологизмов соответствуют омонимичные им свободные словосочетания. Однако в качестве таких свободных конструкций могут выступать лишь те словосочетания, первый компонент которых является вещественным именем существительным. Различие между свободными словосочетаниями и фразеологическими единицами устанавливается только в контексте. В случае, когда подобные образования функционируют в составе предложения в качестве свободных словосочетаний, первый компонент их актуализируется не как объект сравнения, а как своего рода определение ко второму компоненту, указывая на материал, из которого изготовлен данный предмет. Поэтому первый компонент, так же, как и все словосочетание в целом, может подвергаться трансформации (ср. *demirden bir el* 'рука из железа').

Изучение некоторых разновидностей именных фразеологизмов турецкого языка показывает, что большинство из них представляет собой словосочетания, в которых отражаются образы реальной действительности, известные и привычные каждому носителю данного языка. Наличие в языке широкоупотребительных общеязыковых метафор, полисемантичность турецкой лексики дают возможность носителю языка в случае необходимости создавать на уровне речи некоторые типы фразеологических единиц по определенным структурно-грамматическим и лексико-семантическим моделям. К таковым могут быть отнесены рассмотренные выше компаративные фразеологизмы типа *demir el*, а также некоторые именные фразеологизмы, используемые для оценочной характеристики человека, например, *tauşan yürekli*.

¹⁵ С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 49.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. КОРОГЛЫ

ШАМАН, ПОЛКОВОДЕЦ, ОЗАН

(ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ДЕДЕ-КОРКУТА)

Имя Коркута (Деде-Коркут) получило известность в науке со времени открытия письменного памятника огузской древности — «Книги моего деда Коркута», — о котором написано значительное число работ¹. В данной статье мы попытаемся проследить эволюцию этого образа огузского фольклора.

Дошедший до нас материал о Коркуте (главным образом мифы и легенды) охватывает обширный ареал и подразделяется на восточную и западную группы источников. Восточная группа представлена легендами, сложенными на древней родине огузов — в Центральной и Средней Азии. Легенды эти носят общетюркский характер, но превалирует в них киргизско-казахский материал. Коркут здесь выступает преимущественно как шаман. Так, в материалах «Из области киргизских верований», собранных А. А. Диваевым во второй половине XIX в., говорится:

«О, мужественный Коркуд, властитель низовьев вод,
Застрашай ты этот недуг,
Разве ты не пир бахсьев?
Обрати свои взоры, помоги мне (*букв.* держи мою руку),
Я прошу помощи (застигнутый) на узкой дороге,
И прибегаю к вашей помощи,
Окажи же ты мне помощь»².

В среднеазиатском письменном памятнике «История Дост-Султана» Коркут — «пророк бахшиев, служителей культа у язычников»³. Известный этнограф Ч. Ч. Велиханов, имея в виду бегство Коркута от смерти, также называет его шаманом:

«Само бегство от смерти, недопускаемое исламом, составляет один из постоянных мотивов легенд шаманских народов. У киргизских шаманов есть легенда о Хорхуте, первом шамане, который научил их играть на кобзе и петь сарн. Даже у более омусульманившихся туркоманов Коруглу убежал от смерти, хотя и ненадолго»⁴.

¹ «Книга моего деда Коркута». Огузский героический эпос. Перевод академика В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский и А. Н. Кононов. М.—Л., 1962. В статье цитируется также издание Эргина с факсимиле Дрезденской (условно — D) и Ватиканской (условно — V) рукописей; *Dede Korkut Kitabı*, в дальнейшем — ДКК, I cilt. Ankara, 1958.

² А. А. Диваев. Из области киргизских верований. Казань, 1899, стр. 10. Киргизско-казахские заклинания, содержащие имя Коркута, зафиксировал Ж. Кастанье (*J. Castagne. Magie et exercice, chez les Kazaks-Kirghise et autres peuples turc orientaux. Paris, 1930, стр. 61*). См. также: В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, т. III. СПб., 1970, стр. 47.

³ В кн.: О. С. Гökcuay. *Dede Korkut*. Istanbul, 1938, стр. 29 (Введение).

⁴ Ч. Ч. Велиханов. Собрание сочинений в 5 т., т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 487.

Легенда о бегстве Хорхута от смерти зафиксирована многими учеными, собиравшими фольклорный материал среди кочевников в киргизских степях⁵. Весь этот материал, за незначительным исключением, повторяет версию, записанную впервые В. В. Вельяминовым-Зерновым:

«...жил он (Хорхут) прежде на одном краю света и раз ночью увидел во сне, что несколько человек роют там могилу. — Для кого вы роете? — спросил аулия. — Для святого Хорхута, — отвечали работники. Встревоженный Хорхут, желая избежать грозящей смерти, на другой же день переехал жить на второй конец света. Тут он увидел тот же сон. Опять с рассветом пустился он в дорогу. Таким образом, аулия, преследуемый видением, обошел все четыре угла мира. С отчаяния, не зная куда деться, решил он переселиться в центр земли. Как было задумано, так и сделано. Центром оказался берег реки Сыра, именно в том месте, где теперь лежит тело Хорхута. Но перекочевкой на Сыр не кончились похождения знаменитого святоши. На середине земли ему опять приснилось то же самое. Аулия задумал теперь перехитрить судьбу. Рассудив, что на суше ему нет нигде спасения, он перебрался жить на воду, разостлал свое «курпе» (одеяло) на Сыру и на нем поместился. Тут он сидел 100 лет, играя на домбре; наконец, умер. Набожные мусульмане взяли его тело и похоронили»⁶.

Гробница-могила на берегу Сыр-Дарьи, где, согласно легенде, похоронен святой Коркут—Хорхут, описана многими учеными-фольклористами⁷.

В Центральной Азии, на расстоянии 440 км от г. Акмолинска есть две горы, названия которых легенды связывают с именем Коркута. **Первая легенда.** Коркут с домброй обходил казахские племена. Однажды он уронил бусы (мунджук) от своей домбры на горе, которая и получила название *Мунджукты*. **Вторая легенда** повествует о том, как он однажды оставил на горе свою домбру, и гора стала называться *Домбралы*⁸.

Турецкий фольклорист Абдулкадир Инан, выходец из Средней Азии, говорит о Коркуте как о древнем народном певце казахов, великолепно игравшем на кобзе и тамбуре и считавшемся святым (аулия). По его словам, «казахские баксы, прежде чем приступить к игре на кобзе, вызывали на помощь своего покровителя (пира) Коркут-ата»⁹.

О Коркуте писал и великий Алишер Навои:

«Коркут-ата (да помилует его бог). Среди турецкого (тюркского. — Х. К.) народа слишком известен, чтобы нуждаться в еще (большей) известности. (О нем) известно то, что он говорил о том, что случилось за несколько лет до него, и о том, что случится несколько лет после него; среди (народа) распространено (об этом) много поучительных и остроумных изречений»¹⁰.

Эта характеристика перекликается с высказываниями о Коркуте, имеющимися в западных источниках, в частности в «Китаби».

Образ Коркута-шамана отражен в легендах, восходящих к древности. Но в Средней Азии существовали также легенды, в которых Коркут назывался мусульманским аулия (святой). А. А. Диваев сообщает легенду, связанную с топонимом Хорхут (станция по дороге из Ташкента в Казалинск).

⁵ Подробные сведения об этой легенде приводит В. М. Жирмунский; см. упоминавшуюся выше «Книгу моего деда Коркута» (очерк «Огузский героический эпос и „Книга Коркута“»).

⁶ В. В. Вельяминов-Зернов. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии. — «Труды Восточного Отделения Российского Археологического общества», т. IV. СПб., 1859, стр. 283.

⁷ Подробности см. в очерке В. М. Жирмунского «Огузский героический эпос и „Книга Коркута“», стр. 158 и сл.

⁸ Hamit Hamidi. Korkuta âit. Türkiyat Mecmuası, II, стр. 396—397; См. также: ДКК, т. I, стр. 48 (Введение).

⁹ См.: ДКК, т. I, стр. 48 (Введение).

¹⁰ См.: В. В. Бартольд. Султан Санджар и гузы. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1964, стр. 416.

«Киргиз Перовского уезда Царской волости Осман Касымов сообщил мне, что между киргизами Перовского и Казалинского уездов Хорхут-ата, могила которого расположена на берегу Сыр-Дарьи, недалеко от форта 2-го, известен как один из почитаемых мусульманских святых. Часто туда приезжают из очень отдаленных местностей киргизы и киргизки на поклонения святому и проводят ночи в слезах и молитвах в надежде получить облегчение от тех или других недугов, в особенности от болезней, известных у киргизов под общим названием *أرواق* и обязанных своим происхождением нечистой силе».

Далее, ссылаясь на слова своих собеседников, он говорит, что еще в 1880 г. существовала могила Хорхута с гробницей, впоследствии разрушенная водами Сыр-Дарьи¹¹.

Взаимоотношения огузов с другими тюркоязычными племенами в древности еще не изучены. Поэтому пока невозможно ответить на вопрос, почему, казалось бы, чисто огузский эпический герой Коркут был столь популярен среди киргизов и казахов. Можно лишь предположить, что образ этого героя сложился до принятия тюркоязычными народами Средней и Центральной Азии ислама. Этим, по-видимому, и объясняется то, что среднеазиатские легенды почти всегда рисуют образ Коркута-шамана, хотя в ряде устных преданий его нередко именуют мусульманским аулия.

В исторических памятниках, написанных на персидском, арабском, греческом и тюркском языках, образ Коркута трактуется по-разному. Одни авторы называют его полководцем (эмир), связывая его имя с историей огузов; другие пересказывают все то, что было им известно об эпическом Коркуте из легенд и преданий. Рассмотрим эти источники в хронологической последовательности. Самым ранним из известных нам исторических памятников, в которых упоминается имя Коркута, является хроника Константина Багрянородного (911—959). В ней сообщается следующее:

«Должно знать, что печенеги первоначально имели жительство на реке Атиле, а также на реке Гейхе (Урал), имея соседями хазаров и т. н. узов. Пятьдесят лет тому назад узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны, и ее заняли до сего дня так называемые узы... В это время, когда печенеги были прогнаны с родных мест, они имели князьями в округе Иртим — Маину, в Цуре — Куся, в Гиле — Куркуту»¹².

Согласно хронике, в начале X в. огузы располагались в непосредственной близости от хазар и аланов на Северном Кавказе. В тех же местах встретился с огузами в начале X в. Ибн-Фадлан. К сожалению, Константин Багрянородный ограничивается лишь упоминанием имени Куркуты, называя его при этом печенегом (одно из 24 племен огузов).

Значительно больший интерес для нас представляет труд Имад-аддина Мухаммеда ибн Мухаммеда аль-катиба аль-Исфахани (1125—1201), который был очевидцем описываемых им событий. Он дополнил хронику сельджукского визиря Анушравана (ум. 1137), доведя свой рассказ до описания событий 1194 года (начало хроники датировано 1029 г.). Свой труд он назвал «Нустрат аль-фатра ва усрат аль-фитра» («Помощь против слабости и прибежище для характера»). В дальнейшем, в 1226 г. сочинение Имад-аддина было сокращено Абулфатхом ибн Али аль-Бундари из Исфахана и названо «Зубдат ан-нусра ва нубхат аль-усра» («Сливки книги помощи и извлечение из книги прибежища»). Имад-аддин писал:

¹¹ А. Диваев. Несколько слов о могиле святого Хорхут-ата.—ЗВО РАО, т. X. СПб., 1896, стр. 193—194.

¹² Константин Багрянородный. Сочинения. Перевод и предисловие Гавриила Ласкина. М., 1899, стр. 140; см. также: «Византийский современник», т. VI. М., 1953, гл. 9.

«...Гузы — племя (таифе) из туркмен, имеющее отвращение к несправедливости. Они находились в ведении эмира Кумача и приносили ему харадж, который следовал с них. Эмиры их Коркуд (قرقود) и Тутибек служили в столице и являлись к султану. Их приношения и подарки принимались, пока эмир Кумач не обвинил их в каком-то проступке; они оправдывались в нем, но он не принял (их оправданий)»¹³.

Далее описываются притеснения, которым подвергались огузы, их выступления против эмира Кумача, убийство ими сына последнего. Эмир Кумач обратился к султану Санджару и потребовал, чтобы тот обуздал огузов. Но огузы разбили войско Санджара, а его самого взяли в плен. Плененный султан, однако, пользовался у огузов почетом, о чем сообщает Имад-ад-дин:

«Он оставался у них как пленник три года. Они давали ему мало еды и питья, но сажали его на трон, а сами стояли в его присутствии, кроме Коркуда и эмира Тутибека»¹⁴.

После этих событий огузы, по свидетельству Имад-ад-дина, продолжительное время грабили окрестности, разрушили Нишапур. Наконец, Санджару удалось бежать из плена, но в Термезе он внезапно скончался.

Захир-ад-дин Нишапури (ум. 1186), воспитатель султана Арслана Сельджукида, в 1186 г., в период царствования султана Тогруля, написал книгу «Сельджук-наме». Рукопись считалась утерянной, но впоследствии ее обнаружили в Иране, в частной коллекции, и она была издана¹⁵. К этой книге приложено еще одно, в некоторой степени дополняющее ее, небольшое «Сельджук-наме», составленное современником Захир-ад-дина Нишапури — Абу Хамидом Мухаммедом ибн Ибрахимом (ум. 1202).

Захир-ад-дин Нишапури также излагает историю пленения султана Санджара огузами, называя при этом огузского эмира Коркуда Киргизом (قرقیز). Возможно, издатели книги при прочтении имени قرقود допустили ошибку. Для такого предположения имеются следующие основания: во-первых, слово قرقیز — этноним одной из ветвей тюркоязычных народов, и в источниках, посвященных огузам, в качестве собственного имени не встречается; во-вторых, и это главное, современник и один из родственников Захир-ад-дина Нишапури, пользовавшийся материалами его «Сельджук-наме», в своей книге «Рахат ас-судур ва аят ас-суруп» («Отдохновение сердец и чудо радости»), написанной в 1204/5 гг., касаясь тех же событий, называет эмирами огузов Коркуда (قرقود) и Тутибека (طوطی بك). Имя эмира огузов Коркуда—Коркута—Коркуда наряду с именем Тутибека (Дудубека) упоминается и некоторыми персоязычными авторами¹⁶.

Несколько иначе изложены эти же события в «Родословной туркмен». Абулгази (1603—1664) вместо Санджара называет Алихана, а

¹³ Материалы по истории туркмен и Туркмении (в дальнейшем — МИТТ). М.—Л., 1938—39, стр. 323.

¹⁴ МИТТ, т. I, стр. 324.

¹⁵ ظهرالدين نيشابورى سلجوقنامه تهران ۱۳۳۲

¹⁶ «„Табагат-и Насири“ Минхадж-ад-дина аль-Джузджани». — МИТТ, т. I, стр. 440. Здесь имя Коркута дано в арабской графике как قرقرب, что также неверно. Следует читать «Коркут»; «„Аль-Камил фи-т-тарих“ Ибн аль-Асира». — МИТТ, т. I, стр. 387. В Лейденском издании этого труда имя старца названо: قرقوت بن عبدالحميد زبده النصره و نخبه العصره العمادالدين الكاتب الا صفهائى اختصار (стр. 54); اباالفتح البندارى изд. Hautsma, Leiden, 1889. Здесь — قرقود (Коркуд), стр. 281.

вместо эмира Кумача — Кылыч-Арслана, прозванного Шахмелик. Любопытно, что автор вводит еще одно действующее лицо, а именно Кыркутбека (قرقوت بيك), полкводца огузов:

«Теперь надлежит рассказать, что делал (огузский) иль после того, как Шахмелик бежал. В те времена великим беком иля, обитавшего в Ургенче, на Мургабе и Теджене, был некто по прозванию Кыркут из иля Кайы...»¹⁷.

В этой связи имя полководца Кыркутбека из иля Кайы упоминается еще несколько раз. С другой стороны, Абулгази говорит о Коркут-ата (также из иля Кайы) как о советнике и визире огузских ланов. Совершенно ясно, что речь идет о двух разных лицах. На это же указывает и написание этих имен арабской графикой: Коркут-ата передается Абулгази как قورقوت انا¹⁸, а Кыркутбек قرقوت بيك и قيرقوت¹⁹. Заслуживает быть отмеченным, что в письменных памятниках, упоминающих Коркута как бахши, озана, мудреца и визира («Китаби», киргизско-казахские предания, труды Рашид-ад-дина и др.), его имя пишется с гласным و (о, у) после первого согласного (قورقود قورقوت).

Возникает вопрос: не о полководце ли идет речь у всех перечисленных нами историков? Ведь все они дают написание قرقوت, قرغود, قرقوت, то есть точно такое же, как транскрибированное Абулгази имя полководца. Исследователей, конечно, могло ввести в заблуждение при прочтении имени полководца Кыркута знакомое и привычно звучавшее имя старца Коркута. (Впервые правильную транскрипцию имени Кыркута-полководца дал А. Н. Кононов). В результате две совершенно разные личности слились в одну. Иначе трудно объяснить утверждение, повторяющееся более чем у пяти историков, начиная с Константина Багрянородного, о существовании у огузов полководца или эмира по имени Коркут. Поэтому представляется вполне вероятным, что у огузов был в свое время эмир или бек иля, как его называет Абулгази, по имени Кыркутбек, образ которого в дальнейшем слился с образом эпического старца Коркута. Коль скоро это так, то имя قرقوت, قرغود قرقود в персоязычных источниках, по-видимому, следует читать так же, как у Абулгази — *Кыркут*, в отличие от *Коркут-ата* или *Деде-Коркут*.

К. А. Иностранцев предполагал, что прототипом легендарного Коркута было историческое лицо²⁰. Такого же мнения придерживался и Зеки Велиди, считавший, что Коркут мог быть одним из видных государственных деятелей хаганата Гек-тюрок²¹, чем он и объяснял то обстоятельство, что все источники считают Коркута современником Мухаммеда.

К. А. Иностранцев высказал также предположение, что имя другого огузского полководца — Дуду могло впоследствии превратиться в «деде» и стать прозвищем Коркута — Деде-Коркут²². Однако эту версию, по нашему мнению, нельзя принимать всерьез. Приставка «деде» возникла позднее, вероятно, в связи с тем, что образ легендарного старца трансформировался в образ мусульманского святого, ибо в целом ряде исторических и иных памятников имеются многочисленные упоминания имени Коркута без приставки «деде». Вместе с тем для появления этой пристав-

¹⁷ См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.—Л., 1958, стр. 67.

¹⁸ См. там же, стр. 56 и сл.

¹⁹ См. там же, стр. 67 и сл.

²⁰ К. А. Иностранцев. Коркут в истории и легенде. — ЗВО РАО, т. XX. СПб., 1912, стр. 040—046.

²¹ Toğan A. Zeki Velidi. Umumi Türk Tarihine Giriş, 1 cilt. İstanbul, 1946.

²² К. А. Иностранцев. Указ. раб.

ки имелись определенные предпосылки. В памятниках огузов, живших в Средней и Центральной Азии, часто встречается сочетание «Коркут-ата». Весьма вероятно, что второй компонент имени — «ата», означающий в сущности то же, что и «деде», лег в основу кавказской версии имени старца. Идентичность слов «деде» и «ата» ярко проявляется в говорах азербайджанского языка (в особенности южноазербайджанских). В последних слова «деде» и «ата» в одинаковой степени выражают понятие «отец», что подтверждается также параллельным существованием двух равнозначных выражений «деде-бабаларымыз» и «ата-бабаларымыз» 'отцы и деды'. В живых говорах азербайджанского и даже турецкого языков слово «деде» имеет значение «дед», выражающее родство. Но в отдаленную эпоху слово «деде», по-видимому, означало понятие «дед» и «старец», что в одинаковой мере справедливо применительно к образу легендарного Коркута.

В другой группе исторических сочинений и хроник сохранился домусульманский эпический образ Коркута, имеющий много общего как с образом среднеазиатских легенд, так и образами «Китаби» и других западных эпических памятников. Обратимся прежде всего к историческому труду Рашид-ад-дина (1247—1318) «История Огуза и тюрок и повесть о том, как он завладел миром» (تاریخ اوغان و ترکان و) «حکایت جهانگیری و»²³.

Среди исторических сочинений Рашид-ад-дина, переведенных на чагатайский язык туркменом Салырбаба Гулалы оглы из Нисы (древней столицы парфян, развалины которой находятся близ Ашхабада) в 1033/34 г. хиджры (1555/56 г.), находится и названное выше. В 1950 г. С. Ахаллы изложил на современном туркменском языке и опубликовал (без русского перевода) содержащиеся в этом труде сведения о Коркуте, совпадающие с сообщениями О. Ш. Гекая²⁴. Рашид-ад-дин пишет следующее:

«...и Коркут, сын Кара-ходжи из потомков Баята. Он был великим, умным, прозорливым человеком и обладал даром прорицателя. Инал Сыр Явкуйхан жил в его время. По словам того, кто рассказывал эту историю, Коркут прожил 295 лет. Он высказал много прекрасных слов и прорицаний. Все эти слова и прорицания будут приведены отдельно».

Сведения о Коркуте, сообщаемые Рашид-ад-дином, с незначительными изменениями повторяет и Абулгази в «Родословной туркмен», где Коркут-ата впервые выступает как визирь Инала Явы-хана. Но Коркут-ата Абулгази происходит не из иля Баят, как об этом говорится в сочинении Рашид-ад-дина и в «Китаби», а из господствующего иля Кайы. Авторитет Коркут-ата среди огузов исключительно велик. Хотя он только визирь, от его слова зависят даже судьбы правителей:

«Собрался весь огузский иль во главе с Коркут-ата — сыном Кара-ходжи (из иля) Кайы, с Энкеш-ходжой (из иля) Салор и Авашбан-ходжой и подняли государем Инал-Явы из народа Кайы. Визирем у него был Коркут-ата. И что бы ни сказал Коркут-ата, Инал-Явы не отступал от его слов. Много необыкновенных дел совершил Коркут-ата. Он прожил двести девяносто пять лет и был визирем при трех государях»²⁵.

²³ Рукопись хранится в музее Топкапу сарай в Стамбуле (инв. № 21935, стр. 2376 и сл.). Извлечения из нее, касающиеся Коркута, сделаны О. Ш. Гекаем (Dede Korkut. İstanbul, 1938, стр. 18—23 (Введение).

²⁴ См.: С. Ахаллы. Салырбабаның эсеринде Горкут ата. — «Известия Туркменского ФАН СССР», 1950, № 3, стр. 3 и сл. Это — первая работа о Коркуте в Туркмении, родные восточных огузов. По словам Б. А. Каррыева, в 1942—43 гг. туркменский филолог Ата Рахманов записал предания о Коркуте (8 песен) у племени чоудор в Северной Туркмении. Еще две песни о Коркуте записаны в Мары у текинцев другим туркменским филологом Нурмурадом Эсенмурадовым. Достойно сожаления, что этот уникальный материал до сих пор не опубликован, тем более, что он является живым свидетельством сохранения эпических традиций прямыми потомками огузов.

²⁵ См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 57.

Ни одно важное государственное дело не совершается без участия Коркут-ата. Это подтверждается и теми событиями, о которых повествует Абулгази. Когда умер второй правитель — Дуйлы-Кайы, сын Инал-Йавы, при котором Коркут-ата также был визирем, «весь огузский иль собрался на поминки, все беки во главе с Коркут-ата спросили: «Нет ли беременных среди жен хана?»²⁶. Таким образом, новый правитель избирается по совету Коркут-ата. Но Коркут-ата у Абулгази не только советник, но и исполнитель обрядов иля, его мудрый старейшина. Когда родился сын у одной из жен покойного правителя, огузский иль сказал Коркуту: «Дай этому мальчику хорошее имя»²⁷. (Последний мотив часто повторяется в «Китаби»).

В «Родословной туркмен» говорится, что жил Коркут при пяти правителях, начиная с Инал-Йавы. Однако после Тумана, внука Инал-Йавы, Коркут не упоминается, хотя нигде не говорится о его смерти. Очевидно, это объясняется тем, что в дальнейшем изложение событий утрачивает эпическую окраску, все больше приближаясь к историческому повествованию. Появляются такие имена, как Кылыч-Арслан и Шахмелик (из династии Сельджукидов) и другие.

Коркут из «Родословной туркмен» отличается от Коркута (Хорхута)-бахши. В киргизско-казахских преданиях и заклинаниях он выступал как колдун, предсказатель судеб, знахарь; его основными аксессуарами были музыкальный инструмент и песни (см. «Китаби»). Но при монголах те же бахши служили писцами, были советниками и приближенными правителей. Вероятно, поэтому образ Коркута-бахши из народных сказаний претерпел трансформацию и в соответствии с действовавшей традицией в описании родословной огузских правителей превратился в советника, визиря.

Еще одна существенная деталь отличает образ Коркута в исторических источниках от его образа в легендах и преданиях. В фольклоре Коркут — шаман, заклинатель, колдун, и принадлежность его к мусульманству выражена декларативно, то есть чисто формально. В исторических же сочинениях ярко проявляется стремление придать Коркуту черты мусульманского святого. Видимо, поэтому эпическая биография Коркута дополнилась эпизодом, в котором рассказывается о том, как правитель огузов отправил послов (в том числе и Коркута) к пророку мусульман, после чего Коркут принимает сан проповедника ислама. Логическим следствием этого является и продолжительность его жизни, определяемая почти всеми источниками в 295 лет²⁸. Согласно эпической традиции, дата рождения Коркута относится к VII в., то есть он был современником Мухаммеда. Его имя связывается с историческими именами, например, с Кёл-Эрки, упоминаемым Махмудом Кашгари и Ибн-Фадланом. Последний, как и Рашид-ад-дин, называет Коркута наибом (наместником) царя:

«...некогда остановился среди племени Кударкина (у Рашид-ад-дина — Кёл-Эрки), а он наместник царя тюрок»²⁹.

²⁶ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 58.

²⁷ См. там же.

²⁸ Любопытно, что Абд аль-Ваххаб, друг и наставник Сейда Баттала («Газават-и Сейд Баттал-гази») прожил по повелению Мухаммеда более 300 лет (VII—X вв.), чтобы оберегать и поучать молодого мусульманского богатыря Баттала (см.: В. В. Гарбузов. Сказание о Мелике Данышменде. М., 1959, стр. 85). Подобное долголетие как фольклорно-эпическая традиция отмечается и в эпосах других народов. См., например: «Жизнь и подвиги Антары» (араб. эпос). М., 1968, стр. 7—8 («Введение» И. М. Фильшинского).

²⁹ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». Перевод и комментарий под редакцией акад. И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939, стр. 63.

О том, что Кударкин (Кёл-Эрки) — наместник царя, Ибн-Фадлан пишет и в другом месте:

«Царя тюрок-гузов называют Ябгу или (вернее) это — название повелителя, и каждый, кто царствует над этим племенем, этим именем называется. А наместника называют Кударкин»³⁰.

Известно, что Ибн-Фадлан совершил свое путешествие на Волгу в начале X в. Если верить его путевым записям, то правитель Кударкин был современником эпического Коркута и жил в X в. В «Родословной туркмен» Абулгази нет прямого указания на даты жизни Коркута, но говорится о том, что Коркут жил в то время, когда «потомки Аббаса, младшего брата матери нашего пророка, царствовали в городе Багдаде»³¹. Это совпадает со временем принятия ислама тюрками (X—XIV вв.). В связи с тем, что Огузхан у Абулгази мусульманин, Коркута из «Родословной туркмен» также можно считать мусульманином.

Некоторая неопределенность в описании Коркута объясняется тем, что у древних огузов не было вполне четкого представления об этом образе. В дальнейшем, уже в период обоснования огузов на новой родине, образ Коркута претерпевает эволюцию и обретает более конкретные черты.

В западной части интересующего нас региона был создан целый ряд эпических и исторических памятников, повествующих о Коркуте — проповеднике ислама. Остановимся на некоторых из них подробнее.

Хасан ибн Махмуд Баяти из Табриза, автор книги «Джам-и Джем-аин», написанной в 1481 г.³², был учеником своего земляка Султана-Деде-Омара Роушана. Во время поездки в Мекку он встретился с турецким царевичем Джем-Султаном, заинтересовавшимся имевшейся у Хасана ибн-Махмуда Баяти рукописью «Огузнаме». Принц попросил его составить для него родословную Османов. В результате было создано новое «Огузнаме» под названием «Джам-и Джем-аин». К сожалению, дальнейшая судьба экземпляра «Огузнаме», легшего в основу родословной Османов, не известна. «Джам-и Джем-аин» отличается от других «Огузнаме» религиозной (мусульманской) направленностью и по содержанию напоминает турецкое сказание «Кыссе-и Баттал-газы». Согласно версии Хасана ибн Махмуда Баяти Табризи, 28-й огузский хан Карахан, вступив на престол, послал Коркут-деде в Медину к Мухаммеду. После встречи с пророком Коркут принял ислам и возвратился к огузам вместе с посланцем пророка Сальманом Фарси. Эту версию с «Огузнаме» связывают лишь два факта: время жизни Коркута и имя огузского хана Карахана, при котором, по свидетельству многих источников, огузы приняли ислам. Весьма вероятно, что автор, желая представить Коркута правоверным мусульманином, заимствует эпизод его встречи с пророком из различных источников, повествующих о других героях.

Подобно многим эпическим героям, Коркут в «Джам-и Джем-аин» имел сына по имени Оргеч-деде, которого не Карахан, а уже другой правитель, Ай-Кутулуг, послал к халифу Осману. Прибыв в Багдад, Оргеч-деде узнал об убийстве халифа и отправился в Мекку. При возвращении на родину Али возвел его в сан проповедника ислама³³.

Автор здесь дописал новую главу к легенде о Коркуте, введя в повествование образ еще одного борца за веру, проповедника шиизма, доба-

³⁰ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу», стр. 64.

³¹ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 56. Известно, что Аббасиды господствовали примерно 500 лет (VIII—XIII вв.).

³² جام جم آئين استامبول 1331 (1912) г.

³³ Там же, стр. 32—34.

вив к его имени тот же эпитет «деде». Возможно, это было сделано им под влиянием распространенных в то время легенд о том, как огузские правители отправили послов к Мухаммеду. Об одной из таких легенд сообщает Н. Я. Марр:

«Какой страх внушали курды чужим людям, можно судить и по следующей легенде. Когда появился Мухаммед, и князья мира спешили выразить ему покорность, Огуз-хан, владевший Туркестаном, отправил с тем же поручением к пророку курдского князя из Багдада, по имени Земин (очевидно, Эмен.—Х. К.). Увидев его, исполина с пронизывающим взглядом и темным цветом лица, Мухаммед в ужасе осведомился о его национальности. И узнав, что он курд, пророк просил бога не допустить столь страшного врага до единения, откуда предполагаются нескончаемые распри курдов»³⁴.

Аналогичную легенду приводит и турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Ее герой Эмен по происхождению тоже курд. Более подробно эта легенда излагается и другими авторами³⁵.

Образ Коркута в западных легендах весьма противоречив. В памятниках, отражающих ранний этап истории огузов, как и в среднеазиатских легендах, Коркут — шаман, однако при этом наделен также и чертами мусульманского святого. В сохранившейся в единственном экземпляре книге анонимного автора XV в. «Пословицы и поговорки» (*هذه الرساله من كلمات اوغوزنامه المشهور به اتالر سوزى*) Коркут предстает мудрецом: авторство большинства пословиц и поговорок приписывается ему:

«Я все это рассказал, не будучи свидетелем тех дней, все видел Деде-Коркут, поверьте мне, огузы»³⁶.

Интересен фрагмент этого памятника, где Деде-Коркут говорит о себе:

«От белого цветка возродился я, Деде-Коркут. От капли поганой спермы появился я, Деде-Коркут. Попал в утробу матери, выделился из поясицы отца я, Деде-Коркут. От голубоглазой дочери дива родился я, Деде-Коркут. Познал бога единым, пророка законным я, Деде-Коркут. Что случится с огузским народом — добро или зло, — первым предсказал я, Деде-Коркут. Сам совершил насилие над собой я, Деде-Коркут. Завершил все свои дела добром я, Деде-Коркут»³⁷.

В этом отрывке обращает на себя внимание миф о рождении Коркута от дочери злого духа — дива. Это единственный случай в западных источниках, связывающий имя Деде-Коркута с мифологией. На востоке у казахов бытовала следующая легенда:

«Когда родился Коркут-шаман, окружающие его и мать увидели не младенца, а какой-то бесформенный «мешок», по своим очертаниям не похожий на человека. Мать, сердцем чувствуя, что она родила человека, а не какое-то чудовище, взяла в руку безмолвный «мешок» и сдернула оболочку. Появился маленький человек, который уже издавал слабые звуки»³⁸.

Эпизод рождения в «мешке» полностью совпадает с легендой о появлении на свет циклопа Делегёза в «Китаби». Но этот миф о Коркуте мог возникнуть и как объяснение его могущества, его чудесного дара провидца: ведь Коркут заявляет, что он может предсказать судьбу огузов.

³⁴ Н. Марр. Еще о слове «Челеби». — ЭВР, т. 20, вып. II—III, стр. 26—27.

³⁵ См.: «Шараф-наме». Изд. В. В. Вельяминова-Зернова. СПб., т. I, 1860, стр. 16—17. т. II, 1862, стр. 9—10.

³⁶ Рукопись хранится в Берлинской государственной библиотеке. См. каталог Pertsch № 34, I, а также: О. S. Gökyay. Dede Korkut. Istanbul, 1938, стр. 29—33 (Введение).

³⁷ Там же.

³⁸ А. Журбанов. Струны столетий. Алма-Ата, 1958, стр. 230.

В эпическом памятнике западных огузов — «Китаби» Коркут сохраняет многие черты, характерные для шамана. Он — не отважный воин, а лишь озан, слагающий песни и сказания о подвигах беков огузского иля. А эти кочевые аристократы, в свою очередь, ценят его искусство, прославляющее их.

Уже первые строки «Китаби» говорят о Коркуте как о прорицателе. Однако таким он представлен лишь в начале введения. Здесь, очевидно, сказались влияние легенд, повествующих о нем как о бахши-шамане. Далее, в том же введении, Коркут предстает перед читателем уже мудрым старцем:

«Коркут-ата разрешал затруднения народа огузов. Какое бы дело ни случилось, не спросив совета у Коркут-ата, его не решали. Все, что он говорил, принимали, слушали его и исполняли»³⁹.

Там же приводятся афоризмы, приписываемые Коркуту. Они подразделяются на три нижеследующие группы.

Первую группу составляют народные пословицы и поговорки, удачно подобранные по содержанию: о судьбе и фатальной неизбежности предначертанного, о чванливых людях, неугодных богу, о хороших и о непутевых детях и т. п. В эту группу входят пословицы и поговорки, связанные с бытом древних огузов. Они, несомненно, представляют собой образцы устного поэтического творчества.

Вторая группа состоит из афористических изречений, не имеющих ничего общего с народным творчеством, и представляет собой наслоение более поздних времен. Заимствованная из мусульманской духовной литературы, она отражает идеологию огузов-мусульман. Коркут, а следовательно, и весь огузов иль, представлены здесь приверженцами шиизма. Об этом говорят те места текста, в которых прославляются Али и его сыновья — Хусейн и Хасан.

Наконец, третью группу составляют афоризмы, характеризующие женщин-хозяек с точки зрения феодальной знати⁴⁰.

В начале первого сказания «Китаби» Коркут предстает всеми почитаемым старцем в духе древних представлений огузов:

«Пусть придет мой дед Коркут, пусть даст имя этому юноше. Пусть он возьмет его с собой и пойдет к его отцу, пусть выпросит у его отца бекство, пусть (отец) даст (ему) престол и эль»⁴¹.

Для исполнения таких обязанностей нужно было иметь особые полномочия, предоставлявшиеся в условиях военно-кочевых строя признанным народным мудрецам, наделенным правами верховного священнослужителя. Коркут из первого сказания, судя по всему, относился к числу именно таких избранных лиц. Причем в этом сказании нет даже намека на мусульманское вероисповедание огузов. Аналогичная ситуация описана и в третьем сказании. Когда юноша Бамсы Бейрек совершил свой первый подвиг и получил право на инициацию, пригласили Коркута, который почти в тех же выражениях, что и в первом сказании, потребовал от

³⁹ ДКК, т. I, стр. 73 (D 2, 2). Перевод В. В. Бартольда; конец фразы переведен нами иначе. В тексте: «*هر نه بيورسه قبول ايدر اردي سوزين طوتب تمام ايدر لردي*»

В этой фразе «*بيورمق*» — вежливая формула, заменяющая глагол «говорит», когда речь идет об уважаемых лицах. Очевидно, калька аналогичной формулы персидско-таджикского языка: *فرمودن* 'говорить', букв. 'приказывать'.

⁴⁰ ДКК, т. I, стр. 75 (D 6, V 4).

⁴¹ ДКК, т. I, стр. 82 (D 17, V 9). Последняя фраза переведена А. Н. Кононовым со ссылкой на D-текст, где сказано *تخت ال ورسون*. Эргин ее транскрибировал: *alı versün*. Это неправильно. В V-тексте эта фраза отсутствует.

Бай-Бюребека, отца юноши, выделить сыну удел и наделить его всеми атрибутами бекства. В этом же сказании Коркуту поручается провести сватовство. Эта нелегкая миссия была связана со множеством сложностей и препятствий, для преодоления которых, помимо мудрости, нужно было обладать также и незаурядной хитростью.

«Беки всех огузов сказали: «Кто бы мог пойти сватать эту девицу? (Наконец) они решили: «Пусть пойдет Деде-Коркут». Коркут говорит: «Друзья, так как вы меня посылаете и знаете, что Делю Корчар убивает каждого, кто сватает его сестру, то по крайней мере приведите мне двух быстрых, как соколы, коней из конюшни Байындырхана»⁴².

Коркут в этом эпизоде проявляет разумную осторожность и предусмотрительность: он требует двух быстрых коней из конюшни Байындырхана, чтобы спастись бегством, если обстоятельства сложатся для него неблагоприятно. И, как мы видим из дальнейшего, осторожность его была не напрасной. Брат девушки чуть не убил Коркута. Спасло его произнесенное им изречение из Корана в тот самый момент, когда над ним уже был занесен меч. Здесь колдовская сила шамана сочетается с магическим действием текста из «священной» книги мусульман.

В финале Коркут, выступая уже как озан, развлекает народ пением и музыкой, слагает «Огузнаме»:

«Пришел мой дед Коркут, заиграл веселое, сложил песнь, запел песнь, рассказал о том, что случилось с борцами за веру. Это «Огузнаме» пусть будет о Бейреке, сказал он»⁴³.

Коркут является активно действующим лицом и восьмого сказания. Сын Аруз-коджи, взращенный львицей, не желает жить среди людей. Каждый раз, как его приводят домой, он убегает обратно, в львиное логово. Наконец, посылают за ним Деде-Коркута, которому не только удастся уговорить юношу вернуться к людям, но и наречь его именем Басат. Затем Деде-Коркута посылают умиловить разбушевавшегося Депенгёза. Сказание завершается опять-таки песнями Коркута, слагающего «Огузнаме» в честь Басата.

В девятом сказании Деде-Коркут выступает как озан на пиршестве у Байындырхана по случаю получения дани от Грузии. Затем он же снаряжает Эмрана, сына Бегиля, отправляя его охранять земли огузов.

« Дед мой Коркут привязал меч отваги к поясу (Эмрана), перекинул через его плечо дубину (چوماق), надел на локоть лук, велел привести орлиного жеребца, и он сел на него»⁴⁴.

Деде-Коркут успокаивает Байындырхана, разгневанного отказом беков охранять рубежи. Коркут предлагает отдать треть дани, полученной от Грузии, тому, кто согласится нести охранную службу на границах огузских земель.

Образ Коркута в предыдущих сказаниях оправдан архаическими сюжетами, восходящими к далекому прошлому. В последнем сказании, созданном в период жизни огузов на их новой родине, роль Коркута исторически труднообъяснима. Весьма вероятно, что это результат позднейших наслоений.

Мы рассмотрели все сказания, в которых Деде-Коркут выступает активно действующим лицом. Примечательно, что во всех случаях он—муд-

⁴² ДКК, т. I, стр. 125 (D 82, V 28).

⁴³ ДКК, т. I, стр. 153 (D 122—123, V 52).

⁴⁴ ДКК, т. I, стр. 216 (D 236).

рый советник, к голосу которого прислушиваются, с чьим мнением все считаются. В самых затруднительных положениях вспоминают о Коркуте, ему поручаются самые сложные и опасные миссии. Постоянной же обязанностью Коркута из «Китаби» является игра на кобзе, прославление героев, выступление с песнями на народных торжествах. В роли озана он появляется во всех двенадцати сказаниях «Китаби».

Таким образом, в «Китаби» отражен окончательный этап эволюции образа Коркута. Есть основание думать, что этот последний этап трансформации образа Коркута связан с Азербайджаном. Остановимся на этом подробнее.

В 1638 г. немец Адам Олеарий увидел и описал могилу Коркута в Дербенте⁴⁵. Почти одновременно с ним турецкий путешественник Эвлия Челеби, описывая достопримечательности Дербента, отмечает: «Гробница Деде-Хорхута, большого султана, ширванцы веруют в этого султана»⁴⁶.

Насколько нам известно, эпитет «султан» здесь впервые прилагается к имени Коркута—Хорхута историками или составителями «Огузнаме». Этот эпитет встречается и в «Китаби», правда, всего один раз:

«О Деде-Султан, пусть бог накажет и жирных, и тощих этих»⁴⁷.

Возможно, в эпитете «султан» сочетается представление о светской и религиозной власти, приписываемой Коркуту некоторыми источниками. В Азербайджане «султан» — князь, вождь племени (Кероглы, например, называют «Кероглы-султан»); в Средней Азии «султан» — эпитет, соединяемый к имени святого.

Очевидно, принятый в Средней Азии эпитет «султан» был перенесен в Азербайджан туркскими переселенцами, в том числе и огузами, что привело к семантической контаминации этих двух понятий. Весьма вероятно, что во время путешествия по Азербайджану Эвлия Челеби узнал о почитании имени Коркута ширванцами и счел нужным употребить эпитет «султан», который, как видно, не привился в новой среде. Привлекают внимание еще два обстоятельства: Эвлия Челеби, следуя, очевидно, произношению местных жителей, называет Коркута Хорхут (*خورخوط*), то есть так, как называли его киргизы и казахи; странно, однако, что путешественник не знал ни об огромном количестве легенд о Коркуте—Хорхуте, судя по письменным источникам, широко распространенных в те времена, ни даже о самом памятнике «Китаби». Можно предположить, что это объясняется непопулярностью образа Коркута в Турции. Так, например, в книге «*Vilâyet-nâme*» (или «*Manâkib-i Hünkâr Nası Bektaş-ı Veli*»), переписанной в 1624 г. с какой-то более ранней рукописи, о Коркуте говорится:

«Когда умер падишах огузов Байындырхан, Казан стал беклербеки над огузами, затем его место занял Коркут-ата»⁴⁸.

Все это происходило до переселения огузов на запад и даже до возникновения династии Сельджукидов, что соответствует датам жизни Коркута и Казана, указанным во всех источниках (X в.). Как и Эвлия Челеби, автору «*Vilâyet-nâme*», по-видимому, не было ничего известно ни о Коркуте, мусульманском проповеднике «деде», ни о существовании «Китаби».

⁴⁵ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Пер. А. М. Ловягина. СПб., 1906, стр. 484—490.

⁴⁶ اوليا چلبى جلد ۲ ص ۳۱۲

⁴⁷ ДКК, т. I, стр. 129 (D 88, V 32).

⁴⁸ *Vilâyet-nâme*. Hazırlayan Abdülbâki Gülpınarlı. İstanbul, 1958, стр. 73.

Это сближает памятник с источниками, в которых Коркут изображен только полководцем. Говоря о туркменах Малой Азии, с которыми ему приходилось встречаться во время путешествия, Эвлия Челеби называет имена вождей племен и в том числе имя Коркута — видного полководца⁴⁹. Даже в XV в. турецкий принц Джем-Султан, упоминавшийся выше, узнал о Коркуте только со слов собеседника из Тебриза. Любопытно, что еще в начале XIV в. египетский историк Абу Бакр ибн Абдуллах ибн Айбек ад-Давадари из сельджуков, приводя сказание о Депегёзе, имеющее много общего с восьмым сказанием «Китаби», не упоминает имени Коркута⁵⁰. По-видимому, образ огузского старца среди сельджуков Египта не был популярен. Начиная с XV в., некоторые турецкие историки пишут о Коркуте или упоминают его имя наряду с именами огузских беков «Китаби». Так, Языджыоглу (начало XV в.) в своем «Огузнаме», хранящемся в фондах музея Топкапу Сараи под № 1390, наряду с Байындырханом и его визирем Казаном называет также и имя Коркута, то есть приписывает последнему, еще до анонимного автора «*Vilâyet-nâme*», сан полководца. Байбуртлы Осман в своей книге «Новая история зеркала мира» (*تواریخ جدید مرآت جهان*)⁵¹, посвященной Мураду III (1574—1595), ссылаясь на анонимного автора другого сочинения — «Генеалогия» (*بحر الانساب*), называет Коркута «шейхом» (мусульманским проповедником) дербентских огузов, жившим якобы во времена Мухаммеда, иначе говоря, подтверждает легенду о принятии огузами ислама при самом Мухаммеде.

Другой турецкий историк, Языджыоглу Али, в своей книге «История Сельджукидов» (*تاریخ آل سلجوق*), написанной в первой половине XV в. и посвященной Мураду II, приводит «пророчество» Коркута, дословно совпадающее с «пророчеством» из введения «Китаби»⁵². Упоминание об этом имеется и у более поздних историков: Рухи Эдирнели (начало XVI в.)⁵³ и Мунаджимбаши (1672)⁵⁴. Примечательно, что и эти авторы упоминают о Коркуте в связи с огузами Азербайджана (точнее, Ширвана-Дербента).

Образ Коркута-мудреца встречается у азербайджанского поэта Кул-ата в его поэме «Лейли и Меджнун».

«Хорошо сказал Корхут: «Терпение приятно,
Гнев проглотить, как сахарный тростник, — приятно».
Вечно связаны мы с сыновьями дьявола,
Оттого и наши дела вечно незавершенные.
Следует прислушиваться к словам праведных,
Выполнять то, что сказано старцами.
Сказал Деде-Корхут, что если у врага
Умрет кто-то, не обрадует никого,
Так как всем это суждено,
Все должны испытать эту чашу»⁵⁵.

⁴⁹ ۳۱۲ اولیا چلبی جلد ۲ ص ۳۱۲ В сообщениях об Ахлате (ч. IV) Эвлия Челеби упоминает могилу Коркуд-хана, который «был одним из тех, кто жил в Ахлате среди предков Османов». Этот Коркуд-хан не имеет ничего общего со старцем огузов. Он — историческая личность, царевич, сын Султана Баязида II, убит в 1512 году в Египте. (См.: В. В. Бартольд. «Книга моего деда Коркута», стр. 119).

⁵⁰ O. S. Gökyay. Dede Korkut. İstanbul, 1938, стр. 41—42 (Введение).

⁵¹ Там же, стр. 33—34 (Введение).

⁵² ДКК, т. I, стр. 38 (Введение).

⁵³ Там же, стр. 42 (Введение); Mardtman. Rûhi Edrenevi, MOG, 1923—1925, II, стр. 132.

⁵⁴ Münecsimbaşı Ahmed-Dede Efendi. Sahâif ül-Ahbar. Перевод на тур. яз. с арабского. İstanbul, 1285 (1868), III, стр. 267.

⁵⁵ ДКК, т. I, стр. 45 (Введение). О поэте нет никаких сведений. Не упоминается он как автор поэмы и в труде Агахи Сырры Левенда: «Arap, Fars ve Türk edebiyatlarında Leyla ve Mecnun hikâyesi». Ankara, 1959.

Мрачные мысли, приписываемые Коркуту поэтом, перекликаются с изречениями мудрого старца, приведенными в финале многих сказаний «Китаби». Вероятно, автору «Лейли и Меджнун» был знаком не Коркут-воин или проповедник ислама, а Коркут из легенд, распространявшихся в Азербайджане вплоть до XVII в., когда Эвлия Челеби совершил свое путешествие в Ширван. Любопытна близость транскрипций имени Коркута у Кул-ата и Эвлия Челеби (Деде-Корхут — Деде-Хорхуд). На западе такая транскрипция имени огузского старца зафиксирована только в этих двух источниках. Видимо, в поэму Кул-ата образ Коркута проник не из литературы, где он всюду именуется Коркут (Коркуд), а из фольклора жителей Ширвана, где, как уже отмечалось нами, имя Деде-Хорхуда пользовалось большой популярностью.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что свое завершение эпический образ Коркута получил у огузов, живших на территории Азербайджана. Здесь же окончательную фиксацию получили и тексты последних редакций всех огузнаме «Китаби».

* *
*
*
*

Каковы же выводы?

Образ Коркута в памятниках, имеющих восточное происхождение, не утратил связи с ранними религиозными представлениями огузов, хотя многие авторы (Рашид-ад-дин, Абулгази и др.) и пытались изобразить его мусульманином (например, у Ибн-аль-Асира его полное имя Коркут ибн Абд-аль-Хамид). Коркут восточных памятников — скорее язычник-шаман, нежели правоверный мусульманин, что нашло свое отражение и в «Китаби».

В некоторых восточных источниках и только в одном западном (у Константина Багрянородного) Коркут именуется одним из вождей-полководцев (эмиров) огузов. Однако эта версия не нашла отражения в «Китаби».

Восточные источники, согласно эпической традиции, приписывают Коркуту 295 лет жизни и считают его современником Мухаммеда (VII в.). В «Китаби» нет прямого указания на даты жизни Коркута. Однако все сказания (кроме IX), в которых образ Коркута занимает заметное место, повествуют о событиях, происшедших не позднее X в., то есть до принятия огузскими племенами ислама. Весьма вероятно, что смутным представлением новообращенных огузов о мусульманстве и объясняется непоследовательность в изображении образа Коркута-мусульманина в «Китаби».

В западных же источниках Коркут выступает как правоверный мусульманин, проповедник ислама и даже святой. И это закономерно, ибо огузы переселились на запад после того, как ислам у них пустил уже достаточно глубокие корни. Например, огузы в составе Сельджукидов активно участвовали в насаждении ислама среди христианского населения, захваченных ими земель. Причем у огузов было немало фанатичных газиев: зренов, о которых слагает и исполняет песни сам Деде-Коркут в финале каждого из сказаний «Китаби»:

«Пришел мой дед Коркут, заиграл веселое, запел о том, что выпало на долю газиев и зренов»⁵⁶.

Однако и западными источниками не забыты ранние верования огузов, шаманство, которое в условиях кочевого скотоводства довольно лег-

⁵⁶ ДКК, т. I, стр. 215 (D 234).

ко уживалось с новой верой. Это достаточно ярко проявляется и в «Китаби».

Во всех сказаниях о Коркуте четко прослеживается трансформация Коркута — шамана и озана — в государственного деятеля, советника при правителях, мудрого наставника всего огузского иля. Эту эволюцию претерпевает образ бахши-озана в период монгольского владычества (а может быть, и раньше — при сельджуках). Однако образ Коркута-бахши не исчезает бесследно и не вытесняется полностью Коркутом — советником правителей или вождем-полководцем. Оба представления сосуществовали параллельно. В «Китаби» они слились в сложный, уже знакомый нам образ.

Это могло произойти только в результате той огромной популярности, которой на протяжении веков пользовался эпический образ Коркута. Следовательно, нет оснований искать его реальный исторический прототип.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. ГАНИЕВ

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Сложные слова занимают значительное место в лексике тюркских языков. Поэтому любой тюркский словарь, если он составлен на подлинно научной основе и претендует на правильное отражение лексической системы соответствующего языка, не может не учитывать этой категории слов.

В глагольной системе тюркских языков имеется в основном два вида сложных глаголов:

1. Сложные глаголы, образованные от имен и некоторых других частей речи при помощи собственно-вспомогательных глаголов, например: *täbrik' itärgä* 'поздравить, поздравлять', *juq itärgä* 'уничтожать, уничтожить'.

Эти глаголы, называемые собственно-сложными, не вызывают особых споров. В тюркских языках насчитывается свыше тысячи активных собственно-сложных глаголов. Во многих переводных и толковых словарях тюркских языков эти глаголы представлены в качестве отдельных лексических единиц.

2. Сложные глаголы, образованные от деепричастных форм при помощи некоторых модифицирующих, или так называемых функционально-вспомогательных глаголов, например: *kauşar töşärgä* 'растеряться', *ıkuq şuğağa* 'прочитать, прочитывать'.

Сложные глаголы второго типа называются составными. Число их в любом тюркском языке достигает 40—60 тысяч. В словарях как двуязычных, так и толковых эти глаголы не фиксируются.

Составные глаголы в одних языках отсутствуют вообще (например, в русском), а в других — очень распространены (например, в японском и хинди).

А. П. Баранников пишет, что «этот тип сложных глаголов представляет оригинальное явление хиндустани, широко распространенное в языке. Сложные глаголы этого типа составляют не менее половины всех глаголов, являющихся в любом тексте, в любом проявлении речи. Сущность образования этого типа сложных глаголов состоит в следующем: основа любого глагола соединяется с формами одного из немногих глаголов, употребляющихся в качестве вторых элементов сложных глаголов, которые называются образующими глаголами. Значение произведенного таким путем сложного глагола равно значению первого глагола... определенным образом модифицированному и уточненному значением второго, „образующего“ глагола»¹.

¹ А. П. Баранников. Хиндустани (грамматика). Л., 1934, стр. 106.

А. А. Пашковский отмечает, что в японском языке «сложение основ... широко используется при образовании глаголов. Об этом сообщают прежде всего словари, где рядом с простым глаголом имеются многочисленные сложные образования:

какидасу — начать писать,
какиреру — выписывать,
какисоэру — приписать,
какиуциусу — переписать, снять копию,
какиноосу — переписать, написать снова,
какинуку — выписать,
какиотосу — пропустить при письме,
какитигаэру — неправильно написать и др.»².

В тюркологии вопрос статуса составных глаголов до настоящего времени окончательно не решен³. Составные глаголы многими тюркологами рассматриваются не в плане лексических образований, а только как средство выражения категории вида и других грамматических значений. Этим, по-видимому, объясняется то положение, что до сих пор в тюркские словари составные глаголы не включаются как лексические единицы языка.

Иногда за составные (сложные) глаголы выдаются любые сочетания двух глаголов, в частности свободные глагольные сочетания. Это обстоятельство, в свою очередь, вызвано отсутствием единого формального признака у составных глаголов, по которому можно было бы отличить их от смежных языковых величин (от сложных форм глаголов и от внешне сходных свободных глагольных сочетаний).

Несмотря на четкие и правильные указания таких грамматистов, как М. Иванов и А. Казем-Бек, о сложных глаголах, некоторые исследователи продолжают утверждать, что вспомогательные глаголы в составных глаголах не имеют своих лексико-семантических значений и употребляются только для выражения вида. Если стать на эту точку зрения, то придется признать, что составные глаголы не могут считаться сложными словами, ибо, как известно, к сложным словам нельзя отнести комбинации знаменательных слов с незнаменательными, так как один из компонентов в таких сочетаниях не имел бы лексико-семантического значения, что противоречит принципу «сложности» слова. Если бы вспомогательные глаголы не имели лексического значения и употреблялись только для выражения грамматического значения, то составные глаголы представляли бы собой только сложную форму глагола, отличающуюся от основного слова какой-либо грамматической функцией. Однако в действительности это не наблюдается⁴.

Многие исследователи, в основном правильно понимая под термином «составные глаголы» соединение двух глагольных форм в одно целое, не раскрывают сущности составного глагола, его значения и роли, не устанавливают его границ и отличия от других, внешне сходных языковых величин.

² А. А. Пашковский. Классификация японских сложных слов. — «Японский лингвистический сборник». М., 1959, стр. 36.

³ Об истории разработки теории сложных глаголов см.: А. К. Алекперов. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. Канд. дисс. М., 1959, стр. 1—65.

⁴ См.: Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов современного татарского языка. Казань, 1963.

Лишь немногими лингвистами⁵ выдвигается вопрос о сущности составных глаголов, об их границах, их отличии от свободных глагольных сочетаний и других форм глаголов.

Необходимо отличать составные глаголы от сложных форм глаголов (временных, модальных), ибо сложные временные формы в тюркских языках нельзя относить к новым словам.

Так, например, временные формы типа *bara ide*, *barıyan ide*, хотя и являются сложными, но поскольку второй элемент не привносит в эту форму никакого нового лексического значения, а имеет лишь чисто грамматическое значение, указанные формы нельзя относить к сложным словам.

Модальные формы глаголов в тюркских языках также, по нашему мнению, не являются составными (сложными) глаголами. Ибо в формах типа *jaza alygıya* 'мочь писать', *eşli belegä* 'мочь желать' второй элемент (модальный глагол) несет только грамматическую функцию — функцию модальности.

Следует заметить, что эти сложные модальные формы напоминают немецкие модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, которые также не относятся к сложным глаголам. Как мы видим, ни временные, ни модальные формы, состоящие из двух компонентов, не являются в тюркских языках сложными словами. Как правильно замечает А. К. Алекперов, «сложная форма глагола еще не есть сложный глагол»⁶.

Образование форм слов посредством сложения слов наблюдается и в русском языке: *самый хороший, буду писать*. Однако эти формы нельзя отнести к сложным словам, поскольку один из компонентов не имеет реального значения, выполняет только грамматическую функцию.

Принципу «сложности», по терминологии академика А. П. Баранникова, то есть более тесной формальной и семантической близости сочетающихся элементов, образующих новое лексическое значение, отвечают в тюркских языках **составные глаголы, выражающие характер протекания действия**. Данный вид сложных глаголов тюркских языков характеризуется следующими особенностями:

во-первых, эти глаголы выражают одно новое значение и в связи с этим в предложении выполняют единую для них синтаксическую роль в качестве одного из членов предложения;

во-вторых, компоненты данных глаголов не могут выступать раздельно, как это наблюдается в свободных глагольных сочетаниях;

в-третьих, в них невозможно обнаружить синтаксических взаимоотношений между компонентами, как это имеет место в свободных глагольных сочетаниях.

Составные глаголы, как показывает языковой материал, являются одним из видов сложных слов в тюркских языках. Для языкознания они представляют интерес с двух точек зрения: 1) как объект грамматического исследования (один из способов глаголообразования) и 2) как объект лексикографии и лексикологии.

Составные глаголы, как мы уже отмечали, имеются в языках хинди, урду и японском. В словарях указанных языков составные глаголы (типа

⁵ См.: Г. Алпаров. Сайланма хезмэтләр. Казан, 1945; Х. Байлиев. Сложные глаголы в туркменском языке. — В сб.: «Проблемы туркменской филологии», т. I. Ашхабад, 1944; А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960; М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963; А. К. Алекперов. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1959; А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965 и др.

⁶ А. К. Алекперов. Указ. автореф.

тюркского сложного глагола *икур ёуагуга* 'прочитать, прочитывать') даются отдельной статьей, как полноправные лексические единицы.

На наш взгляд, такая лексикографическая практика правильно отражает природу структуры указанных языков и отвечает требованиям науки о языке. Это должно учитываться и в тюркских языках, в которых имеются такие же типы лексических единиц, что и в указанных языках.

В выпущенных или подготавливаемых словарях (двуязычных и толковых) узбекского, азербайджанского, казахского, киргизского, татарского и других тюркских языков данный вид сложных глаголов отсутствует, что, с нашей точки зрения, является большим недостатком лексикографической работы. Исключение в этом отношении составляет лишь «Толковый словарь современного татарского языка», подготавливаемый Н. Исанбетом, который помещает в словаре сложные глаголы типа *икур ёуагуга* 'прочитать, прочитывать' в качестве полноправных лексических единиц языка.

Уместно отметить, что модифицирующие (вспомогательные) глаголы, участвующие в образовании составных глаголов, по своему значению и функции напоминают русские приставки с реальным значением (например, приставки *вы, до, про* и т. д.). Тюркские модифицирующие глаголы, подобно русским приставкам, сохраняющим реальное значение, являются одним из продуктивных средств образования новых глаголов.

В связи с этим, по-нашему мнению, при включении составных глаголов в словарь необходимо учитывать имеющееся в словаре Д. Н. Ушакова примечание о приставочных образованиях. Так, например, в примечании к статье [вы] говорится: «Так как в современном русском языке глаголы с указанными значениями приставки «вы» очень легко образуются и вполне понятны, то в словаре далее приводятся только наиболее употребительные из таких глаголов»⁷.

Это замечание Д. Н. Ушакова должно быть принято во внимание и тюркскими лексикографами при включении в словарь составных глаголов, которые образуются так же легко, как и русские приставочные глаголы. Поэтому в словарь должны быть включены наиболее употребительные составные глаголы, возможно, только документированные. Однако необходимо иметь в виду также и то, что большинство приставочных глаголов всегда включается в словари русского языка. Так, например, глаголы, образованные только при помощи приставки *но*, в словаре Д. Н. Ушакова занимают четвертую часть тома.

Насколько нам известно, ни в одном из современных тюркских словарей количество слов не превышает 50 тысяч. Из этого обстоятельства непосвященный человек может сделать вывод о бедности словарного состава тюркских языков. Дело, конечно, не в бедности лексической системы тюркских языков, а в теоретической неразработанности проблем лексикологии тюркских языков, вследствие чего в тюркские словари не включаются все структурные типы слов и, в частности, сложные глаголы. Включение этих слов, например сложных глаголов, расширило бы объем словарей каждого из тюркских литературных языков до 100—150 тысяч слов.

⁷ Толковый словарь русского языка, под ред. проф. Д. Н. Ушакова, т. I. М., 1935, стр. 428.

А. И. РАБИНОВИЧ

К ВОПРОСУ О ФОНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАЗАХСКИХ СОГЛАСНЫХ /к, к₁, г, ғ, х/

В обширной литературе по казахской фонетике утверждается, что в фонологической системе казахского языка на правах самостоятельных фонем функционируют согласные /к, к₁, г, ғ, х/¹. Однако, на наш взгляд, наступило время разобраться в истинной фонематичности этих звуковых элементов.

Рассмотрим сначала согласные [к — к₁], [г — ғ]. То, что указанные пары являются разными звуками, четко отличающимися и артикуляторно, и акустически, ни у кого не вызывает сомнения: [к] — среднеязычный палатализованный смычный, [к₁] — увулярный веляризованный смычный, [г] — среднеязычный палатализованный смычный, [ғ] — увулярный веляризованный спирант. Однако с фонологической точки зрения нецелесообразно рассматривать эти пары звуков в качестве отдельных фонем по следующим соображениям.

При анализе фонетических синтагм, в которых встречаются звуки [к — к₁], [г — ғ], обнаруживается, что [к — к₁], [г — ғ] находятся в отношении дополнительной дистрибуции, то есть функционируют только во взаимоисключающих фонетических контекстах. В окружении переднеязычных гласных употребляются только палатализованные [к, г], например: *келген, кір, егін*, а в окружении гласных заднего ряда выступают только веляризованные [к₁, ғ], например: *қалған, қор, оған*. В казахском языке нельзя найти ни одной минимальной лексической пары, в которой согласные [к — к₁], [г — ғ] встречались бы в одинаковом окружении².

В связи с тем, что звуковые единицы фонетической системы, не находящиеся в контрастной дистрибуции, не могут противопоставляться непосредственно друг другу, то их нельзя считать самостоятельными фонологическими единицами — фонемами. Если же звуки могут встречаться в одном и том же окружении, различая значения слов, их можно рассматривать как представителей разных фонем. Например, существование фонем /п/ и /б/ устанавливается в связи с наличием минимальных пар типа *пір — бір*.

¹ См.: Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 53; Д. Гурсунов, Б. Хасанов, А. Ислямов, К. Бейсенбаева, К. Ищанов. Сопоставительная грамматика русского и казахского языков. Алма-Ата, 1967, стр. 34; К. Мусаев. Казахский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки». М., 1969, стр. 87 и др.

² Нами преднамеренно не учитываются лексические единицы, заимствованные из русского языка, произношение которых рекомендуется осуществлять по правилам русской орфоэпии.

Таким образом, вполне очевидно, что звуки [к — қ], [г — ғ] являются не отдельными фонемами, а аллофонами или вариантами одной фонемы. Объединив четыре аллофона [к — қ], [г — ғ] в две фонемы /к/ и /г/, мы сокращаем фонологическую систему казахского языка на два элемента и делаем ее более гибкой с точки зрения потребностей орфографии.

Как известно, современная казахская орфография основывается на фонологическом принципе. Однако требования фонологичности письма выдерживаются непоследовательно. Например, фонема /л/ с ее аллофонами (палатализованным [л'] и веляризованным [л]) реализуется в графике с помощью одного знака л, который и отображает два различных варианта указанной фонемы. Читающий самостоятельно дифференцирует аллофоны [л] и [л'] в зависимости от их окружения — гласных заднего или переднего ряда (например: *тол* — *тіл*).

Для графического же изображения фонем /к/ и /г/ в казахском алфавите имеется по два знака: к и қ, г и ғ, что кажется недостаточно оправданным с точки зрения как фонологии, так и экономии полиграфических средств.

В этой связи следует отметить положительный опыт алфавитов некоторых тюркских языков народов СССР (алтайского, гагаузского, киргизского, ногайского, татарского, туркменского, тувинского), в которых графемами к и г обозначаются фонемы /к/ и /г/ с аллофонами [к — қ] и [г — ғ] соответственно. Впрочем некоторые тюркологи, отставая фонетический, а не фонологический принцип письма, считают указанную особенность «орфографическими недостатками» и «несовершенством алфавита»³.

Аналогичная ситуация имеет место в немецком языке, в котором два дорсальных спиранта [x] и [ç], находясь в отношении дополнительной дистрибуции, являются аллофонами одной и той же фонемы⁴. Оба аллофона манифестируются на письме одним диграфом *ch*: *Nacht* [naxt] — *nicht* [niçt].

Значительный интерес представляет также согласный [x], фонетическое и фонологическое толкование которого в казахской фонетике отличается пестротой и непоследовательностью. Установлен факт, что спирант [x] не является исконым элементом казахской фонологической системы. Он функционирует в составе некоторых лексических заимствований из арабского, иранского, татарского и русского языков⁵ (например: *хат*, *халық*, *тарих*, *совхоз* и т. д.). В речи носителей казахского языка отмечена тенденция к последовательной субституции звука [x] увулярным смычным [қ]: *халық* > [қалық], *колхоз* > [қалқос], *Ахмет* > [ақмет], *маслихат* > [маслиқат]⁶.

³ См.: Н. А. Баскаков, А. А. Коклянова, К. М. Мусаев, А. А. Юлдашев. О развитии тюркских литературных языков. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки». М., 1969. стр. 29.

⁴ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 40; G. Dietrich. [ç] und [x] im Deutschen — ein Phonem oder zwei? — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 1953, 7. Jg., стр. 28—37; G. Heike. Das phonologische System des Deutschen als binäres Distinktionssystem. — «Phonetica», Basel — New York, Vol. 6, 1961, № 3/4, стр. 169; А. С. Либерман. Фонологические проблемы немецких спирантов. — «Иностранные языки в школе», 1970, № 1, стр. 75.

⁵ См.: Ә. Құрышжанов. Қазақ тіліндегі «х» дыбысының қолданылу тарихынан. — «Қазақ тілі тарихы мен диалектология мәселелері», 3 шығуы. Алматы, 1960, стр. 114—124; Современный казахский язык, стр. 57; К. Мусаев. Указ. раб., стр. 89.

⁶ Примеры взяты из: Ә. Құрышжанов. Указ. раб., стр. 118; Современный казахский язык, стр. 57.

Фонетическая неустойчивость этого спиранта проявляется также в непоследовательности написания других лексем, также заимствованных из восточных языков, в составе которых выступает уже не х, а қ: уйг. *хата* > каз. *қате*, монг. *хулан* > каз. *құлан*, араб. *хайрат* > каз. *қайрат*, иран. *харман* > каз. *қырман*.

Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что спирант [х] не является самостоятельной фонемой. Анализ взаимоотношений спиранта [х] и смычного [қ] показывает, что оба согласных являются аллофонами одной фонемы. Однако эти отношения иные, чем между смычными [к] и [қ], которые соотносятся как аллофоны, обусловленные дополнительной дистрибуцией.

В связи с тем, что реализация звуков [х] или [қ] зависит от индивидуального произношения говорящего и не влияет на смыслоразличительную функцию этих согласных, то взаимосвязь между указанными фонетическими элементами может быть определена как отношение свободного варьирования. Именно на основе свободного варьирования коммуникация между говорящим и слушающим не нарушается, если в одном случае произносится [халық], а в другом — [қалық].

Аналогичный пример свободного варьирования двух аллофонов можно привести из французского или немецкого языков, где относительно равноправно функционируют два варианта сонорной фонемы /r/ — апикальный дрожащий /r/ и увулярный вибрент /R/, выбор которых говорящим определяется различными (в том числе и экстралингвистическими) факторами⁷.

Использование двух различных графем для одной фонемы, на наш взгляд, нецелесообразно и отрицательно сказывается на обучении казахской орфографии учащихся средней школы. Учащийся при усвоении правил сталкивается с неоправданными препятствиями: слыша совершенно одинаково произносимый учителем звук [қ] в словах *хат* и *қате*, он должен запомнить, что в первом случае необходимо писать х, а во втором — қ. Это несколько напоминает ситуацию в русской гимназии, где учащихся заставляли различать правописание букв *е* и *ять*, которые передавали один и тот же звук в разных словах.

Чтобы избежать таких курьезов в казахской орфографии, мы предлагаем исключить спирант [х] из фонологической системы казахского языка, так как указанный согласный является свободно-вариативным аллофоном увулярного смычного [қ], который в свою очередь находится в дополнительной дистрибуции по отношению к среднеязычному [к]. С ликвидацией фонемы /х/ исчезнет и соответствующая буква х, функционирующая в составе лексических заимствований из восточных языков, прочно вошедших в основной словарный состав казахского языка. Однако эту букву необходимо оставить в русских словах наряду с другими буквами (ф, в, ц, ч, ш), сигнализирующими о том, что данное слово заимствовано из современного русского языка и должно произноситься по его орфоэпическим нормам.

⁷ См.: Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. М., 1963, стр. 74; Д. В. Броніцький. Вимова фонем /R/ у сучасній німецькій мові. — «Іноземна філологія». Львів, 1966, вып. 8, стр. 51; Н. Ulbrich. Zur Aussprache des «r» im Deutschen. — «Sprachpflege», 1966, № 9, стр. 190.

Д. М. МУРАТАЛИЕВА

О ПОДАЧЕ И РАСКРЫТИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

(НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО)

В настоящее время во всех тюркоязычных республиках лексикографы заняты составлением толковых словарей родных языков. Однако успеху этой работы во многом препятствует целый ряд нерешенных лексикографических вопросов.

Одной из наиболее сложных, спорных проблем, возникающих при составлении толковых словарей, является организация словарных статей, раскрытие значений многозначных слов и фразеологических единиц и т. д. Порядок подачи различных значений в словарной статье должен соответствовать процессу развития значения данного слова. Однако этот процесс недостаточно изучен.

Расчленение значения слов в словарной статье происходит следующим образом: 1) первоначальное, номинативное значение, расчленяется на многозначные ветви, которые не выходят за рамки основного значения (имеется в виду полисемия только с прямым значением); 2) далее многозначность, развиваясь и разветвляясь, образует переносное значение (полисемию с переносным значением); 3) это же отвлеченное значение, развиваясь и абстрагируясь, образует омонимы (многозначные омонимы). Практика же показывает, что лексикографы, к сожалению, не всегда придерживаются этого общего правила, и каждый составитель описывает значение слов по своему усмотрению. Поэтому одно и то же слово может быть представлено в разных словарях с разным числом значений, приводимых в различной последовательности.

Например, баӊ 'голова' в однотомном толковом словаре киргизского языка¹ имеет 9 значений, в словаре К. К. Юдахина² — 11, в туркменском толковом словаре³ — 8, в казахском⁴ — 12, в азербайджанском⁵ — 17,

¹ Кыргыз тилинин түшүндүрмө сөздүгү (редакторы: Э. Абдуллаев, Д. Исаев). Фрунзе, 1969.

² К. К. Юдахин. Киргизско-русский словарь. Фрунзе, 1965. Хотя словарь К. К. Юдахина является не толковым, а двуязычным, в нем раскрывается большое число значений тех или иных многозначных слов.

³ Туркмен дилинин сөзлүгү (под общей редакцией М. Я. Хамзаева). Ашгабат, 1962.

⁴ Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (под общей редакцией С. К. Кенесбаева), тт. I—II. Алматы, 1959—1961.

⁵ Азербайжан дилинин изаһлы лүгәти (составитель: А. А. Оруджев), ч. I. Баку, 1966

в словаре С. И. Ожегова⁶ — 7, в четырехтомном русском словаре⁷ — 6, в словаре Д. Н. Ушакова⁸ — 8 (и 4 оттенка) и т. д.

Количественный разноразрядностью сопровождается отсутствием внутренней системы в подаче значений, а также нечетким разграничением самостоятельных значений.

Так, первое основное номинативное значение слова *baş* во всех тюркских языках — «голова», т. е. часть тела человека или животного. Поэтому каждый составитель в любом словаре ставит это значение в словарной статье первым. Особенность этого слова заключается в том, что, обозначая главную, верхнюю часть тела человека или животного, оно приобретает и другие значения, связанные с понятием верхней части, верхушки, начала чего-нибудь и т. д. Нам кажется, что вторым значением следовало бы дать «человек», «душа» (при счете людей), как это сделано в туркменском и киргизском словарях, например, *k'eg' başy* 'только сам', 'собственная персона', *eki başyuz* 'нас двое' (а может быть, это значение первоначально было основным?). В казахском толковом словаре это значение дано восьмым, в азербайджанском — одиннадцатым. К. К. Юдахин в своем словаре дает его четвертым после значений «верхняя часть чего-либо» и «колос».

В третью группу следует объединить значения «верхней части чего-либо», например, *tönuñ, baktyn, çöptün başy* 'верхушка горы, дерева, травы', а значения «начала чего-либо»: *başattyn, süpün, k'öcönün başy* 'начало родника, реки, улицы' — поместить в четвертую группу.

В толковом словаре казахского языка (стр. 93) вышеуказанные значения неоправданно раздроблены. Например, 2-м значением для *baş* дается «верхняя часть травы, дерева»; 3-м значением — «гребень горы», «возвышенность, холм»; 4-м значением — «начало родника»; 5-м значением — «концы палки»; 6-м значением — «тупой конец топора» и т. д.

Такая же непоследовательность, отсутствие внутренней группировки разных значений и оттенков наблюдаются в туркменском, азербайджанском и киргизском толковых словарях. Например, в киргизском *baktyn başy* 'верхушка дерева' дается 5-м значением, *k'öcönün başy* 'начало улицы' — 6-м значением. К. К. Юдахин *k'öcönün başy* дает 7-м значением.

Из этих двух групп нужно выделить значение «колос, верхняя часть злакового стебля» и дать его пятым: *büdajdyn başy* 'колос пшеницы'; агра *baş alqan k'ez* 'время, когда заколосился ячмень'.

Далее, слово *baş*, абстрагируясь от конкретных значений, употребляется в значении «предводитель», «старший», «начальник», например, *op başy* 'десятник', *žüz başy* 'сотник', *k'egben başy* 'старший каравана' и т. д. Это значение, по нашему мнению, должно следовать за рассмотренными выше. В толковом же словаре киргизского языка указанное значение дано 4-м, до значений «верхняя часть чего-либо» и «начало чего-нибудь». Здесь не только нарушена последовательность в подаче значения этого слова, но, что важнее, при этом нарушено внутреннее развитие от конкретного к более отвлеченному. К этой группе следовало бы отнести и сочетание слов *iştin başynda* 'во главе какой-либо работы', а не выделять его как имеющее самостоятельное значение. Вообще, при классификации многозначных слов и подаче их в словарной статье, по видимому, надо исходить из первоначального значения многозначных

⁶ С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1952. Основные значения указанного слова в тюркских и славянских языках совпадают.

⁷ Словарь русского языка, тт. I—IV. М., 1958—1961.

⁸ Толковый словарь русского языка (под редакцией Д. Н. Ушакова). М., 1935.

слов, группируя вокруг него прежде всего значения, близко к нему стоящие.

Отсутствует система и в подаче таких сочетаний, как *bař takala* 'передовая статья', *bař tamqa* 'заглавная буква', появившихся в советский период путем калькирования. Так, в однотоном толковом словаре киргизского языка значение слова *bař* в этих сочетаниях включено в словарную статью в качестве одного из самостоятельных значений (9-е значение), а сочетание *bař bajge* 'первый приз в скачках' приводится в качестве иллюстрации к 8-му значению. К. К. Юдахин сочетание *bař takala* приводит в словарной статье в качестве примера (см. стр. 512), а *bař tamqa* — в словарной статье «*tamqa*» вторым значением (см. стр. 699). Казахское *bas takala*, азербайджанское *bař mǝgalǝ* в словарных статьях соответствующих словарей вынесены за ромбик. В туркменском толковом словаре эти словосочетания вообще отсутствуют. В толковых словарях русского языка они даны в словарных статьях «передовой» (передовая статья) и «заглавие» (заглавная статья) за ромбиком (см. словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, четырехтомный словарь русского языка и словарь С. И. Ожегова). Нам думается, что правомерно дать их за ромбиком и в киргизском словаре.

Пример только одного слова *bař* уже показывает, какой разнობой существует в описании многозначных слов в толковых словарях.

Из существительных к многозначности больше тяготеют названия животных, птиц, растений, гор, частей человеческого тела. Большинство из них имеет два значения — прямое и переносное. Однако и в случаях двузначных слов нет единообразия в подаче их значений в словарях разных языков. Так, например, для слова *tülk'ü* 'лиса' в киргизском, туркменском толковых словарях и четырехтомном словаре русского языка дается прямое значение — «хищное животное» и переносное значение — «проворный, хитрый, лживый человек». В казахском же толковом словаре почему-то дано только прямое значение.

Кирг. *arstan*, каз. *arystan*, азерб. *aslan* даны в словарях как «лев» и «богатырь», второе значение — с пометой *перен.*

В туркменском словаре переносное значение дано за ромбиком.

Такие названия животных, как кирг., каз. *koj*||азерб., туркм. *goř* 'баран'; кирг. *uj*||каз. *siyg*||туркм. *suug* 'корова'; кирг. *řokko*||каз. *dořuz*||туркм. *dořuz* 'свинья' используются часто в разговорной речи в значении «неумный», «недалекий», «грязный», «неопрятный» (о человеке). Однако в туркменском и казахском словарях переносные значения не нашли отражения.

В киргизском же толковом словаре эти слова даны по-разному: *koj* представлено двумя значениями, второе из них — название двенадцатого животного цикла (восьмое по счету); *uj* дается в трех значениях, второе — «корова, дающая молоко» (так же, как и в казахском), третье — название двенадцатого животного цикла (по счету второе); *řokko* имеет два значения, второе — бранное (переносное значение). Мы полагаем, что следует пользоваться единой системой подачи значений этих слов, а именно: первое значение — название животного, второе — название двенадцатого животного цикла и третье, переносное значение — бранное слово.

В толковых словарях русского языка «баран» и «корова» даны в прямом значении. И только в четырехтомном издании есть второе, переносное значение (просторечное). У Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова к слову «свинья», кроме основного значения, дано и переносное, а в четырехтомном словаре переносное значение дано как разговорное. Такой

разнобой в разграничении значений слова, видимо, объясняется тем, что в некоторых языках процесс образования переносного значения еще не окончен и как бы находится в переходной стадии. Возможно, здесь многое решает и субъективное мнение составителя или редактора.

Еще два примера: *k'örölök'* 'бабочка', *kulup* 'жеребенок'. В толковом словаре киргизского языка каждое из них имеет по два значения: прямое — «бабочка» и «жеребенок-сосунок», второе — «ласкательное обращение к ребенку». Например, *balak'etiñ alajup k'örölögüm* 'милая моя крошка', *kulunum* 'мой милый'.

У К. К. Юдахина *k'örölök'* имеет три значения, причем значение, имеющее ласкательный оттенок, помещено за ромбиком. В том же словаре не отмечено, что ласкательное значение слова *kulup* является переносным. Такое постоянное смешение значений, нечеткость в определении границ между значениями и их оттенками довольно часто встречается во многих толковых и двуязычных словарях.

Иногда излишнее дробление и членение значений приводит к стиранию границ между обычным значением, образным выражением или тем или иным употреблением слова. Например, слово *bulak* 'родник', 'ключ' в словаре К. К. Юдахина представлено 4-мя значениями, причем с пометой *перен.* дается только третье: *bulak*; 1) (ср. *bašat*) родник (в болотистом месте, на берегу реки); 2) ручеек; 3) *перен.* источник; 2) золотуха. В толковом же словаре это слово имеет два значения: «родник» и «клад», «сокровище», «богатство».

В этом примере мы встречаемся не только с разнобоем в членении значений слова, но и неточным его толкованием. Так, *bulak* — это, во-первых, водный источник, родник, ключ, бьющий из-под почвы в каменистых сухих местах (потому он и является символом чистоты), а не в болотистой местности, как указывает К. К. Юдахин в своем словаре в скобках. Во-вторых, *bulak* в значении «ручеек» ни в одном известном нам толковом словаре не встречается. Может быть, здесь имеется в виду *bulaktan akkan sü* 'вода, текущая из родника?' Далее, неправомерной кажется помета *перен.* к 3-му значению рассматриваемого слова, которому соответствует в толковом словаре 2-е значение (ср. *baš* в значении «начала чего-либо» без этой пометы).

Четвертое же значение — «золотуха» — пометы *перен.* не имеет. Нам кажется, что именно здесь нужно указать перенос значения, ибо в данном случае слово, абстрагируясь, выступает в другом, противоположном значении (речь идет не о чистой, прозрачной воде, а о гное из уха). А может быть, это омонимы? В киргизском толковом словаре это значение вообще не приводится.

В казахском толковом словаре зафиксировано 4 значения слова *bulak*, а именно: 1) «родник», 2) «основа», 3) *перен.* «много», «обильно» и 4) *перен.* «болезнь уха».

В азербайджанском толковом словаре, как и в киргизском, даны два значения, причем второе (переносное) — «клад», «богатство». В туркменском — одно значение, в словарной статье *bešte* (*bulak* в этом языке считается устаревшим).

Рассмотрим еще один пример. Глагол *syz-* в толковом словаре киргизского языка представлен тремя омонимами⁹, имеющими соответственно 4, 2 и 1 значения. К. К. Юдахин дает *syz-* как одно многозначное слово с пятью значениями. Приведем полностью все эти значения и проследим, как они раскрываются в обоих словарях.

⁹ Всего в словаре представлены 4 омонима *syz*, первый из которых — *syz I* — имя существительное.

Основное значение *syz-* — «чертить», «проводить черту» в обоих киргизских словарях дано первым: *syzyk syz-* 'чертить черту', *karta syz-* 'чертить карту'. Вторым значением в толковом словаре дано «вычеркнуть»: *tizmeden syz-* 'вычеркнуть из списка'. Это значение К. К. Юдахиным не дано. На втором месте у него стоит значение «ткать», «плести»: *syzyraп žip* 'плетеная веревка'. Это же значение в толковом словаре дается в словарной статье четвертым, например, *syzma syzur žatyšaт* 'ткут тесьму (плетеную)'.

Третьим в толковом словаре дается переносное значение «проложенная кем-то дорога»: *Вага žatkaп žoluңar Lenindin syzyraп syзууу* 'Дорога, по которой вы идете, начертана Лениным'. Этого значения К. К. Юдахин не дает. Третьим у него зафиксировано значение «сочиться», «просачиваться»: *maј syзууур čyкту* 'жир просочился через узенькое отверстие'. Это значение, в свою очередь, в толковом словаре дано как единственное значение третьего омонима глагола *syz-*: *Semeteјdin başу-пап syзур-syзур kaп k'etti* 'Из головы Семетея сочилась кровь'.

Четвертым значением *syz-* К. К. Юдахин дает «двигаться ровно, плавно»: *syзур иč* 'плавно, ровно лететь'. Это значение в толковом словаре приводится в словарной статье второго омонима: *samolet batyštу k'özdöј syzdu* 'самолет летел плавно в сторону запада'. И, наконец, пятое значение *syz-*, которое К. К. Юдахин определяет, как «незаметно скрыться и улизнуть» (*syzsamby деп тугап* 'я подумываю о том, как бы улизнуть'), в толковом словаре дано вторым в словарной статье второго омонима: *bir žakту k'özdöј syzsamby?* 'податься, (улизнуть) куда-нибудь, что ли?'.

Рассмотренный пример характеризуется не только большими принципиальными расхождениями в толковании значений слов, но и непоследовательностью, бессистемностью в подаче значений в словарных статьях, что приводит к путанице. Здесь трудно разобрать, где основные значения, а где оттенки этих значений. Неясно также, является ли *syz-* просто многозначным словом, или оно должно быть представлено несколькими омонимами.

Не претендуя на окончательное решение, мы предлагаем вариант описания слова *syz-* в виде двух омонимов, а именно: *syz-* I с четырьмя значениями и *syz-* II с одним значением.

Первое значение слова *syz-* I — «провести какую-нибудь линию», например, *karta syz-* 'чертить карту'. Кроме того, *syz-* имеет оттенок «начертить на чем-нибудь»: *kaуazуа syz-* 'начертить на бумаге'. Это значение ни в том, ни в другом словаре не приводится. Думается, что его следовало бы указать после первого значения параллельным знаком как оттенок или дать вторым значением. Если учесть, что *syz-* в сочетании с именем существительным в исходном падеже представлено в толковом словаре отдельным значением (*tizmeden syz-* — «вычеркнуть из списка»), то почему нельзя дать отдельным значением сочетание с именем существительным в дательном падеже (*kaуazуа syz* — «начертить на бумаге»)?

Из первого значения развилось значение «продвигаться вперед, мчаться, сделать быстрое движение по линии вперед (например, по трассе, дороге)»: *samolet syзур иčту* 'самолет летит стремительно (плавно) вперед', *mašina syзур žöпödü* 'машина мчалась вперед'. Это значение следует дать вторым.

В сочетании же с одушевленными именами *syz-* приобретает оттенок «уйти, быть подальше, улизнуть», например, *sen bir žakка syzyraпу тугасуңбу?* 'ты хочешь куда-нибудь уйти, улизнуть?', *artyңdy kaгabaj syz*

‘мчись, не оглядываясь’. Это значение надо дать третьим с пометой *перен.*

Сюда же можно было бы отнести и значение «проложенная дорога», однако, думается, это скорее образное выражение или просто неудачный оборот. Кроме того, в данном случае *syz* выступает в роли не глагола, а причастия (...*Lenindin syzpaп syzuуу*). К. К. Юдахин не выделяет это значение в самостоятельное.

Абстрагируясь далее от этого же значения, *syz-* выступает в значении «течь из чего-нибудь по капле, просачиваться маленькой струйкой через узкое отверстие». Нам кажется, что это значение целесообразно дать четвертым в словарной статье *syz-* I с пометой *перен.*

Обособленно стоит значение «вычеркивать (вычеркнуть, стереть, изъять ранее начерченное или написанное)». В этом случае *syz-* выступает синонимом *öcүг-* ‘стереть’: *doskadan öcүг* ‘сотри с доски’. Указанное значение, противоположное первому, следовало бы дать как омоним *syz-* II.

Приведенное в обоих словарях значение «ткать», «плести» логически ни с какой стороны ни к одной из вышеуказанных групп не примыкает. Причина заключается в том, что *syz-* как самостоятельное слово не имеет значения «ткать; плести». Например, *syzpaп žip* ‘плетеная веревка’ (К. К. Юдахин). Здесь *syz* выступает не как глагол, а как причастие. Ср. *žip syz-* ‘плести веревку’, однако *syz* вне сочетания с *žip* не имеет этого значения. В толковом словаре приводится толкование *bö že syzpa syz-* ‘ткать веревку или полосы (тесьму)’ и в качестве примера дается *syzpa syzup žatyšat* ‘ткут тесьму’, *bö syzup begejinbi?* ‘сплести ли (тебе) веревку?’ Во-первых, здесь между толкованием и примером нет разницы — налицо тавтология; во-вторых, как мы указали выше, *syz* только в сочетании с определенными словами означает «ткать; плести».

В киргизском языке есть и другие словосочетания с участием *syz-*, где значение этого слова не имеет ничего общего с его первоначальным значением: *ičten syz-* ‘быть в душе недовольным чем-либо’, *dām syz-* ‘отведать’. В этих и рассмотренных выше словосочетаниях *syz-* не может выражать самостоятельного значения. Поэтому все эти словосочетания должны быть помещены за ромбиком (кстати, таким образом представлены в обоих словарях *ičten syz* и *dām syz*).

Ниже приводится схема предлагаемого нами варианта организации словарных статей для глагола *syz-* в сравнении с толковым словарем киргизского языка и словарем К. К. Юдахина.

В толковом словаре киргизского языка	В словаре К. К. Юдахина	Предлагаемый нами вариант
<i>сыз II</i> 1) чертить; 2) вычеркнуть; 3) <i>перен.</i> начертить дорогу; 4) ткать.	<i>сыз</i> 1) чертить; 2) ткать; 3) сочиться; 4) двигаться равно, плавно; 5) улизнуть.	<i>сыз I</i> 1) чертить начертить; 2) мчаться вперед; 3) <i>перен.</i> улизнуть, уйти; 4) <i>перен.</i> просачиваться
<i>сыз III</i> 1) двигаться плавно; 2) быстро двигаться вперед, мчаться.		<i>сыз II</i> вычеркнуть, стирать, исключить, изъять.
<i>сыз IV</i> просачиваться.		

В данной связи хотелось бы указать и на глагол *tüŝ-*, который в сочетании с именем в исходном падеже имеет одно значение, а в дательном падеже — другое. Например, *maŝinadan tüŝ* 'выходи из машины', *maŝınağa tüŝ* 'входи в машину'. Следует решить, как эти значения давать в толковых словарях.

В аналогичном положении оказывается и слово *bäsyz*, имеющее два противоположных значения: «бесценное, неоценимое» и, наоборот, «не имеющее никакой цены, дешевое». К. К. Юдахиним приводится только одно, первое значение («неоценимое»), в толковом же словаре даны оба значения, но без каких-либо помет. Для подобных случаев необходимо выработать соответствующие критерии. В некоторых толковых словарях почему-то при толковании многозначных слов не придается большого значения последовательности помет. Так, например, помета *перен.* ставится не после всех прямых, близких к номинативному значений слов, а между двумя непереносными значениями и т. п.

Не ясны критерии, по которым устанавливается в словарных статьях очередность подачи различных значений многозначных слов. В большинстве случаев это относится к словам, связанным с названиями различного рода явлений природы и частей человеческого тела или предметов.

Нам кажется, что в подобных случаях следует исходить из тех значений, которые непосредственно связаны с конкретными человеческими представлениями, иначе говоря, отдавать предпочтение конкретным, близким к человеку предметам; например, первым значением слова *ŝoku* следует дать «макушка человека» (см. выше). А уже следующим — значение «верхушка горы».

В данной статье мы постарались на небольшом количестве примеров охарактеризовать практику подачи и раскрытия значений слов в толковых словарях тюркских языков. Как мы видим, имеется еще много спорных, нерешенных теоретических и практических вопросов, встающих перед лексикографами и требующих своего разрешения. Для этого необходимо усилить и укрепить контакты между лексикографами тюркоязычных республик.

Первым шагом к этому было бы проведение всесоюзного совещания лексикографов.

А. Н. БАСКАКОВ

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Тенденция сближения письменных литературных норм с устными разговорными, наблюдаемая во многих современных языках, получила значительное развитие и в турецком языке. Этому способствовало сильное пуритическое движение, явившееся реакцией на «османский язык» с его резко различавшимися «высоким» (*fasih*) литературным стилем и «вульгарным» (*kaba*) разговорным народным языком. Сближение литературных и разговорных норм нашло яркое выражение в творчестве многих современных турецких писателей. Благодаря такому сближению значительное развитие в области синтаксиса получили инверсия, эллипсис, упрощение структуры предложения; простые предложения стали предпочитаться сложным и бессоюзная связь — союзной. Последнее, несмотря на наличие как собственно турецких средств союзной связи — слов, выступающих в служебной функции союзов (*da/de, diye, mi, oysa* и пр.), так и многих продуктивных заимствованных арабских и персидских союзов (*ki, ya, ama, fakat* и пр.).

Если в русском языкознании в бессоюзных сложных предложениях сочинение и подчинение либо вовсе не дифференцируются¹, либо те или иные типы таких предложений лишь соотносятся с соответствующими сложносочиненными или сложноподчиненными союзными предложениями², то в тюркологии бессоюзные сложные предложения подразделяются на сочиненные и подчиненные³. Это обусловлено спецификой строя тюркских языков, в которых союзный тип связи, не будучи исконным, носит как правило факультативный характер. Практически же любой тип придаточных предложений может присоединяться бессоюзным способом.

Однако существующий поныне в тюркологии различный подход к критериям выделения самих придаточных предложений затрудняет разграничение простых распространенных и сложных предложений в тюркских языках. С одной стороны, необходимым критерием выделения придаточных предложений считается наличие личной формы сказуемого (*verbum finitum*), а с другой — возможность рассматривать в качестве придаточных предложений (то есть компонентов сложноподчиненных предложений) конструкции с неличными формами глагола — причастиями, масдарами и деепричастиями, которые именуются в отличие от

¹ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2. М., 1954, стр. 382.

² Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 737.

³ А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 513; *его же*. О сложноподчиненных бессоюзных предложениях в турецком языке. — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», XXII. М., 1956.

собственно придаточных предложений квазипредложениями, предикативно-атрибутивными конструкциями или оборотами. Между тем синтаксический критерий предикативности придаточных предложений и атрибутивности оборотов с неличными формами глагола позволяет достаточно четко разграничить указанные синтаксические конструкции. Для этого необходимо предикацию считать соотносительностью субъекта и его действия при обязательном наличии грамматических категорий лица, наклонения (модальности) и времени. Обороты с неличными формами глагола представляют собой атрибутивно-определительные и атрибутивно-обстоятельственные (деепричастные) словосочетания, составляющие в тюркских языках особую синтаксическую категорию и выступающие в предложении как распространенный его член. Это подтверждается наличием специальных синтаксических средств — послелогов, вводящих обороты в состав простого предложения, в то время как союзы вводят придаточные предложения в состав сложных предложений.

Анализ бессоюзных сложноподчиненных предложений возможен только после строгого разграничения придаточных предложений и оборотов, поскольку и те, и другие могут вводиться в состав предложения без помощи каких-либо служебных слов — союзов или послелогов. Если формально выраженным средством подчинения в союзных сложных предложениях выступают союзы либо другие служебные или знаменательные слова в функции союзов⁴, то в бессоюзных сложноподчиненных предложениях в турецком языке подчинение может быть установлено благодаря выявлению соответствующих средств подчинения на лексико-семантическом, структурно-грамматическом и логико-грамматическом уровне сложного предложения. Эти средства осуществляют подчинение в тесном и порой трудно разграничиваемом взаимодействии. На лексико-семантическом уровне подчинение осуществляется с помощью смысловой соотносительности компонентов сложного предложения, причем в зависимости от лексического значения членов главного и придаточного предложений соотносительность значений самих этих предложений может иметь место как при наличии коррелятивных слов, так и без них. Коррелятивными словами (обычно в главном предложении) выступают либо слова с абстрактной семантикой, либо местоимения, конкретизация которых заключена в придаточном предложении, например: *Durum şu idi efendim: o, bu iş krallık mahkemesinde iken öldü* (TD 203) 'Положение было таково, мой эфенди: она умерла, когда это дело было в королевском суде'; *Meydan-daydı sebep: bu kadınlar, o kızlar şair ruhlu genç adamı anlayamamışlardı* (E. N. Gökşen) 'Причина была очевидна: все эти женщины и девушки не могли понять молодого человека с его поэтической натурой'; *Öyle yetişmiştim, aileme ayak uydurmam gerekti* (E. N. Gökşen) 'Я так был воспитан, что мне следовало подлаживаться под свою семью'.

Без коррелятивных слов подчинение на лексико-семантическом уровне осуществляется либо благодаря лексическому значению сказуемого главного предложения, либо простой соотносительности частей сложного предложения, например: *Anladım: valdenin taşı bizeymiş* (S. Baran) 'Я понял — матушкин камень был в наш огород'; *Baktık karı evde yok* (S. Kocagöz) 'Смотрим — жены дома нет'; *Babası onu gerçekten seviyor mu, sevmiyor mu, belli değil* (M. Seyda) 'Неизвестно, любит ли в действи-

⁴ В турецком языке не решена проблема служебных слов, выступающих в функции союзов. Наряду с собственно союзами (*ki, ama, fakat, eğer* и пр.) в функции последних выступают такие служебные слова, как энклитика *mi*, лексикализовавшиеся словосочетания и формы знаменательных слов (*şöyle dursun, bakarsın, bilemedin bırak ki* и пр.). Однако некоторые служебные и модальные слова (например, *kimi, sanki, gıya* и пр.), выполняющие в сложных предложениях функцию союзов, не признаются в качестве соединителей компонентов сложного предложения.

тельности его отец или нет'; *Ağladı: ölmüş hayri bey* (O. Akbal) 'Он заплакал, [так как] умер Хайри-бей'.

На структурно-грамматическом уровне решающую роль в выражении подчинения играют не столько собственно структурные черты сложного предложения (например, его двучленность — главное/придаточное, порядок следования компонентов — гибкость/негибкость структуры и пр.), которые в турецком языке не позволяют установить во всех случаях наличие подчинительной связи, сколько морфологические показатели при сказуемых придаточных предложений (например, аффикс условного наклонения или модальности, аналитические редуцированные формы глагола — сказуемого придаточного предложения и пр.). Средством синтаксической подчинительной связи в бессоюзных турецких сложноподчиненных предложениях является примыкание⁵.

Логико-грамматическое членение простого, а тем более сложного предложения в турецком языке до настоящего времени не исследовано; мало изучена также взаимосвязь логико-грамматического членения с синтаксическим. При обычном для тюркских языков предшествовании придаточного предложения главному придаточное предложение может соответствовать единице логико-грамматического членения — теме (данному), а главное предложение — реме (новому), например, в условных, уступительных и некоторых других типах сложноподчиненного предложения: *Bunda bir sır varsa, ağırsakların alaşımında ölçü ve biçimindeydi* (TD 201) 'Если и был тут секрет, то в сплаве, размерах и форме прялки'.

Однако в бессоюзных сложноподчиненных предложениях, в которых главное предложение предшествует придаточному, то есть имеет место инвертированный порядок компонентов, главное предложение выступает в качестве темы, а придаточное — в качестве ремы, например: *Trafik ikandı, maça güçbelâ yetistim* (S. Kocagöz) 'Уличное движение застопорилось, [поэтому] я с трудом успел на матч'; *Anlıyorum, çoğu zaman suç annemin* (E. N. Gökşen) 'Я понимаю, [что] чаще виновата моя мать'.

Таким образом, на логико-грамматическом уровне может быть намечено лишь разделение компонентов бессоюзного сложноподчиненного предложения, которое часто совпадает с синтаксическим делением сложного предложения на главное и придаточное. Само же подчинение при этом не устанавливается. На этом уровне невозможно также определить как подчиняющий компонент сложного предложения (главное предложение), так и подчиненный (придаточное предложение).

Итак, если исходить из рассмотренных критериев выделения придаточных предложений как предикативных синтаксических конструкций и иметь в виду, что бессоюзное подчинение осуществляется комплексом языковых средств различных уровней, проявляющихся одновременно, хотя и в различной степени, то следует признать необходимость уточнения некоторых типов бессоюзных сложноподчиненных предложений и способов их образования.

Так, необходимо, по-видимому, разграничить придаточные предложения и обороты с неличными формами глагола, образуемые редупликацией глагольного сказуемого в предложении и глагольного конституирующего члена в оборотах. Можно установить некоторую последовательность «герундизации» редулицированной глагольной формы от утверди-

⁵ А. Н. Кононов отмечает управление придаточными предложениями некоторыми именами существительными с отвлеченной семантикой (например, *fikir* 'мысль', *zann* 'мнение' и пр.): *gitti zanundayım* 'Я [того] мнения, [что] он ушел'. (См.: А. Н. Кононов Указ. раб., стр. 519). Ср. с лексикализовавшимся предложением в словосочетании *neoldum delisi* 'сумасбродный выскочка'. (См.: С. С. Майзель. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957, стр. 176).

тельно-отрицательной формы прошедшего времени на *-di, -miş* (*geldim gelmedim* 'едва я пришел') к смешанным причастно-деепричастным формам на *-di* и *-eli* (*geldim geleli* 'с тех пор, как я пришел') и, наконец, к «герундизированной» аналитической причастной форме редуцированного причастия на *-r* (*ben gelir gelmez* 'едва я пришел'). Указанные формы, подобно деепричастиям, не согласуются в лице с субъектом и имеют относительное временное значение. Поэтому в ряде современных грамматик турецкого языка, изданных в Турции, конструкции с формами *-r/-maz* соотносятся с деепричастием на *-ince* и рассматриваются как разновидность деепричастий (*bağ-fiiil, ulaç*)⁶.

Не отвечают указанным выше критериям придаточных предложений конструкции типа *babası ölmüş çocuk* 'ребенок, отец которого умер', относимые Ж. Дени к категории квазипредложений. Подобные конструкции, причисляемые ныне тюркологами к специфическим тюркским трехчленным словосочетаниям⁷, представляют собой атрибутивно-определятельные словосочетания, конструирующийся член которых имеет группу определения, включающую имя с аффиксом принадлежности 3-го лица. (Лексико-семантическое значение имени обычно соотносится с определяемым как часть с целым). Второй член группы определения всегда выражен либо атрибутивной частью речи, либо субстантивом в атрибутивном употреблении. В том случае, когда этот атрибут выражается причастиями на *-r, -miş, -acak*, совпадающими с 3-м лицом ед. числа спрягаемой формы глагола, группа определения (см. вышеуказанный пример) схожа с предложением. Что касается причастий на *-di* и *-yor*, то они, не имея атрибутивной функции, в составе словосочетаний не выступают. Наконец, рассматриваемые конструкции не имеют парадигматических форм, что также является косвенным доказательством их атрибутивной, но не предикативной природы.

Подводя итог краткому анализу турецких бессоюзных сложно-подчиненных предложений, следует отметить, что на современном уровне синтаксического исследования турецкого языка лексико-семантическое значение компонентов сложного бессоюзного предложения остается основным фактором, определяющим как само подчинение, так и его способы. Это лексико-семантическое значение определяет также и грамматические значения, возникающие между компонентами сложного предложения и характеризующие тип последнего. Таким образом, семантический фактор в данном случае преобладает над структурным синтаксическим.

⁶ Н. Ediskun. Yeni türk dilbilgisi. İstanbul, 1963, стр. 258; Т. N. Gencan. Dilbilgisi. İstanbul, 1966, стр. 261.

⁷ Е. А. Поцелуевский. Тюркский трехчлен. М., 1967.

Н. П. ГОЛУБЕВА

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АФФИКСА
 $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Многозначность пространственных падежей (дательно-направительного, местного, исходного) позволяет использовать их формы для выражения наречных значений и компенсировать в какой-то мере почти полное отсутствие наречных аффиксов в турецком языке. Функционируя как наречия, эти формы лексикализуются, и падежные аффиксы начинают выполнять роль словообразовательных. Это явление характерно не только для турецкого языка. «Общеизвестно, что именно падежные формы имен наиболее легко переходят в словообразовательные. В современном мордовском языке... окончания инессива *-сто, -стэ, -ста* являются словообразовательными суффиксами наречий...; в венгерском падежное окончание супрессива часто совпадает с самым продуктивным словообразовательным суффиксом наречий, например, *szépen* обозначает и «на красивом», и «красиво», *gazdagon* — «на богатом» и «богато»¹.

В турецком языке немало наречий в форме пространственных падежей, образованных от прилагательных и наречий. Поскольку аффиксы дательно-направительного и местного падежей присоединяются к указанным частям речи достаточно редко, то в дальнейшем речь пойдет только об аффиксе исходного падежа.

Следует отметить, что в данном случае мы называем упомянутые формы падежными условно, ибо иначе пришлось бы признать, что в турецком языке прилагательные и наречия имеют неполную парадигму склонения. Однако оснований для такого вывода нет: не каждое прилагательное и не каждое наречие может стоять в форме исходного падежа. Приходится допустить, что в турецком языке существуют два омонимичных аффикса $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$: один — падежный, другой — словообразовательный наречный. Но это мнение разделяется не всеми. Более распространен взгляд, что наречия на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ представляют собой «обособившиеся грамматические формы..., перешедшие в состав новой части речи — наречия»².

¹ К. Е. Майтинская. К вопросу о категории падежа. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 234.

² Э. В. Севортян. Словообразование в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. М., 1956, стр. 320, 321; см. также: Л. С. Ефимова. О некоторых аспектах проблемы наречия в современном турецком языке. — В сб.: «Вопросы тюркской филологии». М., 1966.

Нельзя не согласиться со следующим замечанием Э. В. Севортяна: «Едва ли законно говорить о всех этих и подобных им наречиях, что они образованы или образуются при помощи падежей...»³. Однако вызывает возражение дальнейший вывод: «Совершенно очевидно, что наши формы исторически представляют собой случаи функционального использования падежей. Лишь в дальнейшем они вливаются во вновь образовавшуюся часть речи — наречие, поскольку первоначальное функциональное значение этих грамматических форм, ослабившись и исчезнув, уступило место развившемуся отсюда значению наречия»⁴. Правда, этот вывод относится не только к интересующим нас наречиям на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ типа *açuktan* 'ясно, явно, открыто', но и к таким наречиям, как *yazın* 'летом', *ilkın* 'впервые', *dışarı* 'вне, снаружи', восходящим к формам древних орудийного ($-in/-in$) и направительного ($-ari/-eri$) падежей. Эти древние падежи сохранились только в застывших формах наречий, которые в отличие от наречий на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ не воспринимаются в современном турецком языке как производные формы. Достаточно сослаться на существующие турецкие словари⁵, где наречия на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ даются чаще всего под исходным словом или не отмечаются вовсе и лишь иногда выделяются отдельно. Но это свидетельствует и о том, что авторы словарей не отличают словоизменительной функции аффикса $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ от словообразовательной.

Мы относим этот формант, присоединяющийся к прилагательным и наречиям, к словообразовательным аффиксам, основываясь на следующем:

1. Употребление его ограничено семантикой основы.

Чаще всего аффикс $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ присоединяется к наречиям и прилагательным с временной и пространственной семантикой, внося оттенок значения исходного пункта во времени или пространстве. Ср.:

<i>aşağı</i> 'низкий, нижний; вниз'	<i>aşağıdan</i> 'снизу'
<i>demın</i> 'только что, сейчас, недавно'	<i>demından</i> 'с недавних пор'
<i>erken</i> 'рано'	<i>erkenden</i> 'спозаранку'
<i>önce</i> 'прежде, раньше'	<i>önceden</i> 'заранее, сначала'
<i>sonra</i> 'потом, затем'	<i>sonradan</i> 'впоследствии, под конец'
<i>şimdi</i> 'теперь, сейчас, ныне'	<i>şimdiden</i> 'отныне, с тех пор'
<i>yakın</i> 'близкий; близко'	<i>yakından</i> 'вблизи, вплотную'
<i>yeni</i> 'новый; недавно, вновь'	<i>yeniden</i> 'снова, сначала, заново'.

Как известно, наречия, прилагательные и существительные в турецком языке четко не дифференцируются. Присоединяясь к недифференцированному имени, аффикс $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ подчеркивает его наречное значение. Особенно наглядно это выражается в том случае, когда имя не обла-

³ Э. В. Севортян. Указ. раб.

⁴ Там же.

⁵ См.: Турецко-русский словарь. Сост. Д. А. Магазаник. М., изд. 1, 1931; М., изд. 2, 1945; *Türkçe Sözlük*, Hazırlıyan Mehmet Ali Ağakay. Ankara, 1955; *H. C. Hony. Turkish-English dictionary*. Oxford, 1957; *Heuser-Şevket. Türkisch-Deutsches Wörterbuch*. Wiesbaden, 1958.

дает пространственной или временной семантикой. Образую наречия от таких имен, аффикс $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ становится формальным показателем наречия и употребляется только для дифференциации, для выделения наречного значения имени. Например:

<i>gerçek</i>	‘правда, истина; истинный, достоверный, действительный, правдивый; действительно, в самом деле’	<i>gerçekten</i>	‘действительно, в самом деле’
<i>gizli</i>	‘секретный, тайный; секретно, тайно, тайком’	<i>gizliden</i>	‘тайно, тайком’
<i>mahsus</i>	‘специальный, особый, специфический; специально, нарочно, умышленно’	<i>mahsustan</i>	‘специально, нарочно, намеренно’
<i>sahi</i>	‘верный, действительный; действительно, в самом деле, верно, правда’	<i>sahiden</i>	‘действительно, в самом деле, верно, правда’.

Обычно подобные наречия имеют синонимы, образованные другими наречными аффиксами $\frac{-ca/-ce}{-çal/-çe}$, $\frac{-an/-en}{-yan/-yen}$ и т. д. (*mahsustan* — *mahsus* — *usulca* ‘потихоньку, тихонько’ и т. д.): *Sen de gizli den bizi takip edersin* (МУ, Кг., 48) ‘А ты тайком следуешь за нами’; *Bu sözleri, binlerce insan, kimi açıktan, kimi gizlice okudu* (SU, SY 102) ‘Эти его слова читали тысячи людей, кто открыто, кто тайком’.

2. Отмеченная выше связь аффикса $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ с другими словоприводными формами, вместе с которыми он участвует в образовании совокупности слов, объединенных значением наречия, также является критерием отнесения этого аффикса к разряду словообразовательных.

Укажем еще на одно обстоятельство: как и любое турецкое наречие, наречие на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ может выступать в атрибутивной позиции, например: *candan dost* ‘искренний друг’, *hiçten adam* ‘ничтожный человек’, *toptan ticaret* ‘оптовая торговля’.

Таким образом, с одной стороны, наречный аффикс $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$, присоединяясь к недифференцированному имени, служит для выделения наречия, с другой стороны, наречие на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$, подчиняясь законам турецкого языка, может выполнять функции недифференцированного имени, выступая в роли и наречия, и прилагательного.

3. Тот факт, что наречия на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ могут служить основой для

образования новых слов, также позволяет причислить рассматриваемый аффикс к словообразовательным. Новые слова образуются обычно от наречия на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$, которое может выступать и как прилагательное:

candan 'искренне; искренний'
kökten 'в корне; коренной'
toptan 'оптом; оптовый'

candanlık 'искренность'
köktencilik 'коренные преобразования'
toptancı 'оптовик'

Хотя рассмотренные критерии разграничения словообразовательных и словоизменяемых форм установлены Э. В. Севортяном в уже упоминавшейся статье «Словообразование в тюркских языках», тем не менее Э. В. Севортян отрицает возможность причисления формы $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ к словообразовательным, ссылаясь на ее непродуктивность и противопоставляя ей «действительно словообразовательную форму» на *-ca* и *-ca-sına*.

Факты же показывают, что в современном турецком языке наречный аффикс $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ достаточно продуктивен. Вот несколько примеров наречий на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ не отмеченных ни одним из известных нам турецких

словарей и включаемых в готовящийся турецко-русский словарь: *Pars âni den karşına dikilivermiş* (SK, AK, 15) 'Внезапно перед ним появился леопард'; *Onu evvelde tanııyordum* (S. Ali, KMM) 'Прежде я его не знал'; *Durmus Aliye usuld an: «Kadın güzeldi», dedim* (MB, YTH, 112) '«Красивая была женщина», — сказал я тихонько Дурмушу Али'; *Mahsustan ses çıkarmadım* (MY, Kir...) 'Я нарочно промолчал'.

Большинство указанных наречий имеет синонимы с другими наречными аффиксами (*evvelde—evvelce, usuldan—usulca, mahsustan—mahsusan*), причем наречия на $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ не так богаты оттенками значений, как их синонимы, что, по-видимому, свидетельствует о возникновении их в более позднее время.

СОКРАЩЕНИЯ:

MB, YTH — Mustafa Baydar. Yeni türk hikâyecileri antolojisi. İstanbul, 1956.

MY, Kir... — Mahmut Yesari. Kırlangıçlar. İstanbul.

S. Ali, KMM — Sabahattin Ali. Kürk mantolu Madonna. İstanbul, 1943.

SU, SY — S. Üstünel. Savaş yolu. İstanbul, 1950.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ш. САРЫБАЕВ

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ АТЛАС КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

За последние годы в работе диалектологов выявились три основных направления: 1) монографическое изучение говоров, написание учебников и учебных пособий по диалектологии; 2) составление диалектологического словаря казахского языка; 3) составление первого тома диалектологического атласа казахского языка.

Диалектологический атлас казахского языка предполагается издать в четырех частях. Первая часть включает южную группу говоров. Картографированием охвачены Алма-Атинская, Талды-Курганская, Джамбульская, Чимкентская области и часть Кызыл-Ординской и Семипалатинской областей, а также территории Узбекской ССР с казахским населением. Вторая часть атласа включает западные области Казахстана (Гурьевскую, Актюбинскую, Уральскую области, часть Кызыл-Ординской и Кустанайской областей), а также территории Туркменской ССР, Каракалпакской АССР и Калмыкской АССР, Оренбургской и Астраханской областей РСФСР, заселенные казахами. Предполагается, что в третьей части будут представлены диалекты центральных и северных областей Казахстана (Северо-Казахстанской, Целиноградской, Кокчетавской, Карагандинской областей, части Кустанайской и Павлодарской областей), а также районов РСФСР, в которых проживает значительное число казахов — носителей северных говоров. В четвертой части атласа найдут отражение диалектные особенности восточных групп говоров и говоры Восточно-Казахстанской части Павлодарской и Семипалатинской областей, а также территорий, входящих в Горно-Алтайскую АССР и Монгольскую Народную Республику, на которых проживает значительное число казахов. Следует оговорить, что предполагаемое деление атласа не окончательное; в процессе подготовки, а также самой работы, могут быть внесены некоторые необходимые коррективы.

Составители атласа С. Омарбеков, О. Накисбеков, А. Нурмагамбетов, К. Айтазин, Ж. Болатов и автор этих строк приступили к сбору материала для первого тома в 1966 году. Картографировались диалектные особенности носителей языка южной группы говоров, которая, как и западная, оказалась наиболее изученной. Лингвогеографическому обследованию подверглись области Алма-Атинская (пл. 108.000 кв. м., 4% территории республики), Талды-Курганская (125.000 кв. м., 4,5% территории республики), Джамбульская (145.000 кв. м., 5% территории республики), Чимкентская (152.000 кв. м., 6% территории республики), частично Кызыл-Ординская и Семипалатинская области, а также часть территории Узбекской ССР с казахским населением.

Расстояние между исследуемыми точками не превышает 15—25 км, а в малонаселенных районах — 40—60 км. В зонах же вибрации, на территориях, находящихся между крупными языковыми подразделениями, где обычно наблюдается скопление изоглоссных линий, а также в населенных пунктах с пестрым этническим составом расстояние между исследуемыми точками составляло 10—15 км.

Монографическое изучение говоров казахского языка и многочисленные экспедиционные поездки с последующими публикациями диалектологического материала, составление вопросника для систематизации диалектных особенностей казахского языка¹ позволили нам разработать программу сбора сведений для диалектологического атласа казахского языка². Она охватывает 145 вопросов, из которых 23 относятся к фонетике, 100 — к лексике и 22 — к грамматике. Следует оговорить, что число номеров вопросника не соответствует количеству вопросов, включенных в «Программу». Иногда под одним номером объединяются несколько вопросов.

При составлении «Программы» внимание было обращено в первую очередь на явления, выступающие в роли дифференцирующих признаков отдельных диалектов и говоров. «Программа» должна была охватить не только традиционные, изначальные, исконно казахские явления, служащие главным объектом картографирования, но и вторичные, позднейшие напластования, проявляющиеся в заимствованиях и новообразованиях. Это даст нам возможность в будущем отразить в атласе степень влияния соседних языков на казахский, а также изменения, происшедшие в речи местного населения за годы Советской власти.

Из фонетических явлений были охвачены такие крупные, генеральные явления, как соответствия звуков, мягкое или твердое произношение ряда слов, явления, связанные с неустойчивым положением некоторых звуков. Из морфологических явлений, включенных в «Программу», можно упомянуть глагольные формы, в которых диалектные особенности проявляются ярче, нежели в других грамматических явлениях. Это такие формы, как окончание первого лица повелительного наклонения -ly/-li, окончание второго лица повелительного наклонения -gyp/-gip., глагольная форма на -žak/-žek', употребляющаяся для выражения неопределенного будущего времени, деепричастная форма на -yaju/-geji, личное окончание множественного числа -syŋuz/-siŋiz и др. В казахских говорах синтаксические явления отмечаются в словосочетаниях, поэтому в «Программе» представлены только словосочетания.

Составители «Программы» руководствовались принципом: «лучше охватить лишнее, чем рисковать потерей чего-то существенного». В «Программу» вошли и незначительные, второстепенные явления, ибо «изучение любого диалектного явления методами лингвистической географии не лишено смысла»³. В процессе работы над атласом возникали трудности, которые не всегда удавалось полностью преодолеть. Упущения объясняются отсутствием опыта составления подобных атласов. Был выявлен ряд недостатков в разработке самой «Программы». Так, в процессе сбора материалов для атласа обнаружились некоторые неточности в постановке вопросов, а также в порядке их нумерации. Ряд вопросов, имевших целью сбор материалов для монографического изучения говоров, меха-

¹ Қазақ тіліндегі диалектілік ерекшеліктерді жинау бойынша сураулық. Алматы, 1959. Составители Ж. Доскараев, Ш. Сарыбаев. Отв. ред. С. К. Кенесбаев.

² Қазақ тілінің диалектологиялық атласын жасау үшін мәлімет жиюдың программасы. Алматы, 1966.

³ А. Юлдашев. О программах собирания материалов для диалектологических атласов азербайджанского и татарского языков. — В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III, Баку, 1963, стр. 137.

нически был перенесен в «Программу» атласа. В результате возникла необходимость в пересмотре и переиздании «Программы». В будущем по примеру азербайджанских диалектологов будет составлен второй, усовершенствованный вариант этой «Программы».

Материалы для атласа были собраны сотрудниками отдела диалектологии Института языкознания Академии наук Казахской ССР при некоторой помощи сотрудников других отделов. В сборе материалов ежегодно участвовали 6—7 диалектологов.

При составлении атласа мы старались охватить различные по своему происхождению диалектные явления, которые можно подразделить на три группы:

1. Исконно казахские традиционные явления, диалектные границы которых сформировались в глубокой древности. Большинство из них — остатки древних племенных диалектов. К этой группе относятся в первую очередь большинство фонетических и грамматических явлений, отличающихся постоянством, например, неустойчивое положение звуков в слове (suɣaɣu — suagu 'орошать, поливать', k'igiz üj — k'iiz üj 'юрта', satamaɣ — sata[a]lmaɣ 'не смог продать', kabyrтка — kabyrɣa 'ребро' и др.), соответствия, чередования звуков (maŋɗaj — maŋlaj 'лоб', šal — šal 'старик', bolat — polat 'сталь' и др.), твердое и мягкое произношение целого ряда слов (tyrŋaktap žiu — tirnekter žiu 'собирать по крупицам', žautaŋɗau — žäuteŋɗeu 'игриво смотреть', asyly — äsili 'по всей вероятности' и др.).

Сюда же нами относится большинство грамматических явлений. Например, своеобразная форма 2-го лица ед. числа повелительного наклонения на ɣуп||ɣуп, куп||k'in (baɣɣуп 'иди туда', aɣtkуп 'скажи' вместо баɣ, aɣt), форма желательного наклонения баɣɣупт баɣ вместо баɣɣупт k'eled'i 'хочу пойти', kelgim баɣ вместо k'elgim keledi 'хочу прийти', деепричастная форма на -ɣajy/geji, -kajy/k'eji (baɣɣajy otyr вместо баɣɣaly otyr 'собирается пойти' и др.).

Из лексических особенностей к этой группе относятся исконно казахские диалектизмы. Например, tam вместо üj 'могила', šappa вместо bäk'i 'перочинный нож', ärk'e вместо ара 'старшая сестра', tajögüz вместо tajupša 'бычок' и др.

2. Диалектные явления, возникшие в результате контактирования казахского языка с другими родственными и неродственными языками. К этой группе нами относятся все имеющиеся в казахских говорах заимствованные слова, в том числе:

а) из арабо-иранских языков: ätir 'одеколон', äk' 'известь', šiša 'бутылка', darbaza 'ворота', bädiren||badyraŋ 'огурцы', aɣuan 'передняя', kogaɣ 'петух' и др.;

б) из русского языка: bedre 'ведро', küramys 'коромысло', sk'irt 'скирда', piŋäbes 'навес', senek' 'сени' и др.;

в) из монгольских языков: lonx 'бутылка', dansa 'журнал, книга', хангаɣ 'гористая, лесистая местность', хутгамšu 'кушанье из пенки' и др. Сюда же относятся все элементы, заимствованные из соседних тюркских языков.

3. Диалектные явления позднейшего образования, возникшие на базе собственных языковых ресурсов. Своим появлением они обязаны распространению среди казахов новых реалий, привнесенных из быта соседних народов. Некоторые из них возникли в прошлом веке, другие — в советский период. Диалектные явления этого типа охватывают только лексический материал. Позднейших новообразований в области фонетики и грамматики, за исключением отдельных явлений в области словосоче-

таний, мы не обнаружили. Приведем несколько примеров из диалектных явлений позднего образования: *atauuz||k'empirauuz* 'клещи', *iipayaš||suayaš* 'коромысло' и др. Но есть словосочетания, как, например, *žag gazeti* 'стенгазета', заключающие в себе признаки как второго, так и третьего типов.

Первый тип диалектных явлений — древнейший. Это основной объект лингвогеографического исследования. Что же касается двух последних типов, то их диалектные линии сформировались гораздо позднее. Однако при составлении программы и лингвистических карт мы не могли игнорировать явления, относящиеся к двум последним группам, так как их изучение и картографирование помогут установить степень и уровень межъязыковых контактов, а также выявить процесс возникновения позднейших новообразований в диалектах казахского языка.

Многое дали нам опыт составления диалектологического атласа русского языка⁴, статьи русских языковедов⁵, а также сборники, посвященные изучению языка методами лингвистической географии⁶. Существенную помощь в работе оказало изучение диалектологического атласа тюркских языков, принципы составления которого были изложены в ряде статей⁷.

Сотрудниками отдела диалектологии составлены 254 лингвистические карты, из которых 132 отражают фонетические, 100 — лексические и 22 — грамматические явления. К картам прилагаются различные указатели, перечни, облегчающие пользование атласом. Атлас уточняет классификацию говоров южной группы. Дальнейшая работа над составлением очередных его томов, несомненно, даст ценный материал для выяснения диалектного состава казахского языка, поможет в деле окончательной классификации казахских говоров, выявления переходных говоров. С помощью лингвогеографического анализа будут уточнены отличительные особенности диалектов и говоров. Лингвистические карты по-

⁴ Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1957.

⁵ Р. И. Аванесов, С. Бернштейн. Лингвистическая география и структура языка. М., 1958; Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин. Диалектологический атлас русского языка. — «Русский язык в школе», 1947, № 5; В. Г. Орлова. К вопросу об интерпретации изоглосс. — «Вопросы языкознания», 1961, № 1; О. Н. Мороховская. К вопросам картографирования диалектных различий в области фонетики. — В кн.: «Славянское языкознание». Сб. статей. М., 1959.

⁶ Вопросы теории лингвистической географии. М., 1962; Немецкая диалектография. Сб. статей. М., 1955; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М., 1970.

⁷ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы языкознания», 1963, № 6; Н. А. Баскаков, Л. А. Покровская. О подготовке общетюркского лингвистического атласа. — «Пятое совещание по вопросам диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов». Баку, 1965; М. Ш. Ширалиев. Диалектологический атлас азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960; Г. Бакинова. О принципах составления атласа киргизских говоров. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968; Н. Б. Бурганова, Л. З. Залый. О принципах диалектологического атласа татарского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Казань, 1960; Х. Данияров, Р. Кунгуров. Некоторые вопросы лингвистической географии. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968; Б. Джуроев. О состоянии составления диалектологического атласа узбекского языка. — «Пятое совещание по диалектологии тюркских языков». Баку, 1965; М. И. Исламов. Из опыта составления диалектологического атласа азербайджанского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. IV. Баку, 1966; В. В. Решетов. О диалектологическом атласе узбекского языка. — «Второе региональное совещание по диалектологии тюркских языков. Тезисы докладов». Казань, 1958; Л. П. Сергеев. Из опыта применения картографического метода при изучении чувашского языка. — «Пятое совещание по диалектологии тюркских языков». Баку, 1965.

кажут степень и характер взаимодействия казахского языка с соседними языками, зафиксировывают и определяют распространение диалектно-литературных дублетов, вариантов на территории южной группы говоров, что будет способствовать нормализации лексики казахского литературного языка. Атлас поможет устранить диалектизмы в устной речи учащихся. Карты дают богатый материал для обобщающей характеристики южной группы говоров.

Данные лингвистической географии подтвердили ранее высказанное мнение С. Аманжолова и Ж. Доскараева о необходимости выделения южных говоров в самостоятельный диалект. Действительно, говоры жителей Алма-Атинской, Джамбульской, Чимкентской областей имеют много общих черт.

Лингвогеографическое изучение способствовало уточнению дифференцирующих признаков говоров южной группы, имеющих решающее значение при выделении южного диалекта.

К дифференцирующим признакам говоров южной группы относятся: 1) глагольная форма желательного наклонения на -sañşy/-señşi : ba-sañşy 'пойди же', k'elseñşi 'приди же'; 2) глагольная форма повелительного наклонения на -гүп/-gin, -куп/-k'in : baгүп 'иди', k'elgin 'приди'; 3) сохранение некоторых согласных звуков в составе ряда слов, например, күтүп вместо күман 'сосуд в форме кувшина', 'рукомойник', суға-гу вместо суагу 'орошать', eñteñk'e вместо eñteñe 'ничего', birdeñk'e вместо birdeñe 'что-то', baramaj вместо bara [a]lmaj 'не мог пойти' и др.; 4) соответствия l/d в словах таңлај вместо таңдај 'небо', түңлүк' вместо түндүк' 'отверстие в верхней части юрты' и др.; 5) преимущественно мягкое произношение целого ряда слов, которые в других говорах произносятся твердо, например: tirnek'tep žiu вместо tygnaktap žiu 'собирать по круплицам', äppäk вместо appak 'чистый' и др.

Что же касается группирования говоров внутри южного диалекта, то это потребует дополнительной работы. Заметим лишь, что язык жителей Джетысуйской территории характеризуется единообразием. На территории Джетысу гораздо меньше чересполосиц и изоглоссных линий, по сравнению с территорией Чимкентской области. Например, формы желательного наклонения barsañşy, kelseñşi употребляются на всей территории Джетысу, а в Чимкентской области наряду с параллельным употреблением форм barsañşy||barsajşy зафиксированы островки с преобладанием употребления формы barsajşy, характерной для всей западной и центрально-северной полосы. На территории Джетысу повсеместно наблюдается употребление слова sata 'чайный отвар', в то время как говор Чимкентской и части Қзыл-Ординской областей пестрит вариантами šamba||šämbell|säme||šämbi, название сохи в говоре Джетысу также отличает эту местность от других территорий распространения южного диалекта. В Джетысу соху называют tisayaş, в Чимкентской же и Қзыл-Ординской областях — žegaş.

Лингвистические карты наглядно показывают степень влияния соседних языков на казахские говоры. Благодаря лингвогеографическому исследованию удалось установить границы распространения тех или иных заимствованных слов в области узбекско-казахских, уйгурско-казахских языковых контактов. Интересно отметить, что эти заимствования различны по глубине распространения, поэтому и их изоглоссы имеют разную протяженность. Встречаются заимствования, охватывающие лишь незначительную, периферийную часть соприкасающейся территории. Например, изоглоссные линии таких заимствований из узбекского языка, как ajuap вместо senek' 'передняя, сени', aukat вместо tamak 'пи-

ща', тауа вместо пауау 'родственник по материнской линии' и др., охватывают незначительную территорию Чимкентской области и к северу постепенно убывают.

Но есть изоглоссы, далеко продвинувшиеся в глубь территории южного диалекта, отражающие, например, такие генеральные явления, как еге вместо ie 'хозяин', azanda вместо таңертең 'утром' и другие, имеющие широкий диапазон распространения и охватывающие территории нескольких областей.

Интересно, что пестрая картина получается при картографировании названий тех реалий, которые сравнительно недавно вошли в быт казахского народа. Традиционные диалектные явления такой пестроты не дают. Например, древние традиционные диалектные явления k'ese — kāsā 'чашка', бағуут бағ вместо бағуут k'eledi 'хочу пойти', күдауау — күдауу 'сваха', там 'дом' и там 'могила' и т. д. позволяют условно разделить территорию Казахстана на две части. Это нашло свое отражение и в региональном атласе: в зонах вибрации, на стыке южных говоров с западными и восточными говорами, вариант таңдај является преобладающим, в то время как вариант таңлај употребляется на всей территории распространения южного диалекта.

Карты показали, что большая стабильность расселения казахских племен во времени характеризуется большим совпадением этнических и диалектных линий. Напротив, чем сильнее было смешение и миграция племен, тем более пестро выглядит диалектологическая карта казахского языка «Изоглоссы диалектных явлений... представляют отложения языковых сношений между общественными коллективами. Они объединяют языковые коллективы и разграничивают одновременно, свидетельствуя о границах общения, относящихся к разному времени. Каждая изоглосса или группа изоглосс требует интерпретации в свете исторической судьбы данного языкового и социального коллектива»⁸.

Лингвогеографические данные показали, что изоглоссные линии отдельных признаков, представляющих собой дифференцирующие особенности, дают возможность ввести разграничения между южными и другими диалектами. В некоторых случаях изоглоссы совпадают, а в некоторых перекрывают друг друга. Однако расстояния между последними изоглоссами не настолько велики, чтобы охватываемые ими ареалы утратили характеризующие их дифференцирующие особенности. Перекрывающие друг друга изоглоссы концентрируются в отдельный пучок, образующий на определенной диалектной территории «зону вибрации». Картографирование выявило наличие закономерности в расположении отдельных изоглосс и их пучков. Карты показали, что на окраинах южных групп говоров имеется несколько небольших территорий с внутренне-переходными и внешне-переходными говорами. Многие изоглоссы, южные по своему происхождению, на западе обрываются на территории Қзыл-Ординской области, то есть в зоне вибрации. Карты показали также, что районы Қзыл-Ординской области характеризуются взаимоналожением, концентрацией пучков изоглосс, частично или полностью совпадающих между собой. Это — зона вибрации, разделяющая два крупных диалектных массива: южные и западные группы говоров. Для этой зоны характерны элементы как южных, так и западных групп говоров, и в ней не находят яркого выражения чисто местные языковые явления. Сказанное можно отнести и к северной части территории Талды-Курганской области, также богатой пучками изоглосс. Конечно, не все изоглоссные явле-

⁸ В. М. Жирмунский. О диалектологическом атласе тюркских языков Советского Союза. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе, 1968, стр. 20.

ния приводят к образованию изоглоссных пучков. Имеются изоглоссы, очерчивающие индивидуальные границы, и в одних случаях обрывающиеся раньше изоглосс, образующих пучки, а в других — перекрывающиеся их границы. Карты показали, что пучки изоглосс больше всего образуются на стыке внутренне-переходных и внешне-переходных говоров. Следует отметить, что говоры внутренне-переходные, промежуточные, междиалектные образуют самостоятельные говоры, но не на базе местных признаков или чисто локальных явлений, отсутствующих в соседних говорах, а благодаря смешению диалектов, параллельному употреблению форм, характерных для двух, реже — трех диалектных групп. Что же касается внешне-переходных говоров, межъязыковых диалектов, то они под влиянием соседних языков образуют самостоятельные говоры. Большинство изоглосс в таких случаях носит периферийный, маргинальный характер и имеет узко-локальную сферу распространения. Карты показали, что картографируемые явления распространены неодинаково. Некоторые из них характерны для всей территории южных групп говоров, другие — для отдельных ее частей. Большинство явлений этого типа относится либо к дифференцирующим признакам южных групп говоров, либо к общим и для соседних инодиалектных говоров, например: *koğaz* 'петух', *azanda* 'утром', *bağum bar* (*bağum k'eledi*) 'хочу пойти'; явление оглушения начального звонкого *b* в ряде слов: *paluan—baluan*, *polat—bolat barsañşy* 'пойди же' и др. Подобные явления обрываются в зонах переходных говоров на территории Кызыл-Ординской и Талды-Курганской областей. Следует различать явления, распространенные на всей территории южных групп говоров и на территории смежных с ней переходных говоров. Явления этого типа не дают никаких изоглоссных линий в зонах вибрации и проникают значительно дальше, на инодиалектную территорию. Это в первую очередь касается литературных форм, распространенных и на территории западных или восточных групп говоров. Например, сочетание *kajta keldi* 'пришел обратно', употребляющееся на всей территории южного диалекта, не дает изоглоссных линий на картах. К таким явлениям можно отнести и литературную глагольную форму *bağaly otır* (ср. диалектную форму *bağajy otır*) 'собирается пойти'. Имеются явления, локализованные на половине или на большей части картографируемой территории, разделяющие ее на две или несколько частей. К ним относятся *sama — same — šama — šambe* 'чайный отвар', *mojunağas — k'üjente — äpki's* 'коромысло', *žügeri — bogmi — k'ömbe* 'кукуруза' и др.

Существуют явления, распространяющиеся на незначительную часть картографируемой территории. Их изоглоссы охватывают несколько районов или одну из южных областей Казахстана. Например, *k'äduilgi||k'ädimgi* 'настоящий', *tağa* вместо *pağaşy* 'родственник по материнской линии' и др.

Карты показали, что территории, охватываемые лексическими изоглоссами, более дробны, нежели — фонетическими и грамматическими. Отметим, что дробность более характерна для явлений позднейшего происхождения.

Как известно, лингвистический ареал не может быть очерчен границами государственного и административного деления. Поэтому мы старались найти и картографировать продолжения лингвистических изоглосс на соседних территориях. Среди картографируемых явлений есть распространяющиеся за пределы Казахской ССР. Из их числа следует выделить явления, изоглоссы которых продолжают на иноязычной территории. Это так называемые «межъязыковые общне изоглоссы». Например, соответствие *l/d* в словах *tañlaj*, *tañlaj*, характерное для южных

групп говор, имеет место и в узбекском литературном языке (таҗ-лај, таҗлај). Но есть и такие явления, изоглоссы которых не находят продолжения на территории распространения соседних родственных языков, но охватывают районы граничащих республик с казахским населением. Это наиболее часто встречающийся тип изоглосс.

Дальнейшая работа над атласом поможет разрешить ряд спорных вопросов казахской диалектологии. Уже сейчас в процессе работы над диалектологическими картами возник ряд вопросов, ждущих своего решения. Так, например: совпадают ли ареалы диалектных явлений с территорией племенного расселения казахов; в какой степени характер изоглоссных линий зависит от границ расселения племен?

Ждут своего объяснения и пестрота изоглоссных линий на лингвистических картах, и наличие инодиалектных островков в пределах однородного диалектного массива. Необходимо выяснить, почему лексический материал характеризуется большей дробностью, нежели грамматический и фонетический. Особую сложность представляет вопрос о причинах чересполосицы, приводящей к пестроте диалектологических карт.

Н. Х. ДЕМЕСИНОВА

ИЗУЧЕНИЕ БЕССОЮЗНОГО СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение сложного предложения в казахском языкознании имеет сравнительно небольшую историю.

В первые послереволюционные десятилетия работы по языку носили в основном прикладной характер. И лишь с 50-х гг. начинается подлинно научное исследование синтаксического строя казахского языка. Работа лингвистов в этом направлении активизировалась после координационного совещания, посвященного вопросам глагольного вида и проблемам сложноподчиненного предложения в тюркских языках, которое проходило в 1956 г. в Алма-Ате.

За этот сравнительно небольшой срок в казахском языкознании создано довольно стройное учение о синтаксисе сложного предложения, у истоков которого стояли языковеды Х. К. Жубанов, Н. Т. Сауранбаев, С. А. Аманжолов, М. Б. Балакаев, А. И. Искаков.

Опираясь на теоретические исследования крупнейших советских тюркологов, казахские ученые на основе конкретных языковых фактов разработали многие проблемы синтаксиса сложноподчиненного предложения, в том числе вопросы грамматической природы компонентов, обязательности или необязательности отдельно выраженного подлежащего в каждом компоненте, возможности употребления глагольно-именных форм в функции сказуемого придаточного предложения, основных критериев выделения придаточного предложения, определения его функций и т. д.

Отметим, что в настоящее время по многим из этих вопросов наши ученые пришли к единому мнению. Это касается, в частности, классификации конструкций с развернутыми членами, которые отнесены к простым предложениям¹, например:

Бұл зерттеуде біз білмейтін көп жаңа деректер бар екен («Жұлдыз», 1971, № 5) 'В этом исследовании много новых фактов, которых мы не знаем'.

При этом была устранена путаница, возникавшая иногда в разграничении простого и сложного предложений. Указанные конструкции весторонне исследованы К. Есеновым, который выделил их в особый вид, что способствовало более целенаправленному изучению грамматической структуры сложноподчиненных предложений.

¹ См.: М. Балакаев, Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959; М. Балакаев, Т. Қордабаев. Қазіргі қазақ тілі. Синтаксис. Алматы, 1961; Қазақ тілінің грамматикасы, II. Синтаксис. Алматы, 1967.

Установившись в казахском языкознании общее представление о сложноподчиненном бессоюзном предложении и взаимоотношении его компонентов соответствует пониманию природы и сущности этих конструкций в современном языкознании. Так, компоненты бессоюзного сложноподчиненного предложения рассматриваются как неразрывно связанные между собой части единого целого, составляющие тесное структурно-семантическое единство. Особо подчеркивается, что не только придаточное предложение без главного является несамостоятельным и неполным, но и главное предложение не может быть полным и завершенным без придаточного². В сложноподчиненной конструкции придаточное зависит от главного в формальном отношении, а главное от придаточного — в смысловом.

Вопрос о том, сохраняют ли компоненты сложноподчиненного предложения признаки предложения, также получил единое решение. Синтаксисты пришли к выводу, что части сложноподчиненной конструкции сохраняют основные признаки предложения³, хотя, естественно, и отличаются от отдельных, самостоятельных предложений, характеризующихся смысловой и интонационной завершенностью. Лишь детальное исследование грамматической природы обских компонентов в их смысловой взаимосвязи может помочь правильно понять структуру сложноподчиненного предложения.

Сказуемое придаточного предложения считается организующим центром сложноподчиненной конструкции. Поскольку в казахском языке нет подчинительных союзов, связывающих придаточное с главным (кроме факультативно употребляющегося союза *eгер*), их функцию выполняет сама форма сказуемого придаточного предложения. Это делает необходимым глубокое и всестороннее изучение всех форм выражения сказуемого в различных видах придаточных предложений. Как показывают наблюдения, в языке со временем возникают не только новые, разнообразные формы выражения сказуемого придаточного предложения, но часто и определенная форма сказуемого, передающая первоначально одно значение, в дальнейшем, возможно, и некоторые другие значения. Постепенно развивающаяся многозначность определенной синтаксической формы указывает на грамматикализацию ее, что, по-видимому, естественно в условиях характерного для казахского языка отсутствия союзов. Круг значений, выражаемых данной формой сказуемого, постепенно расширяясь, приводит к потере этой формой конкретного значения, и она становится неким грамматикализированным средством связи компонентов сложноподчиненного предложения. Расширение значения, выражаемого формой условного наклонения глагола, отмечено Г. А. Абдурахмановым в узбекском языке. То же самое происходит со сказуемыми придаточных предложений, выраженными причастиями в форме местного падежа. Кроме первоначального временного значения, они широко употребляются и для выражения значений условия, причины и др. Например, *Америка Құрама Штаттарың еске алып, ондағы Нью-Йорк қаласын атағанда, жырақтан көп жайы оқшау, өзгеше сезілетін кесек бір келісім осы аэропорттың өзінен аңғарылғандай* (М. Ауэзов) 'Если, вспоминая Америку,

² Қ. Есенов. Қазіргі қазақ тіліндегі шартты және қарсылықты бағыныңқы сөйлемдер. Алматы, 1969, стр. 178; см. также: Қазақ тілінің грамматикасы, II, стр. 192.

³ М. Б. Балакаев. Выступление на координационном совещании по проблемам глагольного вида и сложноподчиненного предложения в тюркских языках, 24—27 сентября 1956. — В сб.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 219; Қ. Есенов. Указ. раб., стр. 172; Т. Р. Қордабиев. Құрмалас сөйлем. — В кн.: Қазақ тілінің грамматикасы, II, стр. 147.

говорить о Нью-Йорке, то уже здесь, в этом аэропорту, можно найти нечто особенное, отличающееся от всего нам привычного⁴.

Постепенное развитие других значений этой формы на фоне основного временного значения хорошо показано в работе Т. Р. Кордабаева⁴, который привлек материалы письменных памятников XV-XVIII вв. Однако это явление требует глубокого исследования и подтверждения на фактах различных стилей современного литературного языка, ибо образование новых значений форм сказуемого в придаточных предложениях является продуктом более позднего времени и обусловлено развитием литературного языка.

В казахском языке пока еще недостаточно исследован ряд вопросов, относящихся к проблеме сложноподчиненного предложения.

Требуется уточнения статус подлежащего в сложноподчиненном предложении. Многие лингвисты признают необходимость отдельно выраженного подлежащего в обоих компонентах сложноподчиненного предложения, однако не отрицается и возможность употребления в определенных случаях общего подлежащего. На практике это может привести к смешению простых предложений с однородными членами и сложноподчиненных конструкций. Например, простое предложение *Енді он минут кешіккенде атқа да мініп улгермейді екенбіз* (Х. Есенжолов) квалифицируется с этих позиций как сложноподчиненное с придаточным времени.

Между тем наличие отдельно выраженного подлежащего в каждом компоненте сложноподчиненной конструкции совершенно необходимо⁵, так как части такой конструкции, как известно, считаются сохраняющими основные признаки предложения, а любое предложение должно иметь свое подлежащее и сказуемое (за исключением безличных предложений).

Не нашел своего полного решения вопрос о видах придаточных предложений. В настоящее время некоторые виды предложений характеризуются разными учеными по-разному. Например, предложения типа *Ол кітап оқып, мен хат жаздым* 'Он читал книгу, я писал письмо' одни ученые считают сложносочиненными по смыслу и сложноподчиненными по форме, другие — сложносочиненными. Если же принять за основу несамостоятельность формы сказуемого, то данное предложение можно рассматривать и как сложноподчиненное. Однако компоненты этого сложного предложения независимы друг от друга. В смысловом отношении — значения, выражаемые ими, равноправны и равноценны, будучи только соотносенными во времени. Поэтому предложения такого типа К. Есенов предлагает выделить в особый вид — сложноподчиненное соотносительное⁶.

В современном казахском языке встречаются и такие сложноподчиненные предложения, которые нельзя отнести ни к одному из уже выделенных типов, например: *Жастық деген не десе, жарқыраған нұр деуші ем* (Г. Мустафин) 'Если спрашивали, что такое молодость, я говорил — это сияние лучей'. В этих предложениях не придаточное поясняет главное, как это обычно бывает, а наоборот, главное употребляется для раскрытия значения придаточного предложения. Учитывая такую особенность смысловых взаимосвязей компонентов, К. Есенов выделяет указанные предложения в особую группу — сложноподчиненное пояснительное⁷.

⁴ Т. Р. Қордабаев. Тарихи синтаксис мәселелері. Алматы, 1965, стр. 27, 29, 171, 237.

⁵ Қ. Есенов. Указ. раб., стр. 37.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 39.

В настоящее время на основе более углубленного изучения смысловых взаимосвязей компонентов выделены следующие виды сложноподчиненного предложения в современном казахском литературном языке⁸:

- 1) сложноподчиненное предложение с придаточным условным;
- 2) сложноподчиненное предложение с придаточным уступительным;
- 3) сложноподчиненное предложение с придаточным времени;
- 4) сложноподчиненное предложение с придаточным образа действия;
- 5) сложноподчиненное предложение с придаточным причины;
- 6) сложноподчиненное предложение с придаточным цели;
- 7) сложноподчиненное предложение пояснительного типа;
- 8) сложноподчиненное предложение соотносительное.

В языке находят употребление и другие сложноподчиненные предложения, не относящиеся ни к одной из этих групп. Все это говорит о необходимости дальнейшего изучения проблемы сложноподчиненного предложения с возможно более полным охватом фактического материала из различных стилей литературного языка и из устной разговорной речи.

⁸ См.: Қазақ тілінің грамматикасы, II, стр. 195.

А. ХАФИЗОВА

«КЕЛУРНАМЕ» МУХАММЕДА ЯКУБА ЧИНГИ

Как свидетельствуют историко-литературные памятники, во времена правления бабуридов (XVI—XVII вв.) староузбекский язык, наряду с урду и персидским, играл заметную роль в развитии литературы и искусства Индии.

Тюрки (так этот язык называли его носители) не стал официальным языком империи бабуридов. Для жителей Индии он был чуждым, с трудом воспринимаемым. Джавахарлал Неру писал: «Моголы были чуждым элементом и чужестранцами в Индии»¹.

Однако тюрки — выходцы из Средней Азии, естественно, старались сохранить свой родной язык. Их самые сокровенные мысли и чувства нашли выражение в созданных ими на тюркском языке литературных произведениях.

Сам Бабур — один из основоположников литературных традиций в Индии — большинство своих сочинений писал по-староузбекски. Примечательно, что, живя в Индии и являясь ее правителем, он создал диван газелей на родном языке².

В предисловии к французскому изданию «Бабурнаме» переводчик А. Паве Куртейль, упоминая о мотивах, побудивших Бабура писать на тюркском языке, подчеркивал: «Господствовавшим тогда направлением было стремление сохранить национальную самобытность, что побуждало некоторых писателей противодействовать всеми силами вторжению иностранного языка; преследовалась также цель сделать произведение доступным читателю недостаточно образованному»³.

Сыновья Бабура Хумаюн Мирза и Камран Мирза продолжили его традиции. Они писали стихи на тюрки и участвовали в поэтических состязаниях. В «Хумаюннаме», автором которой была дочь Бабура Гульбадан бегим, также встречаются фразы и целые абзацы на тюрки.

Турецкий адмирал Сейди Али Раис, в совершенстве владевший языком тюрки и писавший стихи на этом языке, в своей книге «Миратул Мамолик» отмечает, что «при Хумаюн Мирзе среди дворцовой знати был распространен чагатайский язык и часто проводились поэтические вечера на чагатайском языке»⁴. По свидетельству того же Сейди Али

¹ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 252.

² А. С. Азимджанова. Индийский диван Бабура. Ташкент, 1966.

³ Государственный архив УзССР, фонд 1009, дело 106. Разные материалы, 1871 г.

⁴ Сейди Али Раис. Миротул Мамолик. Ташкент, 1963, стр. 33.

Ранса, каждое послание правителей вилайатов Хумаюн Мирзе сопровождалось несколькими строчками стихов на староузбекском языке⁵.

При внуке Бабура Акбаршахе староузбекский язык, хотя уже не пользовался таким влиянием, как при Бабуре и его сыновьях, однако не был и предан забвению. Перевод «Бабурнаме» на персидский язык, осуществленный в период правления Акбаршаха, доказывает, что в Индии в то время были люди, прекрасно владевшие староузбекским языком⁶.

Последний бабурид Абу Музаффар Мухиддин Аурангзеб Аламгир, в отличие от своих предшественников, уделял много внимания возрождению и развитию староузбекского языка. Он же впервые сделал родной язык государственным языком. Фирман, составленный по велению Аурангзеба и переданный в 1696 г. русскому послу Семену Маленькому, был написан на староузбекском языке⁷.

Именно в этот период одним из придворных ученых — Мухаммедом Якубом Чинги и был составлен староузбекско-персидский словарь «Келурнаме»⁸.

В предисловии, написанном на персидском языке, автор указывает, что идея создания словаря принадлежит самому шаху Аурангзебу. В стихотворной оде на староузбекском языке, посвященной Аурангзебу, автор благодарит правителя за покровительство наукам и искусству и прославляет его ученость.

В предисловии автор говорит о причинах составления словаря: «...здесь собрано то, что было сохранено в памяти Вашего покорного слуги о языке тюрки, и приведены некоторые грамматические правила и слова, дабы читающие могли их понять и использовать»⁹.

Известны два списка «Келурнаме». Один из них хранится в рукописном фонде Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР под № 5052¹⁰, второй — в Британском музее¹¹.

В 1927 году в журнале «Маориф ва укигучи» А. Захири привел извлечение из «Келурнаме» по списку, находившемуся в личной библиотеке его друга¹².

⁵ Сейди Али Раис. Указ. раб., стр. 82.

⁶ Там же, стр. 48.

⁷ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958.

⁸ Краткие сведения о «Келурнаме» даны в следующих работах:

ملی تبعلر مجموعہسی، استانبول، ۱۳۳۱، ص 1—2، 207—213
یونس جان دادہ محمد اوغلی آغالیق فی جہتہن «سارت»
سوزی، «شورا» ۱۹۱۵، ص 40—47، 9—10 ع. زہری «کیلورنامہ»
«معارف وہ عوقیتغوجی»، 1927 تاشکند، ص 40—47

ب، چویانزادہ، تورک دیلی و ادبیاتینیکی تدریس اصولی، باکو، 1926 ص 210
С. Зуфаров. «Келурнома». — «Узбек тили ва адабиёти масалалари», 1961, № 3, стр. 54—55; А. М. Шербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 56; С. А. Азимджанова. Указ. раб., стр. 77—81; Ш. Қариев. О труде Мухаммеда Якуба Чинги «Келурнаме». — «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 9, стр. 58; А. Хафизова. «Келурнома» лексикасига доир. — «Узбек тили ва адабиёти», 1968, № 5, стр. 68—71; ее же. «Келурнома»да замон формаларининг берилиши. — «Узбек тили ва адабиёти», 1971, № 6, стр. 72—75.

⁹ Рукописный фонд ИВ АН УзССР, инв. № 5052, стр. 2.

¹⁰ Собрание Восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР (каталог), т. I. Ташкент, 1952, стр. 128.

¹¹ См.: Catalogue of the turkish manuscripts in the British Museum by Charles Rieu. London, 1888, стр. 268.

¹² Е. Зәһри «Келурнаме» «Мعارف وہ عوقیتغوجی» تاشکند، ۱۹۲۷

بعد اعلیٰ حضرت بعد مس ذرات عرش سیر با صفات باج خواه با جودان تاجستان
 بلند آفرین منظر آثار و کرم اینها جمال اسم اعظم حلقه در گوش افکن بران آفاق
 اوقات آموز سروران با استحقاق کردن شکن منته نشین کند اخذ از کوی برستان
 حمایت کزین ملک علف کردار جهانیان بها ذخیره یو جهان خلیف از زمان ماد شاه تا زمان
 بود خدا اکا ان حق برست و جوشنا سر حق کزین و حقیقت اساس ظل ظلیل حضرت بزوان
 سایه ملک میان صاحب الفتوح و المعازی ابو الطغری الدین محمد عالم گیر بادشاگان
 فخر اصفه شاه سلطنته بنام نامی انحضرت زین و زینت دهد در روح بادشاہ عالم گیر
 الاسام در چینکاشها و عشیک با جوادین از نور و رسیبک نصفتک نشین
 اوز خاگر که اینک دور با ری اینکاخرا پنا اینک دور بهم و همیشه شکتا تابع دور
 بوموز مکافه ای سامع دور سینی قلیدی خدای عالم کر اوز کالادین سبکت
 فاستیکر افقر بو طغری الدین سین اول شایم به سر سوزنگ اکی بولادی ایتم
 سفیک اوزره سی تیشقی بودیم با ری عالمه ای شه اکرم شاه بود و تک
 جهان محمدل او چون سینی بارتی بشکری بذل او چون مصطفی مشرعتی
 تو زوک قیله نیک کفر یو یعنی سین بوزوک قیله نیک داده دن پر و نیک اکی
 خاور لطف اید سینی سا خلاسون داور سینی قلیدی جوشکری اعظم شاه
 که عظیمه نیکه الدی بار چایناه سین بکم الدین شایم صفیک بار چادیر لاری
 خلق و صفیکنی هر زمان دیر لار دست و بازو نیکه افرین دیر لار یوزو نیکه افرین
 رحمت کوزو کونما بار چادین با دور رحمت جان عالم سین و جمالیکنه سن دو کنگدا
 شها که ادرین خزان لطفونکه ای نو ادرین قیله یوقوب او مشهوره
 تام ال و اصحاب اول شی کا سلام هرست ابواب کیطور نامه که انچه زمان ترکی
 بخاطر ضعف رسیده از اجمع نموده تا از برای مبدمان بخاریه و از خواندن
 در اصلاح ترکی به بعضی قاعده و لغت بی پرند و کمره گیره جمله بازده باب و سید
 و جهل و فصل است و در هر فصل با زود ضیف که مصدر و ماضی و استقبال و امر و نای
 و مکات بقس تکلم و اجواها باشد باب اول مثل است بر نود و فصل باب دوم مثل
 برنت و یک فصل باب سوم مثل است بر نود و فصل باب چهارم مثل است بر نود
 فصل باب پنجم مثل است بر نود و فصل باب ششم مثل است برنت و فصل باب هفتم
 مثل است بر نود و فصل باب هشتم مثل است بر نود و فصل باب نهم مثل است بر نود و فصل

Отмечая значение этого труда как важного литературного источника. А. Захири ставит его в один ряд со словарем Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит тюрк». Конечно, «Келурнаме» намного меньше по объему и уступает «Дивану» по содержанию. Однако со словарем Махмуда Кашгари «Келурнаме» сближает его лексический состав, включающий исконно тюркские слова, такие, как *ügmäk'* (7^a) 'восхвалять' (МК¹³, I, 84), *janpak* (13^b) 'возвращаться' (МК, III, 72), *aʷuglamak* (9^a) 'угостить' (МК, I, 293), *čuyā* (j) (36^a) 'бедный', 'бедняк' (МК, III, 257), *singäk'* (34^a) 'глиняный кувшин' (МК, III, 377), *купүүг* (35^a) 'слепой' (МК, III, 374), *utyng* (35^b) 'острый' (МК, III, 25), и многие другие, которые ни в прозаических, ни в поэтических произведениях XVII в. мы не находим.

Как известно, при дворе бабуридов служили выходцы из Средней Азии, Турции, Афганистана, Ирана, владевшие различными тюркскими языками и диалектами.

Можно полагать, что Мухаммед Якуб Чинги при составлении словаря исходил из языков тюркского населения Индии. Этим объясняется, в частности, обилие в словаре синонимов из разных диалектов узбекского языка.

Словарь состоит из 15 глав, которые в свою очередь делятся на разделы. В 14 главах рассматривается более 400 глаголов тюркского происхождения. Глаголы представлены в форме инфинитива на *-так!* *-тау*, а также в формах прошедшего времени (простое прошедшее, прошедшее результативное и преждепрошедшее), настоящего-будущего времени и будущего времени на *-г* (эта форма переводится на персидский язык будущим категорическим временем). Временные формы даны в положительном и отрицательном аспектах. Например: *ititmau* 'точить', *ititti* 'точил', *ititiptur* 'выточил', *ititar* 'поточит', *ititibedi* 'поточил', *ititadur* 'точит', *ititmadı* 'не точил', *ititmaptur* 'не выточил', *ititmas* 'не поточит', *ititmabedi* 'не поточил', *ititmajdur* 'не точит', *itit* 'точи', *ititma* 'не точи', *ititarbiz* 'поточим', *ititmasbiz* 'не поточим'.

Если лексический состав «Келурнаме» в целом отражает различные этапы развития семантики слов, то глагольные формы близки к современному узбекскому языку. Встречающиеся в «Келурнаме» глагольные формы на *-p+tur*, *-b+edi*, *-a(j)+dur* представляют собой переходные формы временных показателей современного узбекского языка, которые восходят к полной форме *-p+turur/-durur*, *-p+erdi*, *-a(j)+turur/-durur*¹⁴.

Последняя глава словаря состоит из девяти тематических разделов:

- 1) космография: *kök* 'небо', *k'ünäs* 'солнце', *ıldугум* 'молния', *čibär* 'мелкий дождь';
- 2) географические понятия: *jer* 'земля', *čak'* 'песок', *tingiz* 'море', *äläng* 'возвышенность';
- 3) названия домашних и диких животных: *buуған* 'двугорбый верблюд', *атап* 'одногогорбый верблюд', *uj* 'бык', *arslan* 'лев', *kaban* 'кабан';
- 4) названия птиц: *čaj* 'коршун', *тахакү* 'курица', *анкуб* 'красная утка';
- 5) названия частей и органов человеческого тела: *taban* 'пятка', *ik'ti* 'плечи', *aja* 'ладонь', *baуғ* 'печень', *k'öküs* 'грудь', *sakak* 'щека';
- 6) термины родства: *uluу* 'дед', *uluу ana* 'бабушка', *ača* 'мать', *aya* 'старший брат', *abaуa* 'дядя';

¹³ Махмуд Кашгарий. Девону лугатит-турк. Тошкент, 1960—63, тт. I—III.

¹⁴ Ш. Шукуров. История развития глагольных форм узбекского языка. Ташкент, 1966.

7) названия оружия и доспехов: tubazy 'палица', bašak 'острие копья', hat 'шлем', kugimsak 'колчан';

8) числительные;

9) местоимения, наречия, союзы и суффиксы.

Исследование словарного состава «Келурнаме» имеет важное значение для изучения словарных богатств староузбекского языка, а также для критического сопоставления средневековых и современных словарей. Например, в словарях В. В. Радлова, Л. З. Будагова и современных казахско-русском и киргизско-русском словарях слово oğaz переводится как «счастье», однако ни в одном историческом памятнике слово oğaz в этом значении не встречается. В «Келурнаме» это слово переведено на персидский язык как «лев».

Весьма вероятно, что именно в «Келурнаме» значение слова oğaz указано правильно, поскольку употребление в качестве мужских имен названий животных для тюркских народностей является обычным, а имя «Ураз» довольно распространено среди тюркского населения.

Многие слова, зафиксированные в памятнике, стали уже архаичными для современного узбекского литературного языка, в то же время их можно встретить в различных диалектах узбекского языка, например: jazuk (36^б) 'грех' (в хорезмском диалекте jazyk¹⁵); jaban (36^б) 'степь' (в хорезмском диалекте javan¹⁶, в бухарском диалекте jovon¹⁷); jalun (33^б) 'огонь' (в хорезмском диалекте jalun¹⁸); jazna (35^б) 'муж сестры', 'зять' (в хорезмском диалекте jännä¹⁹, в бухарском диалекте jazna²⁰, в кашкадарьинском диалекте jäzdä²¹); kugruč (36^б) 'кирпич' (в хорезмском диалекте k'ärvuč²², в кашкадарьинском — kugruš²³); kaban (34^б) 'кабан' (в хорезмском диалекте kaban²⁴); kuyruğ (35^а) 'слепой' (в хорезмском диалекте kujtag — 'косой'²⁵); tañlaj (35^а) 'лоб' (в хорезмском диалекте tañlaj²⁶, в андижанском диалекте tañläj²⁷); söngäk' (35^а) 'кость' (в хорезмском диалекте söngäk'²⁸, в андижанском диалекте söngäk'²⁹); čaj (34^б) 'коршун' (в Хорезме — čaj³⁰); buğra (34^а) 'двугорбый верблюд' (в хорезмском диалекте buğra³¹); utunğ (35^б) 'острый' (в кашкадарьинском диалекте uttyk³²); ajä (35^а) 'ладонь' (в хорезмском диалекте äja³³); čurbä (34^б) 'поросенок' (в кашкадарьинском диалекте čülpäk'³⁴); k'unäš (33^б) 'солнце' (в каракульском диалекте gupäš — 'солнечная сторона'³⁵); k'izlän (36^а) 'скройся' (в каракульском диалекте

¹⁵ Ф. А. Абдуллаев. Хоразм шевалари. Тошкент, 1960, стр. 50.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Ўзбек шевалари лексикаси. Тошкент, 1966, стр. 319.

¹⁸ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 51.

¹⁹ Там же, стр. 52.

²⁰ Ўзбек шевалари лексикаси, стр. 320.

²¹ Б. Жураев. Юқори Қашқадарьё Ўзбек шевалари. Тошкент, 1969, стр. 134.

²² Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 124.

²³ Б. Жураев. Указ. раб., стр. 138.

²⁴ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 58.

²⁵ Там же, стр. 61.

²⁶ Там же, стр. 66.

²⁷ Ўзбек шевалари лексикаси, стр. 280.

²⁸ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 84.

²⁹ Ўзбек шевалари лексикаси, стр. 294.

³⁰ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 95.

³¹ Там же, стр. 105.

³² Б. Жураев. Указ. раб., стр. 134.

³³ Ф. А. Абдуллаев. Указ. раб., стр. 21.

³⁴ Б. Жураев. Указ. раб., стр. 157.

³⁵ Ўзбек шевалари лексикаси, стр. 189.

gizla — 'скрой'³⁶); *luj* (33^с) 'акула' (в хорезмском диалекте *luv* — 'дракон'; кроме того, в монгольском языке *luu žil* означает «год дракона»³⁷).

В последних разделах рукописи наряду с лексикографическим материалом представлены некоторые тюркско-персидские грамматические соответствия. Так, соответственно персидским предлогам, автор приводит падежные показатели узбекских имен. Например, указывается, что падежные аффиксы *-ning*, *-ni* соответствуют персидскому послелогу *-ga*: *muning—inga* 'его', *ani—anga* 'ему' (36^а); аффиксы дательного падежа *-ka*, *-ya*, *-gä*, *-na* выражены предлогом *be* и послелогом *ga*: *munya—be in* 'ему, этому', *anga—anga* 'тому' (36^а); указатель местного падежа соответствует предлогу *där* (36^а); аффикс *-din*, передается предлогом *äz*: *mindin—äzmän* 'от меня' (36^а).

В памятнике указан целый ряд определенно- и неопределенно-количественных числительных: 1 — *ber*, 2 — *ik'i*, 3 — *uč*, 4 — *tört*, 5 — *biš*, 6 — *alty*, 7 — *jeti*, 8 — *sik'iz*, 9 — *tokuz*, 10 — *ön*, 11 — *önbir*, 12 — *önik'i*, 13 — *önuč*, 14 — *öntört*, 15 — *önbiš*, 16 — *önalty*, 17 — *öneti*, 18 — *önsik'iz*, 19 — *öntokuz*, 20 — *jegirma*, 30 — *ötuz*, 40 — *kyrk*, 50 — *ellik'*, 60 — *altmyš*, 70 — *etmiš*, 80 — *sik'sän*, 90 — *töksän*, 100 — *juz*, 1000 — *ming* (35^с); *äsrü* 'много', *äsrüküb* 'очень много', *sansyz* 'бесчисленное множество' (36^а); *butun* 'целый', *jarum* 'половина', *teng* 'равный' (36^с).

Местоимение представлено в «Келурнаме» следующими разрядами:

- 1) личные местоимения: *min* 'я', *sin* 'ты', *ul* 'он', 'она', *biz* 'мы', *siz* 'вы' (36^а);
- 2) указательные местоимения: *bu*, *mun* 'этот', *an* 'тот', *öšan* 'тот самый', *öšu*, *öšbu* 'этот', 'сей' (36^а);
- 3) вопросительные местоимения: *k'im?* 'кто?', *ni?* 'что?', *nima?* 'что?', *kajda?* 'куда?', *kačan?* 'когда?', *kajsy?* 'какой?' (36^а);
- 4) обобщающие местоимения: *bagu*, *bagča* 'все' (36^а).

Среди качественных имен прилагательных выделяются следующие группы:

- 1) слова, обозначающие цвет: *äk* 'белый', *kyzyl* 'красный', *jäšil* 'зеленый', *k'ök'* 'синий', *kağa* 'черный', *ala* 'пестрый', *böz* 'сивый, сероватый' (34^а);
- 2) слова, обозначающие вкусовые качества: *açuу* 'горький', *čičuk* 'сладкий', *tatlyу* 'вкусный', *ik'iš* 'кислый', *taкyг* 'терпкий', *čik'* 'незрелый', *dumlul* 'полузрелый' (34^а);
- 3) слова, обозначающие пространственные или временные отношения: *uzak* 'далекий', *uzun* 'длинный', *kyska* 'короткий', *höš* 'пустой', *k'ing* 'широкий', *tar* 'узкий', *uluу* 'большой', *k'ičik'* 'маленький' (34^а, 36^а, 36^с);
- 4) слова, обозначающие свойства вещей по их физическим признакам: *inčk'ä* 'тонкий', *jučan* 'толстый', *ting* 'равный', *jengil* 'легкий', *aууг* 'тяжелый', *usuу* 'горячий', *savuk* 'холодный' (36^с);
- 5) слова, обозначающие физические качества людей и животных: *jaš* 'молодой', *kaгt* 'очень старый', *saууг* 'глухой', *купууг* 'слепой' (35^с), *sakav* 'заика', *čašu* 'косой', *čötür* 'курносый', *bučuk* 'безносый' (35^а), *simiz* 'толстый', *aguk* 'худой', *čyгаjlyк* 'красивый' (36^с);

6) слова, обозначающие черты характера: *jaxšu* 'хороший', *jataп* 'плохой', *čusaп* 'умный' (36^с);

7) слова, обозначающие общую оценку предмета: *janуу* 'новый', *esk'i* 'старый' (36^с).

³⁶ Узбек шевалари лексикаси, стр. 432.

³⁷ Там же, стр. 350.

Число слов, имеющих четкие лексико-грамматические признаки наречий, в «Келурнаме» сравнительно невелико. К ним относятся все ряды обстоятельственных наречий:

1) наречия времени: k'unduz 'днем', ertä 'завтра', tangla 'рано утром', buk'un 'сегодня', tunak'un 'вчера', uzadk'un 'позавчера', k'eč 'вечером', jaḡumk'un 'полдень' (36^a);

2) наречия места: ustidä 'наверху', astidä 'внизу', bujaka 'сюда', uljaka 'туда' (36^a);

3) наречия пространства: urta(da) 'в середине', urtaaḡa(da) 'в промежутке', ičḡa 'внутри', juḡaḡu 'вверх', kuju 'вниз' (36^a).

В словаре отмечено небольшое количество служебных слов: послелоги učun, begi, nāḡi (36^a); послелоги-имена ald 'перед', art 'зад', ič 'нутри', aḡa 'промежуток', urta 'середина', ustin 'верх', astin 'низ', jaḡi 'бок' (36^a); союзы kim, birlän, birḡär (36^a); недостаточный глагол edi, а также глагольные связки -duḡ, -tuḡ и вопросительная частица -tu.

Н. П. ПЕТРОВ

100-ЛЕТИЕ НОВОЙ ЧУВАШСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

В царской России развитию чувашской письменности чинились всяческие препятствия. В рецензии на книгу В. П. Вишневого «Начертание правил чувашского языка и словарь», изданную в 1836 г., некий Г. Суворцов, например, писал: «При встрече с сочинениями такого рода невольно попадаешь на вопрос: нужно ли писать правила и грамматики для таких языков, изучение которых ничего не может прибавить к массе познаний человеческих, на которых никогда ничего не было писано и которыми говорят небольшие остатки племен малозначительных, ничтожных, коснеющих исстари в грубом невежестве? Не лучше ли предать их совершенному забвению так, чтобы они сами по себе исчезли, наконец, потерялись...»¹. По словам председателя Казанской губернской земской управы Н. Мельникова, «книжки на чувашском языке развивают только сепаратизм и самомнение, крайне не симпатичное и даже вредное...»². Комментировать эти шовинистические и невежественные заявления излишне.

Издание литературы на «инородческих» языках вообще в царской России было делом необычайно трудным. С момента выхода первой печатной грамматики чувашского языка В. Пуцека-Григоровича (1767 г.) по 1867 г. на чувашском языке было издано лишь 20 книг, представлявших собой миссионерские переводы произведений религиозного содержания с русского и старославянского языков. Печатались эти книги с использованием русской графики, в которой отсутствовал ряд знаков, необходимых для передачи специфических фонем чувашского языка, и это обстоятельство серьезно препятствовало развитию чувашской письменности. До неузнаваемости искаженный язык чувашских книг мешал широкому распространению печатной литературы среди чувашей.

Над совершенствованием чувашской графики и нормализацией письменного языка много поработал русский ученый-филолог Н. И. Золотницкий, однако и он не сумел отрешиться от традиционных представлений и с достаточной точностью отразить в предложенном им алфавите фонетическую систему чувашского языка. Эту задачу разрешил И. Я. Яковлев (1848—1930), который вошел в историю чувашской культуры как выдающийся деятель народного просвещения, создатель новой чувашской письменности и основоположник чувашского литературного языка. Еще в 1867 г. в рецензии на книгу Н. И. Золотницкого И. Я. Яковлев писал: «Я полагаю, что для выражения чувашских звуков необходимо составить некоторые условные знаки, без которых нельзя обойтись при

¹ «Ученые записки, изданные Казанским императорским университетом», кн. I, 1837, стр. 137.

² «Казанская газета», 1903, 13 апреля.

выражении чувашских звуков»³. А через четыре года, будучи студентом историко-филологического факультета Казанского университета, И. Я. Яковлев приступил к составлению чувашского алфавита. Его вдохновителем и научным руководителем был профессор Н. И. Ильминский, выступивший за введение начального обучения нерусских народностей на их родном языке.

Определение звукового состава языка является самым существенным и важным моментом работы над алфавитом, требующим экспериментальных подтверждений. Для проведения экспериментов И. Я. Яковлев создал бригаду, в которую вошли студент старшего курса историко-филологического факультета русский В. А. Белилин и ученик крещено-татарской школы чуваш С. Н. Тимрясов. Знание татарского и русского языков позволило Белилину и Тимрясову изучить чувашские звуки в сопоставлении со звуками других языков. После долгих наблюдений над живой разговорной речью жителей Казани и чувашских деревень им удалось с исключительной точностью установить в чувашском языке 8 гласных (*а, э, ы, у, е, ә, и, ү*) и 37 согласных (*б, б', в, в', г, г', ь, ь', д, д', ж, ж', з, з', й, к, к', л, л', м, м', н, н', п, п', р, р', с, с', т, т', ч, х, х', ш,, ш'*) звуков. Дальнейшая работа по составлению алфавита легла на плечи самого И. Я. Яковлева.

Все тюркские народы, исповедовавшие ислам, пользовались арабской графикой. Однако И. Я. Яковлев остался верен сложившейся в чувашской письменности традиции и за основу нового чувашского алфавита принял усовершенствованную Н. И. Золотницким русскую графику.

Первый вариант яковлевского алфавита состоял из 47 знаков и представлял собой русскую фонетическую транскрипцию. Звонкость и глухость обозначались отдельным знаком, мягкость — вертикальной черточкой над буквой. Новый алфавит И. Я. Яковлев использовал при составлении букваря, который был утвержден к печати 15(27) ноября 1871 г. Эту дату принято считать началом введения новой чувашской письменности.

Громоздкость и техническое несовершенство нового алфавита создавали множество практических неудобств. При пользовании этим алфавитом пришлось столкнуться с рядом затруднений, вызванных неучтенными особенностями консонантизма в чувашском языке. По фонетическим законам чувашского языка шумные согласные произносятся исключительно глухо, если они находятся: 1) в абсолютном начале слова, 2) в середине слова перед всеми согласными, включая шумные и сонорные, 3) после шумных согласных, 4) в абсолютном конце слова. Они произносятся звонко, когда находятся: 1) между гласными, 2) между сонорными, с одной стороны, и гласными — с другой.

Попадая в соответствующее фонетическое положение, глухие шумные согласные могут озвончаться и согласно строгому фонетическому принципу требуют обозначения их на письме звонкими буквами, ср.: *ак* 'сеять' — *агать* 'он сеет', *кас* 'резать' — *казать* 'он режет'. Это обстоятельство вынудило И. Я. Яковлева искать новые пути усовершенствования алфавита.

После тщательного ознакомления с различными алфавитами И. Я. Яковлев сократил количество букв до 25: 17 букв (*а, у, ы, е, и, й, л, м, н, р, с, ш, в, к, х, п, т*) выражали общие для русского и чувашского языков звуки, 8 букв, обозначающие звуки *ә, э, ү, л', н', т', т'ш', с'*, пред-

³ «Симбирские губернские ведомости», 1867, номер от 13 мая.

ставляли собой те же русские буквы, но с добавочными значками [ă, ě, ŷ, т; л₁, н₁, т₁, ç]. Буквы, обозначающие звонкие шумные согласные, были исключены, а звонкое произношение шумных согласных подсказывалось фонетическим положением последних. Исходя из закона гармонии гласных, мягкость шумных согласных также не обозначалась особым знаком и передавалась теми же буквами, что и твердые согласные звуки. Это значительно упростило графическую систему. Реакционное духовенство весьма враждебно реагировало на появление яковлевского алфавита. Характерно в этом отношении выступление журнала «Церковно-общественный вестник» (№ 9, 1884 г.), который писал: «Г(осподин) Яковлев выступил деятелем по образованию чуваш с 1870 года. Пылкость молодой натуры, с которой он принялся за дело, была причиною того, что он встал на неправильный путь в инородческом деле. Г. Яковлев в деле образования чуваш задался мыслию чувашский язык сделать языком книжным». Статья заканчивалась риторическим вопросом «...Зачем внушать им (т. е. чувашам. — *Н. П.*), что они — чувашаи и что язык их равен с русским».

В защиту нового чувашского алфавита активно выступил Н. И. Ильминский. Всячески поддерживал И. Я. Яковлева инспектор народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянов. Примечательно, что в 1873 г., получив изданный в Казани «Букварь для чувашей», составленный на основе нового алфавита, И. Я. Яковлев отправил его в Симбирск И. Н. Ульянову. Илья Николаевич тут же ответил ему: «Я получил вчера и экземпляр Вашей книжки. Очень рад за Вас, что она окончилась печатанием, постараюсь употребить с своей стороны возможное содействие распространению ее в чувашских школах»⁴.

Новый алфавит И. Я. Яковлева и изданные им книги были встречены самими чувашами с благодарностью. В 1879 г. на съезде духовенства Цивильского уезда было отмечено, что «орфография (имеется в виду графика. — *Н. П.*) г. Яковлева с кавычками и хвостиками при буквах нисколько не помешали книгам г. Яковлева сделаться самыми любимыми у чуваш; требование чуваш на эти книги постоянно возрастает... и они сделались настольными в каждой чувашской семье, в которой есть хоть мало-мальски грамотный...»⁵.

Алфавит И. Я. Яковлева без каких-либо изменений просуществовал до 1933 г. В советское время в условиях социалистического преобразования общественно-политической и культурно-экономической жизни страны чувашский язык активно пополнялся русскими и интернациональными заимствованиями. Если до революции всякое иноязычное слово подвергалось обязательной фонетической обработке со стороны носителей чувашского языка, то в советское время с ростом культурного уровня населения русские и интернациональные слова стали заимствоваться без изменения их фонетического облика. В связи с этим возникла необходимость дополнить чувашский алфавит всеми буквами русского алфавита. В первые же годы Советской власти были включены буквы *о, ф*, в 1933 г. — *б, г, д, ж, з, ц*, в 1938 г. — *ѐ, щ, э, ю, я, ъ, ь*. Современный алфавит чувашского языка состоит из 37 букв. Он удобен, рационален (хотя его и нельзя считать идеальным), и перед чувашской общественностью никогда не стоял вопрос о его замене.

Создание собственного алфавита явилось подлинной революцией в культурной и общественно-политической жизни чувашского народа. К началу 80-х годов в 54% деревень Цивильского, Чебоксарского и Козьмо-

⁴ «Записки Отдела рукописей Государственной ордена Ленина библиотеки им. В. И. Ленина», вып. 18, 1956, стр. 345.

⁵ *Н. И. Ильминский*. Переписка о чувашских изданиях. Казань, 1890, стр. 22.

демьянского уездов не было ни одного грамотного, а в 1012 деревнях грамотными считались всего 978 человек, из которых многие умели только кое-как нацарапать свое имя.

С введением нового алфавита и усовершенствованием письменности интерес чувашей к книгам на родном языке резко повысился. Уже к 1897 г. грамотность чувашского населения поднялась до 7%, а накануне первой мировой войны достигла 11—12% (среди мужского населения — 18%, среди женского — 4—5%).

С созданием нового, собственно чувашского алфавита открылись возможности для улучшения издательского дела, хотя в условиях царской России издания на «инородческих» языках ограничивались переводами нравоучительной и богослужебной литературы и отчасти учебниками для начальной школы. И. Я. Яковлеву и его соратникам удалось значительно расширить тематику изданий на чувашском языке. Наряду с Библией еще в 80-х годах прошлого века на чувашском языке стали издаваться «Книги для чтения» Л. Н. Толстого, произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Кольцова, Аксакова, Ушинского и др. Издавались учебники по литературному чтению, истории и арифметике. Начиная с 90-х годов появилась специальная литература на чувашском языке: по агрономии, ветеринарии, пчеловодству, санитарии и гигиене и т. д.

Усовершенствование чувашской письменности содействовало зарождению оригинальной художественной литературы. В 1908 г. появилась антология чувашской литературы, впервые были напечатаны классическая поэма К. В. Иванова «Нарспи», баллада М. Ф. Федорова «Леший» и многие другие произведения.

Буквари И. Я. Яковлева представляли собой не только азбуку для начального обучения грамоте, но и хрестоматии по литературе. До революции они переиздавались более тридцати раз. С 1872 по 1917 гг. было издано около 700 книг на чувашском языке.

До И. Я. Яковлева книги издавались исключительно на основе верхового, окающего диалекта, включающего множество говоров, и чувашский литературный язык не имел устойчивых норм. И. Я. Яковлев составил свой первый букварь, основываясь на низовом, укающем диалекте. Для верховых чувашей он хотел издать букварь на окающем диалекте. «Как бы мала ни была разница между наречиями анатри и вириял (т. е. низовых и верховых чувашей. — Н. П.), — писал он в предисловии к первому букварю, — по нашему мнению, для первоначального обучения в школе необходимо составлять учебники на том и другом наречии». Вскоре он понял, что издание книг на двух диалектах приведет к образованию двух письменных языков, которые в своем дальнейшем развитии могут далеко отойти друг от друга, и решительно отказался от этого намерения.

Сосредоточив в своих руках все литературно-издательское дело, И. Я. Яковлев усиленно работал над созданием общенародного литературного языка на основе низового диалекта, обогащенного элементами верхового диалекта, вырабатывая, таким образом, единые литературные нормы. Добиваясь общедоступности и нормативности письменного языка, И. Я. Яковлев любой чувашский текст, прежде чем сдать его в печать, выносил на обсуждение представителей разных говоров и диалектов. Вспоминая об этом периоде, Н. И. Ашмарин писал: «Тут происходили споры и в конце этих споров, в которых принимали участие десятки лиц, устанавливался тот или иной текст. Следовательно, этот язык с самого начала был общечувашским, а не чисто низовым или верховым»⁶.

⁶ Архив НИИ при Сов. Мин. ЧАССР, отд. IV, ед. хр. 13, л. 34.

Основанная И. Я. Яковлевым в 1868 г. Симбирская чувашская учительская школа, которую он бесценно возглавлял более пятидесяти лет, вырастила целую плеяду одаренных переводчиков и замечательных мастеров художественного слова, таких, как К. В. Иванов, Н. В. Шубоссини, Таэр Тимки, М. Ф. Акимов и др., способствовавших своим творчеством развитию письменности, совершенствованию речевой культуры, закреплению и распространению норм литературного языка. Благодаря развитию письменности чувашский язык еще до революции стал национальным языком, на котором издавались книги, велось преподавание в школах, печаталась газета. «Так, в одно поколение был создан тот литературный народный чувашский язык., который другим народам приходилось вырабатывать в течение столетий», — писал сын И. Я. Яковлева, член-корреспондент Академии наук СССР А. И. Яковлев⁷.

В 1918 г. начал действовать первый чувашский национальный театр с чувашским репертуаром. Чувашская художественная литература, заявившая о себе замечательным творением «Нарспи», в годы Советской власти выдвинула целую плеяду талантливых писателей.

За годы Советской власти больших успехов достигло народное просвещение. Уже в 1920 г. грамотность чувашского населения составляла 23,2% (среди мужчин — 33,7%, среди женщин — 14,3%). В конце 1929 г. в Чувашии был объявлен всеобщий поход за ликвидацию неграмотности. К 1 ноября 1930 г. в школах республики обучалось 95% подростков, а во второй пятилетке всеобщим обязательным начальным обучением в Чувашии было охвачено в основном все население.

Одним из ярких показателей расцвета чувашской культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию, является издание книг на чувашском языке. Из года в год растут тиражи периодических изданий. Так, например, республиканская газета «Коммунизм ялавё» («Знамя коммунизма»), выходящая в 1918 г. тиражом 3500 экз., в настоящее время имеет тираж 68.900 экз. Художественно-литературный журнал «Ялав» («Знамя») начал выходить в 1924 г. трехтысячным тиражом, а нынешний его тираж — 63.500 экз., первые номера журнала «Тăван Атăл» («Родная Волга») в 1931 г. вышли четырехтысячным тиражом, сегодня тираж этого журнала достигает 48.000 экз.

Огромными тиражами изданы в Чувашии переводы произведений русской классической и советской литературы, национальных и зарубежных литератур. На родном языке читают чувашаи бессмертные творения Маркса, Энгельса и Ленина.

Отмечая столетие новой чувашской письменности, трудящиеся Чувашии глубоко чтят память бескорыстного труженика, создателя чувашского алфавита и письменности, основоположника литературного языка И. Я. Яковлева, «50 лет работавшего над национальным подъемом чуваш и претерпевшего ряд гонений от царизма»⁸, отстоявшего в жестоких схватках с реакцией право чувашского народа иметь свою национальную письменность.

⁷ А. И. Яковлев. И. Я. Яковлев. Чебоксары, 1948, стр. 95.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50. М., 1965, стр. 61.

РЕЦЕНЗИИ

Э. Н. НАДЖИП

НАМАНГАНСКИЙ СПИСОК «КУТАДГУ БИЛИГ»*

(В СВЯЗИ С ВЫХОДОМ В СВЕТ ТАШКЕНТСКОГО ИЗДАНИЯ)

Как известно, замечательный памятник тюркоязычной литературы и языка XI в. «Кутадгу билиг» дошел до нас в трех списках: каирском, наманганском (написанных на основе арабской графики) и венском (написанном древнеуйгурским письмом). В 1942—1943 гг. все три списка были изданы в Стамбуле.

Теперь появилось и первое советское издание этого памятника. Молодой узбекский ученый, кандидат филологических наук Каюм Каримов издал в 1971 г. в Ташкенте наманганский список «Кутадгу билиг», подготовленный на основе русской графики, с переводом на современный узбекский язык.

Чтение и транскрипция памятника раннего средневековья — сложная и ответственная задача, требующая обширных знаний и соответствующих навыков.

Известно, что наманганский и каирский списки «Кутадгу билиг» дошли до нас не в идеальном состоянии: многие места текста стертые, не ясны очертания ряда слов, отсутствуют или ошибочно расставлены диакритические знаки. При подготовке к печати столь ранних памятников, написанных арабским письмом, трудно избежать отдельных промахов, упущений и ошибок, которые могут и должны быть устранены при повторном издании.

Основному тексту памятника предпослано предисловие К. Каримова, в котором раскрывается значение этого памятника для истории литературы и языка тюркоязычных народов. К. Каримову принадлежит также краткое введение, в котором излагаются история создания памятника, обстоятельства его обнаружения, история изучения и публикации, приводятся краткие сведения о самом поэте, объясняется происхождение названия произведения «Кутадгу билиг», говорится о его содержании, характеризуется поэтический жанр. Много внимания уделяет автор введению стихотворному размеру *аруз*, которым написан памятник. К сожалению, ни одна из приводимых во введении многочисленных стихотворных цитат не документирована, что является серьезным упущением. Далее он объясняет принципы принятой им транскрипции и методику осуществленного им перевода. В основе его транскрипции лежит стремление максимально приблизиться к литературному произношению XI в.

Издание завершается краткими комментариями к транскрипции, чтению и переводу отдельных слов.

В своем предисловии и во введении К. Каримов указывает, что «Кутадгу билиг» написан на литературном языке, сложившемся в XI в. на обширной территории государства Караханидов, в состав которого входили многочисленные тюркоязычные племена — предки ряда современных тюркоязычных народов. Поэтому ошибочно было бы считать данный памятник принадлежащим какому-либо одному из современных тюркоязычных народов: он является общим достоянием многих из них. Следует при этом учесть и тот факт, что при формировании литературного языка, на котором создан этот памятник, большую роль сыграл уйгурский письменный язык, существовавший задолго до «Кутадгу билиг».

К. Каримов оговаривает, что, готовя памятник к печати, он не ставил целью создание академического издания. В его намерения входила лишь публикация наманганского списка.

Исследователями «Кутадгу билиг» установлено, что ни один из трех списков памятника не является полным. Во всех трех списках пропущены отдельные бейты и даже

* Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг. — Узбекистон ССР «ФАН» нашриёти. Тошкент, 1971, нашрга тайёрловчи Каюм Каримов.

целые главы. К. Каримов во введении пишет, что недостатки наманганского списка он устранил (дополнил — *гўлдирган ҳолда*), пользуясь двумя другими списками. К сожалению, это утверждение справедливо лишь отчасти. Сопоставление факсимиле трех списков показывает, что К. Каримов совершенно не обращался к венскому списку, а каирский список использовал лишь частично, восполнив при его помощи только отдельные крупные пропуски наманганского списка. Однако многие отсутствующие в наманганском списке бейты так и остались не восстановленными издателем. Во введении следовало бы указать, какие бейты и даже главы, имеющиеся в наманганском списке, отсутствуют в каирском и наоборот. Это значительно повысило бы ценность издания.

Судя по почерку, первая и вторая страницы предисловия наманганского списка были восстановлены впоследствии — в конце XIX или даже начале XX в. Верхняя часть второй и третьей страниц, а также оглавление произведения не принадлежат основному переписчику, однако они более ранние, нежели упомянутые страницы предисловия. Следует при этом учесть, что средневековые мастера каллиграфии одинаково хорошо владели разными почерками.

К. Каримов утверждает, что предисловие памятника написано позднее и не самим поэтом, а другим лицом. Однако содержание предисловия и его стиль убеждают в том, что оно написано если даже и не самим поэтом, то, очевидно, его современником, человеком очень образованным, хорошо знающим историю создания памятника.

Вызывает сомнение утверждение К. Каримова об идентичности языка «Кутадгу билиг» и словаря Махмуда Кашгари. Неправомерен сам принцип сопоставления авторского произведения, написанного на сложившемся литературном языке, со словарем, отражающим состояние языков различных племен и родов, обитавших на огромной территории тюркоязычного мира. Даже беглое сопоставление этих памятников свидетельствует о беспоспательности такого утверждения. Расхождения здесь имеются и в области фонетики, и в области морфологии, и в лексическом составе. Конечно, язык некоторых материалов словаря совпадает с языком «Кутадгу билиг», однако это вовсе не доказывает их идентичности.

Не убедительны доводы К. Каримова и относительно графики оригинала (см. стр. 13). Основываясь на том, что в наманганском списке оглавление и названия глав в тексте написаны почерком *сулус*, предшествовавшим почерку *наш*, а отдельные слова в этом списке не поддаются прочтению, он пытается делать выводы о графике оригинала, не учитывая того, что эти данные касаются лишь наманганского списка, то есть копии с авторского экземпляра. Так что вопрос о графике оригинала, созданного, разумеется, значительно раньше копии, остается открытым.

Обратимся к самому памятнику. «Кутадгу билиг» состоит из ряда самостоятельных глав, посвященных отдельным вопросам этики. После последнего бейта каждой главы следует обращение поэта к читателю: «Теперь слушай слова знающего человека», «Слушай слова много видевшего человека» и т. п. Завершают главу назидательные стихи, как бы подводящие итог сказанному. Нам представляется, что К. Каримов без достаточных оснований считает эти бейты принадлежащими перу другого поэта (см. стр. 16). Едва ли это так. Язык и стиль этих бейтов, представляющих собой по сути дела поэтически обработанные народные изречения, не отличаются от языка и стиля основной части произведения. Подобную структуру имеют многие памятники аналогичного содержания, написанные на персидском языке. В каирском списке перед этими завершающими назидательными бейтами стоит слово *شعر* *šīir* 'стих', отсутствующее в наманганском списке. Это слово отделяет назидательные бейты от основного текста.

То, что К. Каримов при подготовке данного издания обращался и к каирскому списку, подтверждается использованием им фрагментов из последнего и его некоторыми замечаниями. Если бы К. Каримов ввел в текст также и упомянутое слово *شعر* *šīir*, соответствующим образом оговорив это, то издание в целом только выиграло бы.

Некоторые советские и зарубежные исследователи считают, что «Кутадгу билиг» написан исконно тюркским слоговым размером *бармак*. К. Каримов, не соглашаясь с этим, на конкретных примерах убедительно доказывает, что поэма написана арабо-персидским размером *аруз*, мастерски использованным поэтом.

Совершенно реальным представляется предположение о влиянии на «Кутадгу билиг» «Шах-наме» Фирдоуси. Несомненно, Юсуфу Баласагунскому произведение Фирдоуси было известно. Содержание «Кутадгу билиг» указывает на то, что его автор являлся одним из образованнейших людей своего времени и, конечно, хорошо знал персидскую классическую литературу. Однако вопрос о влиянии «Шах-наме» на «Кутадгу билиг» — тема особого исследования.

Сопоставление двух арабописьменных списков показывает, что «дополнение» наманганского списка фрагментами из каирского — было неполным. Подтвердим сказанное примерами. Для краткости при ссылке на наманганский список воспользуемся нумерацией бейтов ташкентского издания. После прозаического вступления на 50—58 страницах этого издания приведены 75 бейтов из каирского списка (3—7 стр.). Из каирского же списка (стр. 374—392) взяты завершающие произведение 288 бейтов (с 6106-го по

6393-й бейт). Следующие затем 14 бейтов (по каирскому списку 6394—6407-й бейты) взяты не из самого уйгурописьменного венского списка, а из его радловского издания, подвергнутого в свое время серьезной критике (особенно в части транскрипции). Многие стихи из поэмы, имеющие существенное значение для ее понимания (иногда даже по несколько бейтов на странице), а также подзаголовки, отсутствующие в наманганском списке, не включены в данную публикацию. И об этом ни слова не сказано даже в предисловии. В результате у читателя этого издания может сложиться искаженное представление о памятнике, ибо в связи с пропуском подзаголовков создается путаница между поставленными в тексте вопросами и ответами на них. Хотя в предисловии К. Каримов и делает оговорку, что он не ставит целью создание академического издания, тем не менее включение им в наманганский список крупных фрагментов из каирского списка свидетельствует о его стремлении воспроизвести полный текст памятника. В своих примечаниях он неоднократно указывает, что, ввиду неясности того или иного места в наманганском списке, текст восстанавливается им по каирскому, однако конкретная ссылка на каирский список не приводится. Наряду с этим К. Каримов неоправданно злоупотребляет формулой, смысл которой сводится к следующему: «Это слово в стихе написано так-то, а мы прочли его так-то». Как мы увидим ниже, этой оговоркой он сопровождает иногда целые бейты и четверостишия. У читателя создается впечатление, что стихи восстанавливаются самим К. Каримовым, тогда как в действительности его чтение воспроизводит каирский список. Приведем несколько примеров. В нашем списке на 249/1* читаем:

اونغول قيز اتاسى ايسيز دا كينين

К. Каримов так и транскрибирует, но в 68-м примечании утверждает, что должно быть: *Оғул қыз әсизи атада кәдин*. В каирском списке на 197/8 читаем:

اونغول قيز ايسيزى اتادا كيدين

То есть тексты полностью совпадают.

В 61-м примечании К. Каримов утверждает, что порядок нижеприведенных четырех строк нарушен и в них введены лишние слова. Тут же приводится якобы «исправленное» им четверостишие:

Өкүш көрдүм эрни йава қылды йаш
Көдәзмәди боғзын қовы қылды йаш
Боғуздын кирүр иг кишикә кәми
Боғуздын болур ҳәм аңар от эми.

Это четверостишие в наманганском списке выглядит так:

2855 Өкүш көрдүм эрни йава қылды йаш
Көдәзмәди боғуздын болур ҳәм аңар от эми
2856 Боғуздын кирүр иг кишикә кәми
Көдәзмәди боғзын қовы қылды йаш.

Вот как это четверостишие выглядит в каирском списке на 164/9—10:

او كوش كوردوم اونى يقا قىلدى بش
كودازمادى بوغوزين قوقى قىلدى ياش
بوغوزدين كيروور ايك كشى كاكمى
بوغوزدين بولور هم انكار اوت امى

Таким образом, совершенно ясно, что исправление, внесенное К. Каримовым в наманганский список, сделано в соответствии с каирским списком. Непонятно только, почему это не оговаривается К. Каримовым в примечаниях.

Между наманганским и каирским списками имеются значительные фонетические, лексические и грамматические расхождения. Встречаются также существенные различия. Вышеприведенные примеры составляют лишь малую долю многочисленных несоответствий. Все пропуски и прочие возможные расхождения мы подробно разберем в специальной статье, посвященной сопоставительному анализу каирского и наманганского списков.

При подготовке второго издания необходимо включить недостающие бейты из каирского списка и, пользуясь двумя арабописьменными источниками, восстановить полный

* Дробные указатели показывают страницу и строку.

список поэмы. Следует устранить также явные описки и оставить в неприкосновенности фонетические и все прочие расхождения, оговорив их в примечаниях.

В настоящей статье мы не имеем возможности подробно останавливаться на всех пропущенных в наманганском списке бейтах. Приведем лишь несколько примеров. Первый же бейт каирского списка, следующий после слова *بسيمله* в наманганском списке отсутствует (приведенные ниже цифры указывают порядковый номер ташкентского издания, а дробные указатели — страницу и строку каирского списка):

بيات اتى بيرلاسوزوك بشلاديم
12/8 توروئكان ايكيديكان كجوركان ايديم

Далее отсутствуют: после 450 бейта —

اژون قا بادى كور تو كال قوت قورى
17/7 قوزى بيرلاقتليب يوريدى بورى

после 489 —

بوای تولدى اوز كا كور ايتى ايشيك
19/25 لداشتى كينكاشتى بيراتليغ كшиك

после 520 —

ايدى سيفدى كونكلون انى تيلادى
21/12 ايلك تبغينكا بو يراغاي تيدى

после 553 —

بو مونداغ كشى لار ايليك كا كراك
23/12 ايليك كا كراك نينك كورايلكا كراك

после 633 —

نا اولدوروغ ناكرسی یری اول سنكا
25/1 نلوك يوز ايقوردونك ايو بيرمنكا

после 637 —

بو توزмадимو كورسنكا خيل باشينك
25/6 بسينما بكينك نى كوداز كيل بشينك

После 712 пропущены два бейта —

قوتادميش كشى كورسا قينميش كراك
قموغ تنكسيز ايشدين يرامش كراك
اريج بولسا اوزى يوربساكونى
29/15-16 مونونك باغى مونداغ بيلينكو مونى

После 740 также отсутствуют два бейта —

نا قالدى ايديم سن منكا بيرمادينك
بومعيوب قولونك نى جيقا سورمادينك
يزوقلوغ جفاجى بو عاصى قولونك
31/14-15 قموغ بهرى بيردينك قوروغ قومادينك
شعر

После 941 отсутствует подзаголовок —

36/17 ای تولدی سوالی ایلک کا بوتورور

После 1219, 1220, 1267, 1291 пропущено по одному бейту, после 1310 — два бейта, после 1404, 1428 пропущено по одному, а после 1431 — целых три бейта. Пропуски бейтов следуют также после 1441, 1443, 1477 и т. д.

Дополнительную путаницу вносят пропущенные подзаголовки. Так, например, нет подзаголовка после 1558:

اوكدولمیش ایلک تبوغینکا اورونمیشی

После 1562 нет:

اوكدولمیش جوابی ایلک کا

После 1577 нет:

اوكدولمیش جوابی ایلک کا

После 1628 нет:

اوكدولمیش جوابی ایلک کا

После 1635 пропущен один бейт и

ایلک سوالی اوكدولمیش کا

и т. д.

Иногда на одной странице пропускается по четыре-пять бейтов. Пропуск подзаголовков приводит к тому, что бейты, выражающие вопрос, воспринимаются как ответы, и наоборот. К. Каримов по непонятным причинам никак не оговорил пропуск бейтов и подзаголовков в своем предисловии.

Несколько слов о транскрипции и прочтении отдельных слов.

В основу транскрипции положен распространенный среди тюркоязычных народов русский алфавит с соответствующими изменениями и диакритическими знаками. К. Каримов правильно поступил, не вводя дополнительных знаков для передачи встречающихся только в арабских словах звуков, которые никогда не произносились тюркоязычными народами (о чем свидетельствует и «Диван» Махмуда Кашгари). Опираясь на исследования своих предшественников и учитывая произносительные нормы отдельных современных тюркских языков, К. Каримов своей транскрипцией стремился по возможности приблизиться к произношению, которое было характерно для периода создания памятника. В отличие от некоторых других исследователей, К. Каримов старался от современного узбекского произношения, что, безусловно, следует в принципе приветствовать. В то же время прочтение К. Каримовым некоторых слов вызывает определенные сомнения и является спорным, хотя и требовать полной идентичности прочтения и транскрипции текста исторического памятника различными людьми было бы неправомерно. Например, слово جاق К. Каримов транскрибирует и читает как *жав*, мы же считаем, что правильнее читать *чаў*; اومونج 'надежда', 'упование' следует читать не *умунч*, а *умунж*; поскольку используется транскрипция, а не современный узбекский алфавит, то и такие слова, как اجل 'смерть', следовало бы читать не *ажал*, а *аж*әл; نجوم 'астрология' — не *нужум*, а *нуж*әүм; ثنا 'хвала' — не *сана*, а *сәна*; امّت 'последователь' — не *уммат*, а *үммәт*; رحمت 'милосердие' — не *раҳмат*, а *рәхмәт* и т. д. Передача звучаний этих слов К. Каримовым противоречит его собственному принципу, положенному в основу транскрипции. Однако эти расхождения неизбежны, ибо до сих пор еще нами не разработаны единые принципы транскрипции языка средневековых памятников. Эта задача может быть решена лишь совместными усилиями тюркологов-историков.

Остановимся еще на прочтении отдельных слов и их транскрипции (при этом не следует забывать и о возможных опечатках): قوثقى 'кроткий', 'смиранный' везде транскрибировано как *қусқы*, правильнее было бы *қосқы* с вариантами *қотқы*, *қодқы*; на 2758 следует читать не *бадыз*, а *бәдиз*; на 2214 вместо *курәшмәс* нужно *көрәшмәс*; на 2218 вместо *бу байтығ* нужно *бу бәйтығ*; на 2223 вместо *атын* (вин. пад.) — *аты*; на 2366 и дальше вместо *булун* 'плен', 'пленник' нужно *болун*; на 2551 вместо *әтмәкин* (вин. пад.) нужно *әтмәки*; на 2411 вместо *аймыш* 'он сказал' — *йамыш*; на 2676 вместо *кәч*

миш 'прошел' — *кэтмиш* 'ушел'; на 2507 вместо *иситсэ* 'если согреть' — *истисэ*; на 2741 и дальше вместо *усан* 'проявлять беспечность' — *осан*; на 2794 вместо *бодун* 'народ' — *будун*; на 2855 вместо *баш* 'голова' — *йаш* 'возраст', 'слеза' (но в переводе дано правильно); на 2947 вместо *тушы* 'равный', 'одинаковый' — *туши* и т. д.

Как уже отмечалось выше, вопросы произношения являются спорными, их окончательное решение — задача будущего. Однако имеющиеся в рукописи явные описки и опечатки, безусловно, должны быть устранены. Нам представляется правильным предположение Фитрата, что поэт включает в текст поэмы слова *көр* 'смотри', *ул* 'он', 'тот', *бил* 'знай', *бу* 'это' и т. д. для соблюдения арабо-персидского стихотворного размера *аруз* (в данном случае *мутакариба*)¹. Подобные слова, не несущие в стихе необходимой смысловой нагрузки, встречаются не только у Юсуфа Баласагунского, но и у многих поэтов средневековья. Нередко ради соблюдения требований размера *аруз* нарушается и синтаксис тюркского языка: вспомогательный глагол в составных глаголах часто меняет свое положение, предшествуя основному компоненту, причем между ними вклиниваются посторонние слова; в ряде случаев определение следует после определяемого, нередко отделяясь от него другими словами; подлежащее данного предложения может оказаться изолированным в составе другого предложения и т. д. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ради сохранения избранного стихотворного размера поэты вставляли в свои стихи вспомогательные слова. Таких повторяющихся необязательных элементов в стихах поэтов того времени очень много.

Переводы К. Каримова дословны и серьезных возражений не вызывают. В необходимых случаях даются соответствующие объяснения значений, что облегчает восприятие перевода. Тем не менее иногда неправильное прочтение К. Каримовым отдельных слов приводит к ошибкам. Например, на 250 и 2512 парное *ليق اش* *лэв-аш* 'яства-еда' слито в единое слово и переведено как *лаган-дастурхан* 'блюдо и скатерть', на 2759 парное *اغى قزناقى* *агы-қазнақы* 'сокровищница' в результате прочтения *ақы қазнақы* переведено как «казна щедрого человека», на 2767 сочетание *بولماسا يوزدا جيغ* *болмаса йүздэ чыг*, означающее «если на его лице не будет гримасы недовольства», прочтено как *булмаса буздачыг* и переведено «если не найдет злоупотребителя». В результате прочтения вместо *төр башы* (2162) 'человек, восседающий на почетном месте' — *туз башы* 'глава истины' переосмысливается содержание стиха. Превращение повелительного наклонения *йэтүрсү* (2557) в условное — *йэтүрөз*; *қанжү-кичиг* (2620) 'ребенок' в *кич кичиг* также меняет смысл текста: *Билигиз бир ичсә болур кәнжү-кичиг* 'Если невежда выпьет вина, то он превратится в малое дитя'; на 2802 вместо действительного залога *ачылмас* — страдательный залог *ачылмас*; на 2806 вместо *йэйур* 'кушает' — *йайур* 'расстелит'; на 2882 вместо *көз* 'глаза' — *өз* 'сам' и т. д. Подобных ошибок в переводе, возникших из-за невнимательного прочтения ясно написанных слов, не так уж много, и в большой работе, выполненной одним человеком, они неизбежны.

В целом переводы хороши, отдельные недостатки (некоторые из них нами здесь были указаны) при повторном издании, несомненно, будут исправлены. Таким образом, мы получим полноценный дословный перевод, который в дальнейшем может быть положен и в основу поэтического перевода.

В заключение хочется подчеркнуть, что К. Каримовым, молодым и многообещающим ученым, выполнена очень большая и серьезная работа, представляющая собой ценный вклад в историческую тюркологию.

معارف وا وقتقوجى» ژورنالى، 1925 ييل، № 2، 69 بيت

Л. П. СЕРГЕЕВ. ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА*

Издание «Диалектологического словаря чувашского языка», так же как и любого аналогичного словаря по другим тюркским языкам, имеет общетюркологическое значение. Поэтому хотелось бы высказать в центральной прессе ряд соображений в связи с его выходом в свет.

В предисловии автор определяет задачи издания, сводящиеся, в частности, к систематизации диалектных лексических единиц, не употребляющихся в литературном языке.

Здесь же характеризуются состав и структура словаря (стр. 4—7), кратко освещаются фонетические и грамматические особенности диалектов современного чувашского языка (стр. 7—8).

Рецензируемый диалектологический словарь представляет собой первую попытку лексикографической разработки чувашских диалектов. В него вошло около полутора тысяч диалектизмов, отобранных из материалов, записанных собирателями на ра-

* Чебоксары, 1968, 104 стр.

В Советская тюркология, № 3

личных территориях чувашской языковой общности. Были также широко привлечены материалы из архива Чувашского научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР, собранные рядом диалектологических экспедиций, рукописные материалы Н. И. Ашмарина и его 17-томный словарь и др.

Фонетические варианты заглавных слов помещены в отдельные словарные статьи с отсылкой к основному варианту. Каждое заглавное слово снабжено указанием населенного пункта, где оно было записано. Далее следуют семантический эквивалент из литературного языка и перевод заглавного слова на русский язык. В необходимых случаях лексическая единица сопровождается иллюстративной цитатой.

В качестве дополнительного знака к существующей чувашской графике использована графема *ö* для обозначения переднеязычного лабиализованного гласного, соотносительного с *o*.

Книга содержит также карту расселения чувашей, живущих за пределами Чувашской АССР.

В соответствии с основными принципами составления словаря в него вошли прежде всего лексические диалектизмы, то есть слова, отсутствующие в литературном языке: ёнём 'мошка' (лит. үпре), кёпчек 'замок' (лит. çара); семантические диалектизмы, то есть слова, имеющиеся в литературном языке, но употребляющиеся в нем в иных значениях: япăх 'худой, тощий' (лит. 'плохой'), улма 'картофель' (лит. 'яблоко') и т. п. Включены в словарь также контекстуальные диалектизмы, или слова с фразеологически связанными значениями: салам хочё 'письмо' (букв. 'бумага привета'), вилёгуйё 'мелкий дождь при солнце' (букв. 'свадебная влага') и др.

Взаимодействие чувашских диалектов с языками тюркской семьи, а также с соседствующими (финно-угорскими и др.) языками представляет собой сложный процесс. Так, среди диалектизмов встречаются древнетюркские формы: чăк 'роса' (у Махмуда Кашгари — çi 'роса'), аряс 'счастье' (в древнетюркских памятниках VI—VIII вв. — ораз 'счастье'). При этом некоторые лексемы частично изменили свое первоначальное значение, например, общетюркское слово *вагтак* обозначает «палец», *којтак* — «сметана», *ја* — «чужой», в то время как в чувашских диалектах — пармак 'беспалый', куймак 'блины', чит 'даль' и т. д.

Значительный пласт составляют диалектизмы — заимствования из других языков: тюркских (татарского и башкирского) — пелеккей 'маленький', уйнаш 'внебрачный (ребенок)'; таджикско-персидского — шышша 'флакон; маленькая склянка' (от *šiše* 'бутылка'), пеле 'беда, несчастье' (от *bälä* 'беда, бедствие, мучение'), тару 'лекарство' (от *daḡu* 'лекарство, лечебное средство'); арабского — ёрехет 'удовольствие, блажен-

ство, наслаждение' (от *gaḡat* 'спокойствие, покой, радость, отрада'); финно-угорских — араç 'нет' (морд. *араç* 'нет; кончилось'), чёпёлтен 'пиявка' (от мар. *çuvvıtan* 'пиявка'), шапша вуті 'щавель' (ср. мар. *šar-šaudy* 'щавель'); русского — чар 'царь', часси 'часы', чиччас 'сейчас', челин 'целина' и др.

Наиболее полно в словаре отражена лексика, связанная с терминами родства, причем многие термины имеют синонимические ряды, состоящие из большого числа компонентов, например: атикак, атетте, атитте, папай 'дедушка со стороны отца', апакка, паппи, асанне, аненне, асапай 'дедушка со стороны матери'.

Отметим некоторые недостатки словаря, заключающиеся в следующем:

1. Не во всех случаях учтена полисемия диалектизмов. Например, слово *экемет* дано в значении «игра, забава, маскарад» (стр. 93), тогда как в диалектах башкирских чувашей оно обозначает также: 1) «приключения, происшествя»: Пирён çакан пек экемет пулнăччё 'У нас случилось такое происшествие'; 2) «что-то атрибуты, детали, принадлежности, вещи, предметы и т. д., непонятные или смешные с точки зрения говорящего»: Мён экемечё ку? 'Что это за вещь?'; Эп ёлёк юмăç экемечёсене курнăччё 'Я в старину видела гадание гадалки' (имеется в виду процесс гадания, при котором используются специально для этого предназначенные предметы); 3) «кропотливая работа, возня»: Паян телефизора тўрлеттертём. Унăн экемечёсем нумай иккен 'Сегодня мне отремонтировали телевизор. С ним, оказывается, много возни'; 4) нареч. «смешно, забавно»: Экемет те! 'Смешно-то как!'

Существительное *йăнкăрчăк* (Альшеево) зафиксировано в значении «ворчун» (стр. 21). Это слово имеет также и переносное значение — «свекровь» (Зириклы): Йăнкăрчăку килте-и? 'Свекровь твоя дома?'

Слово *мин* (Кош-Елга) дано в значении «красное пятно на лбу» (стр. 42). Однако в диалектах башкирских чувашей оно обозначает и родимые пятна, а также новообразования на различных частях тела в виде опухоли (жировики, гиперпигментация,носящая локальный характер, различные уплотнения). Это слово восходит к общетюркскому *min* 'бородавка' (у В. В. Радлова: *миң-миң* 'родинка, бородавка'; *баң* 'родимое пятно, веснушки'); встречается в алтайском, телеутском, шорском, туркменском, башкирском и других языках).

Лексеме *ашкăр* в словаре дается толкование «разжиреть»: Лаша лайăх çимерен ашкăрса кайнă 'Лошадь от хорошей еды стала жирной'. Однако данная лексема имеет также следующие значения: 1) «буянить, бушевать, буйствовать»: Вăл ашкăрсы кайнă 'Он начал буянить'; 2) нареч. «бурно»: Тырăсем ашкăрса үссççё 'Травы растут бурно'.

2. В ряде случаев диалектизму приписывается более широкое значение, чем это имеет место на самом деле. Так, слово анчак (стр. 11) переведено как «собака». Однако оно обозначает только «щенят» и «мелкую породу собак» (ЭЗЛТ энук «детеныш (собаки), шенок», 30a12]. В словаре Н. И. Золотницкого слово анчак зафиксировано именно в указанных значениях¹.

Диалектизм катлама (Кузешашево, Кош-Елга) в словаре толкуется как «поздравлять, желать счастья». Тем не менее обычной катлама связан только с постройкой нового дома, покупкой новой одежды. В других случаях поздравлений (с защитой диссертации, женитьбой, новорожденным и др.) это слово не употребляется и поэтому его правильнее переводить как «поздравлять с обновкой».

3. Можно указать на один пример прямого искажения значения диалектизма: автор считает, что слово исмасса (Шланлы, Шверли) употребляется как вводное слово со значением «шут его возьми!» (стр. 20).

В говорах башкирских чувашей союзное слово исмасса (~ исмассам) употребляется в усилительном и уступительном значениях. В уступительном значении оно переводится на русский язык словом «хоть» (ср. башк. исмаһан 'хоть, хотя бы'), в усилительном — «даже». Например: Кайса кил исмассам 'Сходи хоть (сходил бы хоть)'. Приведенное в словаре предложение — Макәрмаҫ исмасса — можно интерпретировать в связи с вышеуказанным двоико (в зависимости от контекста): 1) «[Хорошо], хоть не плачет»; 2) «Не плачет даже».

4. Неудачны отдельные этимологические справки. Например, на стр. 29 приводится слово «кашкәна... насмешливое название т. н. «сних чувашей» (вероятно, из-за их чрезмерной склонности к употреблению частицы кәна)».

На наш взгляд, это объяснение не совсем верно. Причиной возникновения прозвищ зачастую является употребление носителями некоторых говоров диалектных или фонетически измененных слов, отсутствующих в литературном языке или же в наречии тех, кто дает эти прозвища. Иногда поводом могут служить и особенности произношения².

Видимо, косяковские чуваша вместо слова кашкәна, которое обозначает «мало-мало, чуть-чуть» (кстати, в словаре его семантика не раскрывается), употребляют какой-либо другой его синоним.

¹ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

² Г. Е. Корнилов. Некоторые материалы для характеристики говора села Бердяш Зилаирского района Башкирской АССР. — В кн.: «Материалы по чувашской диалектологии», вып. II. Чебоксары, 1963, стр. 134.

5. Укажем некоторые диалектизмы, которыми, по нашему мнению, следует дополнить словарь при его переиздании:

япшар	'вежливый, внимательный, мягкий в обращении'. Вай япшар сын 'Он человек вежливый'.
ёсте-	'добавлять; приглашать; предлагать, настаивать'. Ан ёсте-ха, ёсёйместёп 'Не настаивай-ка, не могу пить'.
лапа	'лобогрейка'. Лапапа сұлма кайначчә 'Ездил жать лобогрейкой'.
күттер	'подними; возьми'. Сак черкене күттер-ха 'Подними-ка эту рюмку'.
трепух	'стряпуха' (лит. стрепке). Пёр улнут майри панче трепух пулса ёсслерә 'У одной помещицы работала стряпухой'.
лавка	'магазин'. Кәҫал пирән сә нә лавка турәҫ 'В этом году у нас построили новый магазин'.
ламсур	'бездельник; шатун'. Ламсур йатә 'бездомная собака', ламсур сын 'человек, шатающийся по дворам без дела, без цели'.
шампа:	шампа кәленче 'трехлитровая стеклянная банка'. Шампа кәленчепе сутакан хяярсем 'Огурцы, которые продаются в трехлитровых стеклянных банках'.
шәкёр:	тура шәкёр 'слава богу'. Тура шәкёр, сывах юлчә 'Слава богу, жив остался'.
тен	'кожа' (лит. тирә). Хәш-пәрисем этем тирне тен теҫсә 'Некоторые человеческую кожу называют тен'.
анра	'глупый; несущий вздор; недалекий', анра сын 'человек, который не ориентируется быстро, несообразительный'.
йәху:	йәху тыттәр 'чтоб взяла его нечистая сила'.
вархан	'гармонь', вархан калакан 'гармонист'. Вайя варханпа сүреҫсә 'На гулянья ходят с гармонью'.
эчель:	эчель чирә 'предсмертное состояние, тяжелая болезнь'. Вай эчель чирәпе чирленә 'Он заболел тяжелой болезнью'.
пүлек	'подарок, дар'. Аннүне пүлек илсе килтән-и? 'Матери подарок привез?'.
семен	'момент; время' (лит. самант). Пёр семенре кайса та килчә 'Вернулся в один момент'.
катем	'давний, старинный; в старину, в древнюю пору', катем чухнех 'очень давно', катем карчак 'древняя старуха'. Катем тени авал тенне пәлтерет. 'Слово катем обозначает «древний, старинный»'.

парлак	'буйная зелень; дружно, буйно (о всходах трав и хлебов)'. Кăçал тырăсем парлак тухрĕç 'В этом году хлеба взошли дружно'.	йўçси	'яд, отрава'. Ёлĕк курайман çынсене йўçси парса вĕлернĕ 'В старину своим врагам давали отраву'.
пайкал	'стригун' (в других диал. пайттал).	шалапкăр	'канюк' (лит. шаланкă).
наççилкă	'приспособленне, сделанное из двух жердей, для поднятия соломы'.	шĕтĕрнек	'чостокол' (лит. шатарнак).
хĕр никĕн	'одна из родственниц (или знакомых) невесты, раздающая на свадьбе подарки родственникам жениха'.	пер.: хайлана пер-	'притвориться больным'. Ывăла авлантарас тесе хайлана перепха 'Чтобы женить сына, притворюсь-ка больной'.
мăн кĕрĕ	'старший зять, то есть муж старшей дочери'. Мужа старшей дочери называют «старший зять» вне зависимости от возраста мужа младшей дочери — кĕçĕн кĕрĕ 'младший зять'.		
тĕме суккăр	'совсем слепой, ничего не видящий' в отличие от суккăр 'слепой, но видящий что-то'. Исторически суккăр — «слепой на один глаз».		

При переиздании словаря необходимо устранить отдельные опечатки (макайан вместо макайан 'наверно'; укартрам вместо укатрам 'побила'), желательнее указать и на степень употребительности того или иного слова.

В заключение отметим, что «Диалектологический словарь чувашского языка» Л. П. Сергеева, несмотря на отдельные недостатки, имеющие частный характер, является серьезным вкладом как в чувашское, так и в тюркское языкознание в целом.

Э. И. Фазылов,
Л. В. Данилова

С. КУРЕНОВ. ДОЛГИЕ И КРАТКИЕ СОГЛАСНЫЕ В ТУРКМЕНСКОМ ЯЗЫКЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО- ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)*

Одной из интересных и сложных проблем фонетики тюркских языков является фонематический статус долгих и кратких гласных. Этот вопрос издавна привлекал и продолжает привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных тюркологов.

Что касается туркменского языка, то к числу первых работ в данной области¹ следует отнести рецензируемую монографию С. Куренова, представляющую собой серьезное экспериментально-фонетическое исследование долгих и кратких гласных фонем туркменского языка.

Рецензируемая монография базируется на использовании комплекса современных экспериментально-фонетических методов, а именно: палатографирования, рентгенографирования, кимографирования, осцилло-интонографирования, спектрографирования.

В книге выявляются артикуляционные и физико-акустические свойства туркменских

гласных фонем, довольно широко характеризуются акустические компоненты физической структуры долгих и кратких гласных в самых различных фонетических условиях. Автор делает краткий экскурс в историю вопроса, прослеживает типы и особенности употребления исследуемых гласных в туркменском и других тюркских языках. В книге найдена последовательная отражение также лексико-семантическая функция долгот в сравнении с фактами некоторых других тюркских языков. Особое место отведено временной характеристике фонематических и нефонематических долгих и кратких гласных. Монография богато иллюстрирована схемами рентгенограмм, таблицами, кимограммами и осциллограммами.

Дифференциальные признаки и фонемные свойства туркменских гласных наиболее отчетливо проявляются в одинаковых фонетических позициях, в идентичном окружении согласных. Например: a:t 'имя' — at 'конь', 'стреляй'; o:t 'огонь' — ot 'трава'; i:t 'водить (на поводу), тащить за собой' — it 'собака'; ö:t 'желчь' — öt 'проходи, пройди' и т. п.

В указанных примерах долготы и краткости гласных звуков носит смысловозначительный характер.

Фонематический долгих и кратких гласных проявляется в следующих случаях: долготы и краткости гласных может различать два

* Ашхабад, 1971, стр. 162 (на туркменском языке).

¹ В работе А. П. Поцелуевского «Опыт изучения артикуляции звуков туркменской речи методом палатограмм» («Известия Туркменского филиала АН СССР», № 3—4, Ашхабад, 1945) артикуляционные особенности туркменских гласных описаны лишь методом палатографирования.

корневых слова (baš 'голова' — ba:š 'язва', ö'l 'умри' — ö:l 'влажный, мокрый'), корневое слово и производное, оформленное как-либо грамматическим показателем (ga:luŋ 'толстый' — ga:luŋ 'оставайтесь'), а также два производных слова (da:gazuk 'гребешок' — da:gazuk 'узенький').

Автор исследует с привлечением широкого фактического материала туркменского языка употребления различных типов долгих и кратких гласных фонем, степень активности частей речи в образовании минимальных пар с рассматриваемыми гласными, дифтонгоидный характер долгих узких гласных и другие вопросы.

Наиболее важное место в работе занимают описания экспериментов и выводы относительно артикуляционных особенностей и акустических характеристик долгих и кратких гласных. Полученные палатограммы,

рентгенограммы и кимограммы показали, что гласные фонемы и их оттенки отличаются друг от друга своими специфическими артикуляционными особенностями, а также частотными и временными характеристиками. В частности, установлено, что временная характеристика, или продолжительность гласных, тесно связана с рядом фонологических и фонетических факторов.

В монографии имеются и отдельные недостатки. Неверно, по-нашему мнению, указано число гласных фонем туркменского языка (18 вместо 16). Отсутствуют ссылки на новейшие исследования по экспериментальной фонетике. Это, однако, не умаляет общих достоинств работы, которая представляет собой значительный шаг в развитии туркменской экспериментальной фонетики.

М. Худайкулиев

А. К. АЛЕКПЕРОВ. ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА*

Ф. де Соссюр, характеризуя современное ему языкознание, справедливо указывал, что «в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными»¹. Эти слова выдающегося лингвиста можно в полной мере отнести и к общему современному состоянию описательной фонетики азербайджанского языка.

Действительно, нетрудно заметить, что содержание большинства работ в области азербайджанской фонетики сводится не к раскрытию имманентной сущности изучаемого объекта, а к различному классификационному распределению лингвистических единиц, иногда определяемых (большей частью, к сожалению, расплывчато и неточно), а часто и не определяемых вовсе. На этом общем фоне рецензируемая книга азербайджанского языковеда А. К. Алекперова выгодно выделяется новизной и критичностью подхода к вопросам фонологии.

Говоря о постановке проблемы фонемы в тюркологической литературе, автор рецензируемой монографии совершенно справедливо отмечает, что «общим недостатком в определении фонемы, ставшим, к сожалению, традиционным в работах наших тюркологов, следует считать использование психологических и семасиологических понятий в таких выражениях и формулировках, которые могут вызвать ложные ассоциации» (стр. 18). Неудовлетворительность решения проблемы фонемы в тюркологии связана с общим состоянием описательной и теоретической фонетики тюркских языков, ибо «самым узким местом отечественной тюрколо-

гии по-прежнему остается теоретическая фонетика, хотя у нас и появились отдельные работы, отличающиеся высокими научными достоинствами»².

Азербайджанские фонологи обычно не занимаются эксплицитным рассмотрением отдельных фонологических понятий или предпосылок, а используют те или иные «готовые» критерии отдельных фонологических направлений (например, московской или ленинградской школ). Однако и это не гарантирует их от ряда ошибок в подходе к проблеме фонемы, что подвергается автором справедливой критике.

В конце первого раздела книги А. К. Алекперов (с учетом как артикуляционно-акустических свойств звуковых единиц, так и их позиции в морфеме и слове) дает следующее определение фонемы: «Фонема — кратчайшая и в то же время самостоятельная звуковая единица в составе словоформ (или морфем), в качественном и количественном отношении не зависящая от позиционно-комбинаторных изменений или ограничений» (стр. 21). На наш взгляд, данное определение нуждается в некоторых уточнениях.

Фонема — кратчайшая единица звукового выражения. Однако здесь понятие «кратчайшая единица звукового выражения» может быть рассмотрено в разных аспектах: 1) с точки зрения речи; 2) с точки зрения языкового употребления; 3) с точки зрения языковой системы. На уровне речи кратчайшей звуковой единицей является звуковой

* Издательство «Элм», Баку, 1971, 95 стр.

¹ Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 105.

² Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3, стр. 3.

сегмент, характеризующийся определенными физико-акустическими параметрами и контрастирующий с другими звуковыми сегментами в речевом континууме. Каждый из этих сегментов выделяется из речевого потока объективными методами или же восприятием слушателей. В силу индивидуальности речи каждый выделенный сегмент, который на основании артикуляторно-слухового сходства может отождествляться с другими сегментами, выделенными идентичным образом, но в других участках речевого континуума, — варьирует в речи различных индивидов. Поскольку данное варьирование звуковых сегментов в зависимости от индивидуальности речи не имеет никакой лингвистической значимости (то есть функционального значения), оно не учитывается, и сегменты, различающиеся по оттенкам, характеризующим индивидуальные особенности говорящих, отождествляются.

С точки зрения языкового употребления, кратчайшие звуковые единицы являются средством выражения, которое используется для отождествления и различения знаковых единиц. Кратчайшие звуковые единицы в качестве средства выражения осуществляют свои функции в различных позициях и, соответственно, подвергаются позиционным и комбинаторным изменениям. Эти изменения мы относим к структурным особенностям кратчайших звуковых единиц³. Свойство же кратчайших звуковых единиц противопоставляться другим кратчайшим звуковым единицам определяется нами как их системная особенность. Кратчайшие звуковые единицы как элементы структуры образуют ряды, а в качестве элементов системы являются членами различных оппозиций.

Учитывая как структурные, так и системные особенности кратчайших звуковых единиц, мы предлагаем следующее определение фонемы: «Фонема — кратчайшая звуковая единица, которая, будучи членом некоторых оппозиций, выполняет знакоотождествляющую и знакоразличающую функции в различных структурных условиях». Варианты фонем, различаясь своими структурными особенностями, входят в различные ряды, тогда как фонемы образуют оппозиции.

При установлении фонологической системы и ее стратификации необходимым условием является четкое разграничение, с одной стороны, многообразного, относительно неустойчивого, материального (resp. фонетического)

и с другой — стандартного (в синхронном плане), стабильного, системного (resp. фонологического). Неразграниченность этих двух аспектов исследования — фонетического и фонологического — приводит к смещению понятий.

Возьмем, например, смешанный ряд у гласных. Конечно, для передачи всего многообразия фонетических нюансов азербайджанских гласных выделение этого ряда полезно, но нельзя не согласиться с автором рецензируемой книги в том, что «для азербайджанской вокалической системы нет особой необходимости в различении смешанного (как и среднего) ряда, поскольку оно не опирается на оппозитивную (то есть дистинктивно-фонематическую. — А. М.) функцию гласных фонем» (стр. 40). Аналогичным образом следует возразить против допущения самого автора, который по степени раствора (полнозвучности), кроме гласных верхнего и нижнего подъема, различает еще и гласные среднего подъема, включающие *e*, *ö*, (*Λ*), *o*. Конечно, при таком подходе возникает весьма заманчивая и симметричная пирамидальная система. Однако она не отвечает требованиям простоты, непротиворечивости и полноты лингвистического описания.

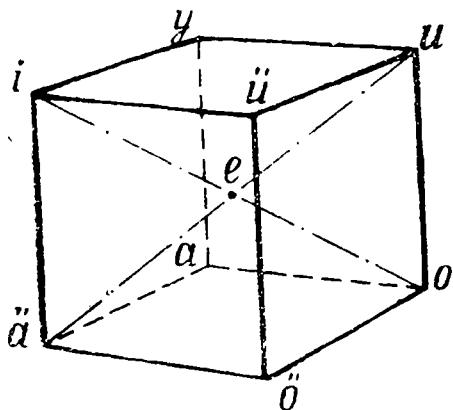
Основу данной пирамидальной системы, несомненно, образуют *e* и *Λ*, а гласные *o* и *ö* включаются в нее лишь для образования симметричного четырехугольника. О редуцированном гласном *Λ* автор пишет следующее: «Действительно, в азербайджанском языке нет самостоятельной фонемы *Λ* (ср. англ. *but*); однако существует все же звук *Λ* как позиционный альтернант фонемы *a*: *кәләјдәм—алΛјдым*, где *e* и *Λ*, будучи альтернантами фонем *ə* и *a* в одной и той же позиции, образуют корреляционную пару» (стр. 43). С точки зрения фонетической альтернации, такое допущение вполне справедливо. Но если исходить из фонематического статуса *e* и *Λ*, то следует быть несколько более осторожным. Дело в том, что в вокализме азербайджанского языка *e* является не только позиционным вариантом фонемы *ä*, но и существует как самостоятельная фонема. В этом смысле самостоятельную фонему *e* и позиционный вариант *Λ* неправомерно включать в одну корреляционную пару.

Что касается фонемы *e*, то она по отношению ко всем остальным гласным находится в особом — нейтральном положении. По признаку палатальность/гutturальность абсолютными коррелятами являются *i—y*, *ü—u*, *ä—a*, *ö—o*. Фонетически палатальная гласная *e* не имеет своего абсолютного коррелята, и потому ее часто относят к смешанному ряду. По степени раствора должны коррелировать *i—ä*, *ü—ö*, *y—a*, *u—o*, что вполне удовлетворяет и с точки зрения симметричности системы. Фонема же *e* снова остается за пределами симметричных корреляций, и ее приходится относить к

³ Под структурой мы понимаем отношения между лингвистическими единицами в процессе их функционирования, то есть в синтагматике. Именно в этом плане структурными характеристиками кратчайших звуковых единиц являются их сочетаемость, нейтрализуемость, а также позиционные и комбинаторные изменения.

гласным среднего подъема, найдя для нее соответствующий коррелят (хотя и не равноправный). Локальные признаки также определяют четыре симметричные корреляционные пары ($i-\ddot{u}$, $\ddot{a}-\ddot{o}$, $a-o$, $y-u$), и снова гласная e остается без коррелята.

Учитывая такое нейтральное положение гласной e по отношению к другим гласным, следует думать, что наиболее подходящим дифференциальным признаком этой гласной является «нейтральность», которую нужно понимать не в фонетическом, а в фонологическом (алгебраическом) смысле. При этом азербайджанский вокализм может быть представлен классическим кубом с одной нейтральной гласной в центре:

После определения основных принципов классификации азербайджанских гласных А. К. Алекперов приводит характеристики отдельных гласных, указывает специфические их признаки, фонологические и позиционные вариации, дистрибутивные возможности, а также некоторые артикуляционно-акустические особенности.

Следующая глава посвящена консонантизму, в частности вопросу установления состава согласных фонем, который из-за различных трактовок геминат, то есть удвоенных, или длительных согласных, является весьма дискуссионным. Автором определяются основные принципы классификации согласных и дается фонематическая (в ряде случаев и фонетическая) характеристика отдельных согласных.

Вопрос о геминатах в тюркских языках (в том числе и в азербайджанском) не решен и по сей день. Интерес представляют некоторые замечания автора рецензируемой книги, который считает, что «необходимо прежде всего, разграничив артикуляционно-акустический и морфологический аспекты рассмотрения проблем, попытаться разобратся в самом предмете исследования». Геминацию, под которой тюркологи понимают далеко не одно и то же, следует изучать, пишет далее автор, «в зависимости от фонетической природы согласных, фонетических процессов ассимилятивного или экспрессивного характера, слогоделения и границ морфем, не говоря уже об учете раз-

ных лексических пластов и словообразовательных форм в языке (судьбы заимствованных геминат, дестимологизация, ономотопея и т. д.)» (стр. 57).

А. К. Алекперов справедливо заключает, что «в пределах консонантного состава современного азербайджанского языка ни один долгий согласный не образует самостоятельной фонемы, точнее, фономорфологические критерии не позволяют рассматривать его в качестве отдельной фонемы» (стр. 71). Следует добавить, что характерные для структуры заимствований (типа *hâzz*), звукоподражательных слов (типа *şagg, zugg* и т. д.), а также для случаев речевой экспрессии (типа *başşup üşşup* вместо *başup üşup*) удвоенные согласные относятся не к центральной фонологической системе азербайджанского языка (где все подчиняется дистинктивной функции звуковых единиц), а к маргинальной, элементы которой выполняют дополнительные функции. Для центральной фонологической системы не характерны также установленные А. Ахундовым «архаический» велярный носовой η и «алгебраическая», смешанная согласная фонема.

Стремление отдельных исследователей во что бы то ни стало иметь свою собственную классификацию привело к тому, что «сколько имеется авторов, столько существует и разных классификаций одного и того же объекта науки». Рассмотрим, например, вопрос разделения согласных на глухие и звонкие. По мнению У. Ш. Байчура, в словах *rij* 'жир' и *bâbâ* 'ребенок' согласные r и b различаются предыхательностью/непредыхательностью⁴. С. Садыхов же, исходя из экспериментальных данных, считает, что для азербайджанских согласных релевантна сила/слабость⁵. Что касается Ф. Кязимова, то он признает фонологическую существенность признака напряженность/ненапряженность⁶. Подобные разногласия вызваны тем фактом, что дифференциальные признаки в речевом потоке не всегда следуют друг за другом во времени. В каждой точке времени речевой (звуковой) поток характеризуется многими акустическими (или артикуляторными) признаками, являющимися частью дифференциальными, а частью—до-

⁴ У. Ш. Байчура. Некоторые вопросы фонетики тувинского языка по экспериментальным данным. — «Ученые записки Казанского государственного университета им. В. И. Ленина», т. 117, кн. 9, 1957, стр. 117.

⁵ С. Б. Садыхов. Экспериментальные исследования согласных современного азербайджанского литературного языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1968, стр. 9.

⁶ Ф. Кязимов. Система согласных фонем современного азербайджанского литературного языка. — «Ученые записки Азербайджанского государственного педагогического института иностранных языков», 1958, вып. 1, стр. 50—51.

полнительными (сопутствующими), что признается и Р. Якобсоном⁷. В частности, для азербайджанского языка, с фонологической точки зрения, существенным является лишь противопоставление звонких и глухих, тогда как напряженность/ненапряженность становится сопутствующим признаком (такого же мнения придерживается и автор книги, см. стр. 76).

Характеризуя отдельные согласные, А. К. Алекперов справедливо исходит из строгого разграничения изменений, с одной стороны, фонетических, и с другой — приобретших фонематическую направленность. В этом отношении вполне приемлемо его утверждение о том, что лабиализация и палатализация, играющие существенно важную роль в качественной дифференциации гласных фонем, для согласных не играют роли реле-

вантного признака: последним свойственны спирантизация и озвончение, которые характеризуют исторический путь развития общетюркских шумных и смычных в азербайджанском языке и, с точки зрения его современного состояния, относятся уже к фонологически существенным факторам (стр. 82).

Объективно анализируя отрицательные и положительные стороны как теоретико-методических, так и эмпирико-практических выводов своих предшественников, А. К. Алекперов подготавливает благоприятную почву для проведения дальнейших исследований. И значение рецензируемой книги, по нашему мнению, помимо этого, заключается еще и в ее научной последовательности, принципиальности и полемичности.

А. М. Мамедов

⁷ См.: П. С. Кузнецов. Проблема дифференциальных признаков. — В кн.: «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 205—206.

G. HAZAI UND P. ZIEME. BERLINER TURFANTEXTE, I. FRAGMENTE DER UIGURISCHEN VERSION DES «JIN'GANGJING MIT DEN GÄTHÄS DES MEISTER FU» NEBST EINEM ANHANG VOM T. INOKUCHI*

Более десяти лет назад, в 1959 г. был опубликован 10-й выпуск известной серии «Тюркские турфанские тексты». Основание этой серии связано прежде всего с именами крупнейших немецких тюркологов В. Банга и А. фон Габен. Последняя издала подготовленную для печати вчерне польским тюркологом Т. Ковальским (1889—1948) древнеуйгурскую версию рассказа о демоне Атавака¹. А. фон Габен заново проверила текст, уточнила чтение, транскрипцию и лексико-грамматические комментарии, снабдила издание введением и полными словарями-индексами встречающихся тюркских и заимствованных слов.

Данным изданием после десятилетнего перерыва открывается новая серия публикаций древнеуйгурских текстов, которые в начале XX в. были доставлены из Восточного Туркестана экспедициями, руководимыми А. Грюнведелем и А. фон Лекоком, и ныне хранятся в Центральном институте древней истории и археологии Немецкой Академии наук в Берлине и частично в Западном Берлине.

* *Schriften zu Geschichte und Kultur des alten Orients*, № 3. Berlin, 1970.

¹ *A. v. Gabain. Türkische Turfantexte, X. Das Avadāna des Dämons Atavaka*. Bearbeitet von T. Kowalski. Aus dem Nachlaß herausgegeben.—*Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. Jahrgang, 1958, № 1. Berlin, 1959.

Изучение тюркских текстов из Восточного Туркестана имеет более чем полувековую традицию и связано с именами В. В. Радлова, Ф. В. К. Мюллера, А. фон Лекока, В. Банга, С. Е. Малова, А. фон Габен, Р. Р. Арата и других, чьи исследования шаг за шагом раскрывали историю языка, быта, культуры забытых племен. Работы этих ученых являются ценнейшим достоянием мировой тюркологии².

Публикации этих памятников в серии «Тюркские турфанские тексты» отражают сложившиеся в немецком востоковедении принципы издания древних памятников. Однако В. Банг, а затем и А. фон Габен, а также их ученики творчески применили эти принципы с учетом особенностей древнетюркских текстов, написанных орхоно-енисейским (руническим), манихейским, уйгурским и другими алфавитами средневековой Центральной Азии. Так возникла система воспроизведения текстов, которую А. фон Габен назвала «интерпретирующей транскрипцией»³. Эта транскрипция совмещает в себе точную передачу, или транслитерацию, однозначных по своему фонетическому содержанию знаков соответствующего алфавита и интерпретацию исследователем полифонных знаков. Для проверки достоверности издатели вслед за транскрипцией вос-

² Краткое описание этих и других изданий см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. XXI—XXXVIII. Список источников.

³ *A. v. Gabain. Türkische Turfantexte, X.*, стр. 8.

производили текст или чаще отдельные его фрагменты. Издания снабжались лексико-грамматическими комментариями, а начиная с шестого выпуска — индексами слов, включающими указания на различные словоформы и некоторые морфологические показатели, причем в последних выпусках, в частности в восьмом, приводится их полный перечень.

Подобная техника издания древнетюркских текстов оказывала определенное влияние и на другие их публикации.

Выпуск, подготовленный в 1970 г. тюркологами из ГДР Г. Хазаи и П. Циме, ознаменовал собой следующий этап в публикации древнетюркских текстов берлинского собрания. Этот выпуск открыл новую серию под названием «Берлинские турфанские тексты», которая в свою очередь составляет часть обширного издания «Тексты по истории и культуре Древнего Востока». Издание это предпринято Центральным институтом древней истории и археологии Немецкой Академии наук в Берлине. Предполагается, что в этой новой серии, помимо тюркских текстов, будут издаваться также представленные в берлинском собрании иранские, санскритские, китайские и другие тексты. Часть их уже в настоящее время готовится к печати.

В рецензируемом выпуске публикуются фрагменты уйгурского текста сутры *Vajracchedikā* (Алмазная сутра — уйг. *Kitqoqi*) — «одной из наиболее популярных, получивших широкое распространение»⁴ в буддийском мире. В издание включены фрагменты семи различных рукописей и одного ксилографа⁵. Поскольку оригинал одной из них, видимо, не сохранился, авторы воспользовались его транскрипцией, выполненной ранее Р. Аратом.

Благодаря ссылкам и упоминаниям в других сочинениях⁶, о существовании уйгурского текста сутры *Vajracchedikā* было известно и ранее. Выход же в свет настоящей работы позволяет ознакомиться, хотя и частично, непосредственно с самим, до этого неизвестным, текстом сочинения. Язык сочинения — классический древнеуйгурский периода расцвета древнеуйгурской литературы (VIII—X вв.). Во многих деталях он близок к языку, представленному в сочинении *Altun Jaiquq* и уйгурском переводе биографии Сюань-цзана.

⁴ См.: *A. Csoma. Analyse du Kandjour. Paris, 1881, стр. 548.*

⁵ Отрывок ксилографа публиковался авторами данного издания и ранее. См.: *G. Hazai — P. Zieme. Ein uigurisches Blockdruckfragment einer Einleitung zum Vajracchedikāsūtra. AOH, t. XXI, fasc. I, 1968, стр. 1—14.*

⁶ См.: *Sinor Dénes. A középázsiai török buddhismusrol. — Körösi Csoma Archivum, 1939. Bd. I; Hft. 5, 1939, стр. 371; W. Bang und A. von Gabain. Türkische Turfantexte, V. SPAW, phil.—hist. Kl., XIV, 1931, стр. 348.*

Как известно, тюркские тексты из Восточного Туркестана различны по своему характеру и отличаются значительными языковыми расхождениями. Публикация разнородных фрагментов одного сочинения, иногда в различных редакциях, дает дополнительный материал для дальнейшего уточнения их классификации.

Настоящее издание продолжает лучшие традиции предшествующих публикаций материалов из берлинской коллекции и прежде всего «Тюркских турфанских текстов». Оно состоит из введения, к которому примыкают списки используемых авторами сокращений, текста в транскрипции с немецким переводом и подстрочными примечаниями лексического и грамматического характера, индекс-словаря, грамматического индекса, приложения, написанного японским ученым Т. Инокучи (Киото), и факсимильного воспроизведения текстов уйгурской и китайской версий.

Текст дается в «интерпретирующей транскрипции», выработанной при издании «Тюркских турфанских текстов». Здесь находят отражение невыписанные *a/ä* и *i* (типа *t(a)var* 'имущество'; *b(ä)lgü* 'знак, примета'; *atl(i)γ* 'по имени'), пропуск *алифа* при гласных первых слогов в мягкорядных словах (типа *yollögüg* 'толкование'), своеобразие субституции графем *t* и *d*, *s* и *z* и некоторые другие особенности орфографии.

Транскрипция выполнена с учетом распределения фонем, однако имеются и некоторые отступления от схемы. Ср. *tuymaqsiz* (B 59), *tuym*, *tuymiš* (B 44), *tuymaqi* (D 190) вместо ожидаемого *tuymaqsiz*, *tuym*, *tuymiš*, *tuymaqi*; *uyug* (A₂ 9), *uyga-* (D 148, 181) вместо *ouyug*, *ouga-*; *bo* (A₂ 9, 14, 20, 34 и др.) вместо *bu* и т. д.

Корректный перевод немало способствует точному пониманию древнетюркского текста. В перевод введены с соответствующими оговорками дополнения, отвечающие уяснение смысла, а также санскритские эквиваленты тюркских специальных выражений. В примечаниях же эти выражения часто используются и толкуются на основе параллельных мест китайской версии. Многие лакуны древнетюркского текста были восполнены и реконструированы на основе таких параллелей, благодаря чему восприятие содержания буддийского текста стало во многом цельным. Поскольку издание рассчитано на широкий круг специалистов, а не только тюркологов-лингвистов, нельзя быть в претензии к авторам за некоторые неточности и отступления при переводе лексико-грамматических особенностей подлинника. Кстати, вопрос о необходимой точности перевода в зависимости от цели публикации древнетюркского текста требует в настоящее время специального обсуждения, ибо и у нас в стране, и за рубежом издание памятников древнетюркской письменности все более расширяется.

Несмотря на большое число публикаций и исследований, интерпретация древнеуйгур-

ских текстов по сей день сопряжена с большими трудностями.

Каждый новый отрывок текста, правильно прочитанный при помощи параллельного текста на другом языке, не только обогащает уже имеющиеся сведения о данном языке, но, отражая различные аспекты истории культуры народа, способствует дальнейшей успешной интерпретации древнетюркских текстов вообще. Но и при столь корректном переводе можно высказать некоторые замечания по поводу деталей. Так, например, на стр. 20 стк. 38 вызывает сомнение интерпретация глагольной формы *sīqur-* в сочетании *ōiǰ sīqur* как каузативной формы от основы глагола *sīq-* 'давить, жать, теснить' (druckен). Сомнение вызвано тем, что форма каузатива на *-ur* от глагола *sīq-* в указанном значении нетипична так же, как нетипично употребление глагола в сочетании со словом *ōiǰ*. Форма каузатива на *-ur* возможна от другой глагольной основы — *sīŷ-* 'вмещаться, помещаться' с переносным значением 'годиться, подходить', для которой к тому же сочетание со словами, выражающими просьбу, пожелание, является вполне типичным. Ср. *kūsūšūmiz ol sīŷur alī jarlīqazun* 'наше пожелание таково, пусть он соизволит [его] принять'⁷.

В подстрочных примечаниях читатель находит много интересных и полезных сведений о вариантах текста, представленных в разных списках, о разночтениях, о соотношении древнеуйгурского текста и идентичного места китайской версии. Для отдельных слов авторы дают здесь свое чтение, транскрипцию и перевод, обосновывая это данными широкого круга источников. Следует отметить, что авторы также пользуются изданиями в СССР словарями тюркских языков, такими как «Киргизско-русский словарь» К. К. Юдахина, «Татарско-русский словарь» (1966), «Русско-тувинский словарь» (1954), «Русско-алтайский словарь» (1964), «Русско-чувацкий словарь» (1951) и др.

К серьезным достоинствам словаря-индекса следует отнести то, что в него включены все древнеуйгурские слова со всеми их словоформами из текста, а также приведенные в примечаниях. Таким образом, каждое слово рукописи, даже не попавшее в сводный текст, зарегистрировано в индексе; кроме того, вводятся в научный обиход и слова из еще не опубликованных древнеуйгурских текстов, которые, несмотря на это, используются издателями. В переводе, как правило, дается лишь одно, обычно основное или характерное для данного употребления значение тюркского слова, иногда шире тол-

куются многозначные глаголы. Заимствованные слова сопровождаются этимологической справкой: дается в транскрипции соответствующее среднеперсидское, согдийское, санскритское, монгольское, тибетское, китайское слово (последнее сопровождается и иероглифом) и др. Отдельные слова снабжены грамматическими пометами (послелог, служебное слово, падежная форма местоимения и т. п.). После перевода следует перечень словоформ с указанием рукописи и строки в ней, причем словоформа обычно дается в составе словосочетания, то есть вместе с управляющим или зависимым словом.

Благодаря грамматическому индексу читатель получает как бы двухстороннюю информацию о грамматических формах слова в тексте. С одной стороны, в словаре-индексе он видит все словоформы одного слова, с другой — из грамматического индекса узнает все случаи употребления данной формы или показателя во всем тексте. Это, несомненно, облегчает и ускоряет грамматический анализ текста.

Наконец, следует особо сказать об отличном полиграфическом выполнении всех семи факсимиле уйгурских фрагментов (оригинал одной рукописи утерян) и копии китайской версии. Как справедливо указывают издатели, это «отклонение от традиции» дает возможность исследователю не только убедиться в достоверности издания, но также и продолжить работу над текстом: обратиться к его орфографии, заняться палеографическими изысканиями, попытаться интерпретировать «темные» места, то есть использовать все, что бывает скрыто за обычной транскрипцией текста. Следует надеяться, что и дальнейшие издания текстов берлинского собрания будут сопровождаться факсимиле.

Что касается приложения, написанного Т. Инокучи, то, помимо самостоятельного значения (здесь рассматривается соотношение уйгурской и китайской версий текста), оно полезно также для историка культуры и религии. Кроме того, это приложение вкладывается, наряду с другими аналогичными работами, основы будущих исследований в области, пока не разрабатываемой в уйгуристике, — технике перевода уйгурами различных текстов.

В заключение хотелось бы пожелать появления новых публикаций древнетюркских текстов из берлинского собрания, столь же удачных, как и рецензируемая публикация Г. Хазаи и П. Циме.

Д. М. Насилов, Л. Ю. Тугушева

⁷ A. von Gabain. Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie. SPAW, phil.—hist. Kl., 1938, XXIX, стр. 383.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К 120-ЛЕТИЮ ВЫХОДА В СВЕТ РАБОТЫ О. Н. БЕТЛИНГКА «О ЯЗЫКЕ ЯКУТОВ»

29—30 ноября 1971 года в г. Якутске состоялась научная конференция, организованная Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР и кафедрой якутского языка и литературы Якутского государственного университета, посвященная 120-летию выхода в свет известного труда академика О. Н. Бётлингга «Ueber die Sprache der Jakuten».

В работе конференции приняли участие филологи Якутска, языковеды из Новосибирска, Улан-Удэ.

Открывая конференцию, директор Института ЯЛИ ЯФ СО АН СССР *Е. И. Коркина* коротко остановилась на огромном научном значении выдающегося труда О. Н. Бётлингга, положившего начало научному изучению якутского языка и заложившего основы сравнительного изучения тюркских и монгольских языков.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) в докладе «Классический труд О. Н. Бётлингга о якутском языке» охарактеризовала состояние тюркского и общего языкознания в период написания работы «О языке якутов». По уровню своих лингвистических воззрений О. Н. Бётлингга стоял значительно выше своих современников и во многом, особенно во взглядах на принципы классификации языков, предвосхитил развитие отечественного и зарубежного языкознания. Основные идеи его теоретического «Введения» к работе утвердились в языкознании только в конце XIX—начале XX в. Исторической заслугой О. Н. Бётлингга является и то, что именно он впервые поставил теоретическое языкознание на прочный фундамент языковых фактов. Образцы научной обработки таких фактов О. Н. Бётлингг представил в своем классическом труде.

Далее докладчик подробно говорит об исключительных научных достоинствах труда О. Н. Бётлингга, который благодаря плодотворности заложенных в нем идей, всесторонности исследования строя якутского языка, глубине сравнительного и сравни-

тельно-исторического анализа языковых фактов по праву считается работой, заложившей основу сравнительно-исторического изучения тюркских языков.

С докладом «А. Я. Уваровский — учитель академика О. Н. Бётлингга якутскому языку» выступил писатель *Н. А. Габышев* (Якутск). На основе архивных материалов ему удалось воссоздать документальную биографию этого незаурядного человека. А. Я. Уваровский был русским чиновником, для которого, по его собственному признанию, «Якутия была родиной, якутский язык — родным языком». За близость к ссыльным декабристам и «инородцам» он подвергался преследованиям со стороны царской администрации. А. Я. Уваровский был подлинным гуманистом, передовым для своего времени человеком. Он является автором первого литературного произведения на якутском языке, обладавшим глубокими знаниями в области этнографии, жизни и быта якутского народа.

А. Я. Уваровский с готовностью и исключительным бескорыстием посвящал О. Н. Бётлингга во все тонкости якутского языка. Сам О. Н. Бётлингг был весьма высокого мнения об А. Я. Уваровском и его познаниях, называл его «своим даровитым наставником», «учителем», «живым словарем», у которого «подлинный выговор туземца» и т. д. Докладчик подчеркнул, что без помощи А. Я. Уваровского знаменитый труд О. Н. Бётлингга не смог бы занять того места в языкознании, которое он занимает.

П. П. Барашков (Якутск) в докладе «О. Н. Бётлингг и вопрос о происхождении якутских долгих гласных и дифтонгов» отметил, что эти особенности якутского языка были впервые обнаружены и подробно описаны О. Н. Бётлинггом, который также выяснил возникновение долгих гласных и дифтонгов в словах тюркского происхождения типа як. siel 'трива' — нижегор. jāl, як. bierg- 'дать' — нижегор. ber-, як. suol 'дорога' — тат. jöl, як. suoḡaḡan 'одеяло' — тат. jöḡaḡan ḡoḡon om ḡoḡoḡon, хан om хаҕан и т. д.

По мнению докладчика, долгие гласные и дифтонги в якутском языке возникли независимо от других тюркских языков. Дифтонги, функционирующие в якутском языке с древнейших времен, подвергались изменениям в соответствии с законом гармонии гласных: уа, ie, io, üö. В якутском языке долгие гласные и дифтонги возникают в результате вокализации конечных g, ɣ: древнетюрк. *elig* > як. *iil* 'рука', древнетюрк. *serig* > як. *seri*; в процессе перехода древнетюркских конечных z, š, č в якутский s/h/: *xaz* > *xäs* 'гусь', *taš* > *täs* 'камень', *küč* > *küs* 'сила'; в словах, оканчивающихся на согласные l, g, j, n: *bag* > *bär* 'есть', *baj* > *bäj* 'богатый', *bol* > *buol* 'быть', *bel* > *bil* 'поясница'; в словах с открытым слогом: *bi* > *bie* 'кобыла', *ti/di* > *die* 'говорить'. Докладчик приходит к выводу, что долгие гласные в якутском языке возникают «в результате акустического несоответствия конечных согласных якутского языка согласным древнетюркского языка».

В докладе «О якутских именных основах неизвестного происхождения» Н. К. Антонов (Якутск) сообщил о результатах проведенных им исследований этимологий более чем восьмисот именных основ. Н. К. Антонов полагает, что эти основы, наряду с другими данными, позволили В. Радлову выдвинуть предположение о нетюркском происхождении якутского языка. Исследованные слова не относятся к ядру основного словарного фонда якутского языка, а «являются поздними наслоениями, связанными преимущественно с миграцией предков якутов со степного юга в таежную холодную северную зону». Таким образом, заключает Н. К. Антонов, предположение В. Радлова о нетюркском, неизвестном происхождении якутского языка матерналами именных основ этого языка не подтверждается.

Н. Е. Петров (Якутск) в докладе «О. Н. Бётлингк о служебных словах в якутском языке» говорил о вкладе ученого в исследование этой категории слов. Генетический принцип классификации служебных слов, начало которому было положено О. Н. Бётлингком, ныне широко применяется при исследовании якутского и других тюркских языков. О. Н. Бётлингк в своем труде подвергнул разбору более восьмидесяти служебных слов, раскрыл их значения и установил происхождение. Подробнее и глубже других изучены послелогов и служебные имена. Докладчик считает, что не вполне самостоятельный характер послелогов и служебных имен, бедность союзов и частиц отражают состояние развития якутского языка в середине XIX в. Придавая исключительное значение вкладу О. Н. Бётлингка в разработку служебных слов, Н. Е. Петров вместе с тем предложил свои этимологии некоторых послелогов и охарактеризовал данную категорию слов в современном якутском литературном языке. В заключение докладчик подчеркнул необходимость тщательного исследования этой недостаточно

изученной в тюркских языках проблемы, ибо «развитие служебных слов, поскольку они находятся на стыке грамматики и лексики в широком смысле этих слов, как в фокусе отражает сдвиги в лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе, стилистике, культуре речи и т. д.».

Н. Д. Дьячковский (Якутск), выступивший с докладом «О выпадении -j в конце глагольных основ», говорил о необходимости диахронического подхода к изучению данного явления. В историческом плане вместо «выпадения» -j в конце глагольных основ следует усматривать добавление -j на более позднем этапе самостоятельного развития якутского языка. Залоговые формы многих глаголов, в которых якобы произошло выпадение -j (*süj* 'мыть' — *süp* 'мыть-ся', *utuj* 'спать' — *utut* 'усыплять'), восходят к более древнему состоянию якутского языка. Конечный -j отсутствовал и в монгольских глагольных основах, заимствованных якутским языком. Что же касается выпадения -j перед словообразующими аффиксами, то здесь можно допустить, что такого типа отглагольные именные основы сохранились издревле или вошли в якутский язык из монгольских языков уже в оформленном виде, например: *qaralta* 'печенье', *dabān* 'горный подъем', *iteyel* 'вера, доверие' (ср. бур. *ka-galta*, монг. *dabayān*, монг. *iteyel*) и т. п.

В докладе В. И. Рассадина (Улан-Удэ) «Бурятиязмы в якутском языке» говорилось о возможности выделения в лексике якутского языка элементов, соотносимых с бурятскими и не имеющих аналогий в других монгольских и тюркских языках. Докладчик выделил специфические бурятско-якутские соответствия, составляющие довольно заметную группу среди монгольских лексических элементов в якутском языке. Основная же масса монголизмов якутского языка характеризуется чертами монгольского языка XIII—XIV вв., что отмечалось в работе С. Калужинского «О монгольских элементах в якутском языке»¹. Кроме средневековых монгольских и бурятских соответствий, в якутском языке обнаруживаются соответствия и с языками внутренних монголов, халхасцев, калмыков, а также со старописьменным монгольским языком. Предполагается, что бурятский лексический слой в якутском языке и некоторые бурятско-якутские аналогии в развитии фонетических систем обоих языков могли появиться в результате контактов и возможного двуязычия в районе Прибайкалья, где обитали предки якутов и бурят. Не исключена также возможность возникновения бурятско-якутского лексического пласта в результате слияния части хоринцев (бурятского племени) с якутами.

Доклад Е. И. Коркиной (Якутск) «Об одном из ранних переводов „Якутской грамматики“ О. Н. Бётлингка на русский язык»

¹ St. Kalyžinski. Mongolische Elemente in der Jakutischen Sprache. Warszawa, 1961.

был посвящен рукописи сокращенного перевода, хранящегося в Якутской республиканской библиотеке им. А. С. Пушкина. Перевод этот выполнен уроженцем и жителем города Якутска Николаем Ефимовичем Чапаловым. Точное время выполнения перевода не установлено. Однако известно, что он сделан до революции. Перевод Н. Е. Чапалова, несмотря на ряд сокращений, выполнен достаточно квалифицированно и верно передает основное содержание «Якутской грамматики».

Е. И. Коркина высказала предположение, что перевод был осуществлен Н. Е. Чапаловым, по-видимому, самостоятельно, независимо от изданной в 1900 году «Грамматики якутского языка» С. В. Ястремского, широко использовавшего работу О. Н. Бётлингга.

Выступивший с докладом «О сюжете олонхо „Эр Собоҥо“ А. Я. Уваровского» Н. В. Емельянов (Якутск) подчеркнул, что, несмотря на жгательность изложения, А. Я. Уваровский оставил в неприкосновенности все сюжетные линии этого популярного олонхо, героического эпоса, посвященного происхождению якутского народа. Сохранение эпического колорита, художественных особенностей изложения, последовательности в развитии сюжета свидетельствуют о хорошем знании А. Я. Уваровским якутского фольклора.

По мнению Н. В. Емельянова, появление героического эпоса якутского народа могло быть связано с возникновением и развитием ранних форм родового строя.

Е. И. Убрятова в докладе «Разработка синтаксиса якутского языка в труде О. Н. Бётлингга „Ueber die Sprache der Jakuten“» отметила, что в своем обширном труде О. Н. Бётлингг описал почти все важнейшие синтаксические формы якутского языка, сделав при этом множество тончайших наблюдений. Очень подробно описаны главные члены предложения, особенно подлежащее. О. Н. Бётлингг выявил существующее в якутском языке выражение прямого дополнения в форме неопределенного, винительного и частного падежей, описав все три вида определения (примыкающее, изафетное, причастное), остановился на выражении обстоятельства в форме нескольких падежей, на всех способах связи, в том числе на сложных изафетных конструкциях, на порядке слов в словоосочетаниях и предложениях и т. д.

Е. И. Убрятова считает, что по вопросу о структуре сложноподчиненного предложения О. Н. Бётлингг высказал ряд совершенно верных соображений (например, об аффиксальном способе связи в сложноподчиненных предложениях, о выражении сказуемого придаточного предложения). О. Н. Бёт-

лингг описал глагольные формы очень подробно, однако более полному раскрытию роли причастий при образовании сложноподчиненных предложений помешало то, что он относил причастия к именам.

И. Е. Алексеев (Якутск) выступил с докладом «О словесном ударении в якутском языке», в котором изложил результаты экспериментального изучения словесного ударения в якутском языке посредством пографического метода. Выяснено, что двусложные словоформы имеют одно музыкальное ударение, локализованное на последнем слоге, многосложные же — два ударения (иногда, возможно, больше), из которых одно является главным или основным. Основное ударение, как правило, локализуется на последнем слоге. Второстепенное ударение — необязательное, приходится преимущественно на первый слог. Иногда оно сопровождается другим, слабее выраженным ударением с постоянной локализацией.

Музыкальная характеристика якутского основного ударения была впервые обнаружена Л. Н. Харитоновым по слуховым данным. Она является определяющей для главного ударения в якутских словах любого типа.

А. К. Сивцев (Якутск) в докладе «Об этнонимах саха, якут и русский» предложил свои варианты этимологии этих этнических терминов. По его мнению, при этимологизации этнонима саха — самоназвания якутов — не учитывается возможность его эвенкийского происхождения. В севернобайкальском диалекте эвенкийского языка имеется слово саха со значением «серый» (по-якутски *боҕоҥ*). Автор связывает его значение с фольклорным самоназванием якутов *боҕоҥ иҕаҥхай* 'смуглый урянхаец' идентичным сочетанию *саха иҕаҥхай*. Якутскому этнониму *пүссэ* (якутское название русских) более близок один из древних татарских этнонимов — *пища*, который мог быть перенесен якутами и другими народами Северо-Восточной Азии на русских.

В обсуждении докладов приняли участие Е. И. Убрятова, Н. С. Григорьев, М. А. Черосов, П. С. Афанасьев, Н. Е. Петров и другие.

Все выступавшие отмечали огромное значение труда О. Н. Бётлингга для развития тюркологии и поддержали решение V Ленинградской тюркологической конференции (июнь 1971 г.) о подготовке его русского перевода.

Было принято решение об издании материалов конференции и подготовке перевода труда О. Н. Бётлингга на русский язык.

П. А. Слепцов

О РАБОТЕ НАД ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИМ АТЛАСОМ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

20—21 апреля с. г. в Академии наук Азербайджанской ССР (Баку) состоялось совещание участников работы над Диалектологическим атласом тюркских языков СССР. В совещании приняли участие диалектологи из пятнадцати тюркоязычных союзных и автономных республик и областей, а также ряд московских ученых.

Совещание открыл академик Академии наук Азерб. ССР *М. Ш. Ширалиев*. В своем вступительном слове он сообщил, что по указанию Научного совета по диалектологии и истории языка составление Диалектологического атласа тюркских языков СССР с 1972 года должно быть включено в планы работ научно-исследовательских институтов тюркоязычных республик и областей.

Первый этап работы над составлением Диалектологического атласа в основном завершен. Произведен отбор изоглосс и на этой основе составлен Вопросник. Вопросник был обсужден на местах и с учетом выдвинутых предложений утвержден на Кишиневском совещании в ноябре 1971 г. На местах составлены сетки с указанием пунктов обследования. Сведения по этим сеткам уже начали поступать в сектор тюркских языков Института языкознания АН СССР.

В настоящее время тюркологи приступают ко второму этапу работы, то есть к сбору материалов, их камеральной обработке и картографированию. Именно данным вопросам и посвящен созданный в Баку семинар составителей Диалектологического атласа тюркских языков СССР.

На семинар приглашена специалист по Общеславянскому лингвистическому атласу *В. Ф. Коннова*, которая поделится опытом работы по сбору, обработке и картографированию диалектологических материалов. Хотелось бы выслушать также сообщения самих составителей о проделанной работе, ее специфике, встречающихся трудностях, возникающих вопросах и т. д.

Л. А. Покровская (Москва) проинформировала об обсуждении и утверждении Вопросника Диалектологического атласа тюркских языков на Всесоюзном совещании по вопросам диалектологии и истории языка (Кишинев, ноябрь 1971 г.).

Учитывая поступившие с мест частные замечания и пожелания по проекту Вопросника, авторский коллектив последнего предложил внести в него ряд изменений, которые обсуждались на совещании в Кишиневе. В результате обсуждения в Вопросник были внесены следующие изменения:

1. Снят пункт 5 (стр. 31) — должно быть ватальное наклонение.

2. Дополнен раздел «Лексика» словами: 1) дерево (как растение), 2) перепел, 3) нёбо, 4) пахтать (взбивать масло, кумыс).

3. Включен вопрос о племенном составе обследуемой территории.

На заключительном пленарном заседании совещания была принята следующая резолюция по проекту Вопросника Диалектологического атласа тюркских языков СССР:

1. Разработанный сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР Вопросник Диалектологического атласа тюркских языков СССР с дополнениями, внесенными на совещании в Кишиневе 10—12 ноября 1971 г., — утвердить и считать возможным приступить к сбору конкретного материала по данному Вопроснику в 1972 году по всем регионам.

2. Просить оргкомитет по Диалектологическому атласу тюркских языков СССР организовать в начале 1972 года совещание представителей республик и областей, ответственных по работе над атласом, для инструктажа по сбору материала и утверждения сетки.

В соответствии с этой резолюцией Институт языкознания Академии наук Азерб. ССР организовал данное совещание, на котором участники работы над Диалектологическим атласом тюркских языков СССР должны будут решить ряд практических вопросов.

В. Ф. Коннова (Москва) в своем сообщении отметила, что специфика построения Вопросника Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА) связана с особенностями истории и современного состояния славянских языков и диалектов, а также и с необходимостью сочетать в работе над ОЛА традиции разных диалектологических центров стран—участниц работы над этой темой. Затем *В. Ф. Коннова* остановилась на следующих вопросах:

1) история разработки настоящего проекта ОЛА (1958—1972) и характеристика основных документов атласа: Вопросника ОЛА, транскрипции для записи диалектологических материалов, инструкции к Вопроснику ОЛА, методических указаний собирателям материалов по Вопроснику ОЛА;

2) значение пробного обследования по предварительному варианту Вопросника ОЛА для уточнения его объема и содержания;

3) о карте и сетке населенных пунктов для ОЛА;

4) методы работы в деревне: выбор информантов—носителей традиционного слоя местного говора, собирание материала методом тематической беседы (используется привычная для собирателей транскрипция);

5) обработка собранных материалов: составление специальных картотек, перевод местных транскрипционных записей на транскрипцию для ОЛА;

6) пробное картографирование.

С сообщениями о подготовке к пробному сбору материала для Диалектологического атласа тюркских языков выступили: *М. Исламов* (Баку), *Л. Т. Махмутова* (Казань), *Г. Б. Бакинова* (Фрунзе), *Н. Х. Максютлова* (Уфа), *Г. Сапарова* (Ашхабад), *С. А. Калмыкова* (Черкесск), *Ш. Насыров* (Ташкент), *Д. Ф. Патачакова* (Абакан), *П. П. Барашков* (Якутск), *О. Накисбеков* (Алма-Ата), *У. Бекбаулов* (Нукус).

Л. П. Сергеев (Чебоксары) и *Ш. Х. Акбаев* (Карачаевск) поделились опытом пробного сбора материала для атласа, проведенного в 1971 году по диалектам чувашского и карачаево-балкарского языков. Многие пункты Вопросника в фонетической части дали диалектные изоглоссы. *Л. П. Сергеев* также отметил, что необходимо составить и опубликовать инструкцию по сбору материалов для атласа.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) охарактеризовала состояние изучения диалектов тюркских языков Сибири. В отношении работы над Диалектологическим атласом тюркских языков вызывает беспокойство малочисленность кадров диалектологов по сибирско-тюркским языкам.

На совещании развернулась дискуссия по вопросу о принципах составления сетки пунктов обследования. *Л. Т. Махмутова* отстаивала необходимость организации сбора материала для атласа на основе равномерной сетки. При таком принципе обследования подлежат довольно большое количество населенных пунктов (по татарским диалектам намечено около 180 пунктов), но зато собранные материалы будут объективными и доказательными. Кроме того, опыт работы по атласам европейских языков также свидетельствует в пользу применения принципа равномерной сетки. Равномерная сетка пунктов обследования составлена также для сбора материалов по диалектам казахского языка (как доложил *О. Накисбеков*, намечено 140 пунктов).

Н. Х. Максютлова, *Г. Б. Бакинова*, *Г. Сапарова* и другие наметили пункты обследования исходя из уже известного диалектного членения соответствующих тюркских языков. При этом учитываются также этнический состав населенных пунктов и соседство их с иноязычным населением.

Н. А. Баскаков (Москва) поддержал принцип выбора пунктов обследования по диалектному членению языка. Например, по алтайскому языку достаточно взять 6 пунктов, по ногайскому — 3. Масштабы зональных и сводных карт будут различными. Для зональных карт подойдет масштаб 20—25 км, предложенный *Л. Т. Махмутовой*. Первичные материалы следует записывать в привычной для каждого языка транскрипции, а в дальнейшем все материалы должны быть переведены на общетюркскую транскрипцию, составленную на основе русской графики.

По просьбе участников совещания выступила *В. Ф. Коннова* по вопросу о сетке населенных пунктов. Она отметила, что этот вопрос тесно связан с проблемой целей и задач атласа. Перед национальным атласом стоит задача реконструкции истории данного языка и классификации его диалектов. Атлас группы родственных языков обращен к более древнему периоду, нежели период самостоятельного существования отдельных языков. К этому вопросу следует подходить с объективных позиций. Материал для непредвзятого решения проблем взаимоотношений тюркских языков в общетюркский и последующие периоды могут предоставить только данные обследования территории современного распространения тюркских языков по *равномерной сетке* пунктов. Густоту этой сетки предстоит определить специалистам-тюркологам в каждой республике с учетом плотности населения и ландшафта.

Э. Р. Тенишев (Москва) одобрил принцип сбора материала по равномерной сетке. Это — единственный способ получения объективного материала для атласа, так как нам не известна степень древности различных явлений тюркских языков.

Л. А. Покровская ответила на некоторые вопросы и замечания по Вопроснику и в заключение подчеркнула, что необходимо выработать единый принцип составления сетки для всех тюркских языков, иначе собранный для атласа материал окажется непоставимым.

М. Ш. Ширалиев огласил проект решения, который затем был принят участниками совещания. Решение состоит из следующих пунктов:

1. Для работы над Диалектологическим атласом тюркских языков СССР выделить четыре зоны и утвердить руководителей работы по этим зонам:

1-я зона — Сибирская (центр — г. Новосибирск), включающая якутский, тувинский, хакасский, алтайский языки. Руководитель зоны — *Е. И. Убрятова*;

2-я зона — Среднеазиатская (центр — г. Ташкент), включающая казахский, киргизский, узбекский, туркменский, уйгурский, каракалпакский языки. Руководитель зоны — *Ш. Шаабдурахманов*;

3-я зона — Поволжская (центр — г. Казань), включающая татарский, башкирский, чувашский языки. Руководитель зоны — *Л. Т. Махмутова*;

4-я зона — Кавказская (центр — г. Баку), включающая азербайджанский, карачаево-балкарский, кумыкский, ногайский, гагаузский, караимский языки. Руководитель зоны — *М. Исламов*.

2. Установить следующие сроки работы над Диалектологическим атласом тюркских языков СССР:

1 этап — 1972—1974 гг. — сбор диалектологических материалов на основе утвр-

жденного *Вопросника* и их камеральная обработка;

II этап — 1975—1976 гг. — картографирование;

III этап — 1977—1980 гг. — составление комментариев к картам, редактирование и рецензирование.

3. Начать в 1972 г. сбор материалов для атласа по намеченным пунктам, а в даль-

нейшем продумать вопрос о составлении равномерной сетки.

4. Провести обсуждение собранных в 1972 г. материалов для атласа на следующем — VII региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков, которое намечается провести в г. Алма-Ате в апреле 1973 г.

Л. А. Покровская

«МАЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

13—14 июня с. г. в Москве состоялись очередные «Маловские чтения», организованные сектором тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР. «Чтения» были посвящены актуальным проблемам уйгуроведения, в развитие которого, как известно, профессор С. Е. Малов внес значительный вклад.

Помимо московских ученых, в «Чтениях» участвовали уйгуроведы Алма-Аты, Ленинграда, Самарканда и Ташкента. На первом заседании присутствовал видный шведский тюрколог Гуннар Ярринг.

«Чтения» открыл заведующий сектором тюркских языков Э. Р. Тенишев, кратко охарактеризовавший состояние и очередные задачи советского уйгуроведения.

Большая часть выступлений, заслушанных в ходе «Чтений», была посвящена уйгурской фонетике: соответствию широких и узких гласных с точки зрения их генезиса (Т. Галипов, Алма-Ата), расширению гласных в непервых слогах (М. И. Трофимов, Самарканд), соответствию *i—e* в уйгурских диалектах Синьцзяна (М. Заиди, Ташкент), оглушенному варианту фонемы *li* и условиям его появления (Э. Р. Тенишев, Москва), компонентам словесного ударения, ударению и сингармонизму (А. Махмудов, Ташкент), редукции широких гласных закрытого слога (К. Мелиев, Ташкент).

Г. Садвакасов (Алма-Ата) дал анализ языковых фактов, часто трактуемых как фонетический способ словообразования, и показал, что такая трактовка несостоятельна. На явлениях фузии при словосложении остановилась Р. Тарасенко (Москва).

В трех выступлениях были затронуты вопросы лексики и этимологии: Т. Рахимов (Москва) говорил о заимствованиях в уйгурском языке, главным образом китаизмах, их фонетическом освоении и особенностях правописания; Н. А. Баскаков (Москва) предложил интересную этимологию глагольного формата *to* в языке желтых уйгуров: *tug+o<tug+o!* (местоимение 3-го лица); И. Исмаилов (Ташкент) представил этимологии терминов родства с элементом *taj—daju*.

Большой интерес у собравшихся вызвало сообщение Э. Н. Наджиба (Москва), посвященное сравнительному анализу намаганской и каирской рукописей «Кутадгу билиг». Э. Н. Наджип рассмотрел текстуальные различия рукописей (в том числе и в объеме), виды разночтений, фонетические, лексические и морфологические особенности, привел примеры авторского редактирования и изменений, внесенных переписчиками. Он указал на необходимость издания всех трех списков «Кутадгу билиг» и их детального сопоставительного изучения.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) сделал информацию об изучении и подготовке к изданию древней уйгурских памятников, прежде всего хозяйственных и юридических документов, в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Кроме того, он рассказал о некоторых результатах своих археологических разысканий в связи с изучением истории древних уйгуров.

В выступлениях Д. М. Насилова (Ленинград) «Радлов и Малов» были показаны преемственность в изучении древних тюркских языков в отечественной тюркологии и плодотворный характер сотрудничества двух крупных ученых — учителя и ученика.

При подведении итогов «Маловских чтений» было отмечено, что такие встречи уйгуроведов желательно проводить ежегодно, так как они представляют удобную форму для обмена мнениями по актуальным проблемам уйгуроведения.

Собравшиеся признали необходимым включать в программу будущих встреч обсуждение вопросов, связанных с языковой практикой (язык печати, радио, нормализация речевого употребления), и шире привлекать к дискуссии уйгурскую интеллигенцию. Подчеркивалась также полезность форсирования в уйгуроведческих центрах (Алма-Ата, Ташкент и др.) исследований в таких областях уйгуроведения, как история уйгурского языка, экспериментальная фонетика, сравнительное изучение диалектов, лексикография (составление толкового словаря), издание памятников.

Л. С. Левитская

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ В. М. ЖИРМУНСКОГО

15—16 февраля 1972 года в Ленинграде по инициативе Ленинградского отделения Института языкознания и Научного совета по теории советского языкознания при Отделении литературы и языка АН СССР состоялась чтения, посвященные памяти выдающегося советского ученого академика Виктора Макенювича Жирмунского (1891—1971 гг.).

Во вступительном слове академик М. П. Алексеев объявил, что чтения памяти академика В. М. Жирмунского, утвержденные специальным постановлением Отделения литературы и языка АН СССР, будут проводиться ежегодно. Цель этих чтений — изучение научного наследия всемирно известного ученого.

В. М. Жирмунский — автор более 400 работ, в том числе нескольких десятков монографий. Труды В. М. Жирмунского посвящены в основном двум большим областям науки — литературоведению и языкознанию. Однако он занимался также историей краеведения, культуроведения, историей науки и многими другими вопросами.

Член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов в докладе «В. М. Жирмунский и тюркская филология» раскрыл значение тюркологических работ В. М. Жирмунского, по-новому осветившего многие сложные проблемы тюркологии. «До В. М. Жирмунского, — сказал докладчик, — изучение тюркского фольклора не выходило за рамки материала памятников фольклора тюркских народов. Сравнительное изучение тюркского эпоса, как правило, ограничивалось сопоставлением версий, обнаруженных в национальной эпической традиции отдельных тюркских народов. В. М. Жирмунский подошел к изучению тюркского эпоса с принципиально иных позиций. В его исследованиях эпические традиции Запада и Востока предстали как две ветви единого культурно-исторического процесса».

Исходя из требований сравнительно-исторического метода, В. М. Жирмунский пришел к выводу о необходимости глубокого изучения истории тюркских народов.

В своих работах В. М. Жирмунский проявил тонкое понимание природы тюркского народного стихосложения и пришел к важному заключению, что «развитие тюркского стиха идет в сторону укрепления конечной рифмы... и все большее ограничение употребления рифмы внутренней и аллитерации в качестве приемов структурной организации стиха».

В. М. Жирмунский принял деятельное участие в обсуждении проблем тюркской

диалектологии и в создании диалектологического атласа тюркских языков СССР, дал ряд полезных уточнений к «Вопроснику» атласа.

В. М. Жирмунский занимался одной из сложнейших проблем тюркологии — проблемой категории частей речи в тюркских языках. Он отметил наличие типологического сходства грамматической структуры тюркских и индоевропейских языков. Сравнение этих языков позволило поставить общую глоттогоническую проблему генезиса частей речи из частей предложения.

Д-р филол. наук Е. М. Мелетинский в докладе «В. М. Жирмунский как исследователь эпоса тюркских народов» отметил большое теоретическое значение трудов В. М. Жирмунского по тюркскому эпосу, явившихся основным материалом для решения многих вопросов конкретно-исторического изучения эпоса и сравнительной фольклористики. Основу проводимых В. М. Жирмунским сопоставлений западного и восточного материала составлял последний.

Большое внимание в своих работах уделял В. М. Жирмунский выяснению, с одной стороны, соотношения эпоса и сказки, с другой — героического эпоса и народного романа.

Значителен также вклад В. М. Жирмунского в изучение памятников тюркского эпоса: «Манас», «Алпамыш», «Сказание о ногайских богатырях», «Китаби-Деде Коркуд», «Кёр-оглы» и многих других. Докладчик остановился на анализе В. М. Жирмунским отдельных памятников тюркского эпоса.

С докладами выступили также: д-р филол. наук Б. Н. Путилов — «Типологическая теория фольклористики», канд. филол. наук В. Е. Холшевников — «Проблемы сравнительной метрики в современном стиховедении», д-р филол. наук М. М. Гухман — «У истоков советской социолингвистики», член-корреспондент АН СССР В. Н. Ярцева — «Об исторических закономерностях развития германских языков», д-р филол. наук Л. Р. Зиндер и д-р филол. наук Т. В. Строева — «Принципы построения курса „История немецкого языка“ В. М. Жирмунского», член-корреспондент АН СССР А. В. Десницкая — «О синтетическом изучении диалектов немецкого языка», д-р филол. наук С. Д. Кацнельсон — «К проблеме фонетического закона».

Л. Я. Медведева

PERSONALIA

ВАХИД АБДУЛЛАЕВИЧ АБДУЛЛАЕВ

(К 60-летию со дня рождения)

15 мая 1972 года исполнилось 60 лет со дня рождения видного узбекского ученого-литературоведа, поэта, публициста, общественного деятеля, академика Академии наук Узбекской ССР, доктора филологических наук, профессора Вахида Абдуллаевича Абдуллаева.

В. А. Абдуллаев родился 15 мая 1912 года в Самарканде, в семье бедного крестьянина. После учебы в Самаркандском государственном педагогическом техникуме он в 1932 году поступил в Ферганский государственный педагогический институт. В 1933—1935 годах В. А. Абдуллаев занимался в аспирантуре при Самаркандском государственном университете, а затем в Ташкенте и Москве.

В 1941 году В. А. Абдуллаев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Навои в Самарканде», в которой на основе рукописных материалов осветил самаркандский период жизни и творчества великого узбекского поэта.

В 1959 году им была защищена доктор-

ская диссертация — «Узбекская литература XVII—XVIII веков в Хорезме».

В. А. Абдуллаев в 1960 г. был избран членом-корреспондентом, а в 1966 г.—академиком Академии наук УзССР.

Свою трудовую деятельность В. А. Абдуллаев начал в 1924 году в качестве пионервожатого, а затем и воспитателя.

В 1930—1932 гг. он работал на Ферганском женском рабфаке им. Н. К. Крупской, в 1933—1934 гг. — в Узбекистанском Коммунистическом университете в Самарканде, в 1935—1936 гг. — в драматической студии имени С. М. Кирова в г. Ташкенте и одновременно в журнале «Ёш куч».

В последующие годы (1936—1938) В. А. Абдуллаев читал лекции по литературоведению, истории узбекской литературы в Бухарском государственном педагогическом институте им. С. Орджоникидзе, а в 1938—1944 гг. преподавал в Самаркандском государственном педагогическом институте им. А. М. Горького.

С 1944 г. по настоящее время В. А. Абдуллаев является заведующим кафедрой узбекской литературы Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои, ректором которого он был в 1963—1970 гг.

Все эти годы В. А. Абдуллаев вел интенсивную научно-педагогическую и творческую деятельность.

В. А. Абдуллаев является автором фундаментальных исследований по истории узбекской литературы. Его работы «Навои в Самарканде» (Самарканд, 1948; Ташкент, 1967, 1968), «Поэт Нишаты и его поэма „Хусну Дил“» (Самарканд, 1955), «Хоксор и его произведение „Мунтахаб-ал-луғот“» (Самарканд, 1955), «Хоксор и Нишаты» (Самарканд, 1960), а также написанные в соавторстве с Б. Валиходжаевым «Самарканд—город ученых и поэтов» (1968), «Дыхание веков» (1970) и другие посвящены актуальным, до того не изученным проблемам истории узбекской литературы.

В. А. Абдуллаевым написана вторая часть учебника «История узбекской литературы» для филологических факультетов университетов и пединститутов республики. Этот учебник, отличающийся богатым фактическим материалом, излагаемым в сжатой, увлекательной форме, дважды переиздавался — в 1963 и 1967 гг.

В. А. Абдуллаев является крупным специалистом по творчеству Алишера Навои, которому он посвятил несколько десятков статей.

Солидным вкладом в изучение истории узбекской литературы XVII—XVIII вв. явилось исследование В. А. Абдуллаева «Узбекская литература XVII—XVIII веков в Хорезме». На основе многочисленных уникальных источников автор впервые широко осветил жизнь и творчество замечательных представителей узбекской литературы исследуемого периода: Вафои, Надира, Равнака, Рокима, Мухаммади Хоксора, Нишаты, Умара Боки и др.

В. А. Абдуллаев автор целого ряда художественных произведений, в том числе поэм и стихотворных циклов.

В настоящее время группа ученых под руководством В. А. Абдуллаева работает над третьим томом академического изда-

ния «Истории узбекской литературы».

Академик В. А. Абдуллаев уделяет большое внимание подготовке ученых-литературоведов. Под его руководством защищено более сорока кандидатских и две докторские диссертации. Многие известные в республике ученые-филологи являются его учениками.

В. А. Абдуллаев — редактор многих изданий, член редколлегии журнала «Ўзбеки ва адабиёти», литературный редактор «Узбекской Советской Энциклопедии».

В. А. Абдуллаев избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР и Самаркандского горсовета.

Научно-педагогическая и общественная деятельность академика В. А. Абдуллаева высоко оценена партией и правительством. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР.

Свой 60-летний юбилей ученый встречает в расцвете творческих сил, активно участвуя в развитии отечественной литературоведческой науки.

Б. Валиходжаев

ОЛЬГА ИВАНОВНА ИВАНОВА-ШАЦКАЯ

(К 75-летию со дня рождения)

21 июля 1972 г. исполнилось 75 лет со дня рождения Ольги Ивановны Ивановой-Шацкой — видного тюрколога, одного из ученых, заложивших фундамент советской тюркологии.

О. И. Иванова-Шацкая родилась в 1897 г. в Петербурге, в семье рабочего. Закончив фельдшерские курсы и курсы машинописи, она работала несколько лет на заводе. В 1919 г. О. И. Иванова-Шацкая добровольно вступила в ряды Красной Армии и участвовала в гражданской войне в качестве медицинской сестры, а затем — военфельдшера. После возвращения с фронта в 1922 г. она поступила в Ленинградский государственный университет на ближневосточное отделение Восточного факультета, которое закончила в 1929 г.

Во время пребывания в университете О. И. Иванова-Шацкая слушала лекции выдающихся советских ученых: И. Ю. Крачковского, В. В. Бартольда, И. А. Орбели, С. Е. Малова, Л. В. Щербы, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораз-Тана и др.

Первые публикации О. И. Ивановой-Шацкой связаны с участием в научных экспедициях в тюркоязычные республики нашей страны, в которых ею были собраны ценные

лингвистические, фольклорные и этнографические материалы.

Так, в 1925 и 1927 годах О. И. Иванова-Шацкая сделала многочисленные записи народных песен крымских татар и впервые установила динамику развития крымскотатар-

тарского фольклора путем сравнения прежних записей В. В. Радлова, Келлера и А. Олесницкого с новыми, записанными ею в тех же деревнях, вариантами песен и сказов. В частности, ей удалось проследить историю продвижения эпического цикла о Чахыджи, песни о котором, возникшие в Малой Азии, были затем занесены на Балканы, откуда и попали в Крым¹.

В 1926 г. во время командировки в Азербайджан О. И. Иванова-Шацкая записала образцы азербайджанских народных песен² и впервые установила фонетическую особенность звонких смычных согласных b, d (так называемые medial lenes) и согласного q в гянджинском диалекте азербайджанского языка³.

В дальнейшем О. И. Иванова-Шацкая принимала активное участие в работе экспедиций Академии наук СССР в Башкирии и Туркмении, возглавлявшихся Н. К. Дмитриевым, и опубликовала по собранным материалам несколько работ⁴.

Работы О. И. Ивановой-Шацкой, посвященные многочисленным вариантам туркменских, азербайджанских и крымскотатарских народных песен, частично опубликованные в зарубежных востоковедных журналах, немало способствовали пропаганде советского востоковедения за границей и были использованы в трудах крупных зарубежных тюркологов — Т. Ковальского, Ж. Дени, А. Зайончковского и других.

В 1929 г. О. И. Иванова-Шацкая была приглашена на должность секретаря тюркологического кабинета Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, где принимала участие в разработке ряда коллективных тем. Ею написаны разделы коллективного труда «Материалы по истории Туркмении», тт. I—II (Л., 1938—1939); переведены и обработаны тюркские сказки для сборника «Сказки народов Востока» (1938); готовился сборник уйгурских пословиц (1939—1941) и др.

В предвоенные годы О. И. Иванова-Шацкая участвовала также в работе ряда ленинградских и республиканских научно-исследовательских институтов.

В 1935 г. О. И. Иванова-Шацкая участвовала в работе комплексной экспедиции, организованной Симферопольским НИИ, по сбору крымскотатарского фольклора в районах Севастополя и Керчи.

С 1940 г. по 1953 г. О. И. Иванова-Шацкая работала на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, сначала старшим преподавателем, а с 1945 г. — доцентом кафедры тюркской филологии. За эти годы ею были подготовлены и прочитаны студентам многочисленные курсы лекций и спецкурсы по тюркскому фольклору, этнографии и отдельным тюркским языкам.

Наряду с чтением лекций О. И. Иванова-Шацкая осуществляла научное руководство аспирантами кафедры тюркской филологии, внося большой вклад в подготовку тюркологических кадров в Ленинградском университете.

Одновременно с интенсивной преподавательской деятельностью О. И. Иванова-Шацкая всегда принимала активное участие в научной и общественной жизни Восточного факультета Ленинградского государственного университета.

Самоотверженная научно-преподавательская и общественная деятельность О. И. Ивановой-Шацкой отмечена правительственными наградами.

В связи с исполнившимся 75-летием Ольги Ивановны Ивановой-Шацкой, замечательного ученого и прекрасного человека, мы от всей души желаем ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и публикаций собранных и подготовленных ею ценных материалов и работ.

Л. А. Покровская, Э. Р. Тенишев

¹ О. Chatskaja. Chansons tatares des Crimée. L'introduction de N. K. Dmitriev. — «Journal Asiatique». Paris, 1926, Avril—Juin, стр. 341—369; *еe же*. Antich cerimonia nuziale dei tartari di «Grimea Vecchia» e dei dintorni. — «Oriente Moderno», а. VIII, p. 10. Roma, 1928; *еe же*. Die krimtatarische Version des Tschakjyschy-Liedes. — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», b. 35, h. 3—4. Wien, 1929.

² О. Chatskaja. Quatrains populaires de l'Azerbaidjan. — «Journal Asiatique», t. CCXII, № 2. Paris, 1928.

³ См. об этом в статье: Р. О. Шор. Из инструментально-фонетических наблюдений о так называемом озвончении заднеязычного в азербайджанско-тюркском языке. — «Советское языкознание», т. II. Л., 1936.

⁴ О. И. Шацкая. Заметки по башкирскому фольклору и языку. — «Доклады АН СССР», 1928; *еe же*. Мотивы женской доли в туркменской лирике. — «Советский фольклор», 1934, № 1; *еe же*. Туркменские колядные песни в связи с бытом и религиозными верованиями. — «Советская этнография», 1936, № 1.

Х Р О Н И К А

ЧЕСТВОВАНИЕ ПРОФЕССОРА С. Н. ИВАНОВА

Кафедра тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета отмечала 12 апреля 1972 г. торжественным заседанием 50-летие со дня рождения и 20-летие научно-педагогической деятельности заслуженного работника культуры Узбекской ССР, доктора филологических наук профессора Сергея Николаевича Иванова.

В заседании приняли участие сотрудники Восточного и филологического факультетов ЛГУ, друзья и коллеги юбиляра, работающие в ленинградских отделениях Института востоковедения, Института языкознания и Института этнографии АН СССР, в других ленинградских учреждениях, а также гости из Москвы, Ташкента, Абакана.

Член-корреспондент АН СССР А. Н. Кононов рассказал о жизненном пути и научных заслугах С. Н. Иванова.

Один из видных представителей советской тюркологии, С. Н. Иванов родился 11 апреля 1922 года в Петрограде в семье военнослужащего. С. Н. Иванов окончил Ленинградское артиллерийское техническое училище и в качестве офицера-артиллериста воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Имеет боевые награды.

В 1951 г. С. Н. Иванов окончил с отличием Ленинградский государственный университет по кафедре тюркской филологии Восточного факультета. Учителями С. Н. Иванова были профессоры: И. И. Мещанинов, В. М. Жирмунский, Н. К. Дмитриев, С. Е. Малов, А. Н. Кононов.

В 1951 году С. Н. Иванов начал преподавательскую и научную деятельность в Бухарском государственном педагогическом институте. Здесь же определилось и направление его научных интересов в тюркском языкознании: синтаксис и морфология узбекского и староузбекского языка.

С сентября 1953 года С. Н. Иванов — аспирант кафедры тюркской филологии Восточного факультета Ленинградского университета.

В начале 1958 года С. Н. Иванов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Синтаксические функции формы на *-ган* в современном узбекском литературном языке». Уже в этой работе, изданной в 1959 году отдельной книгой под названием «Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные)», проявилась способность ученого глубоко осмысливать исследуемый материал, вскрывать взаимосвязь и взаимообусловленность фактов, видеть системный характер языкового строя.

С 1956 года по настоящее время С. Н. Иванов ведет большую педагогическую и научную работу в качестве сотрудника кафедры тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ (с 1960 г. — доцент, с 1970 года — профессор). За эти годы им прочитан ряд оригинальных курсов по различным разделам тюркологии: «Грамматика турецкого языка», «Научная грамматика турецкого языка», «Староузбекский язык», «Современный узбекский язык», «Введение в тюркскую филологию», «Арабо-персидские элементы в турецком языке».

Перу С. Н. Иванова принадлежат работы по истории отечественной тюркологии, литературоведческие статьи и поэтические переводы классиков узбекской, азербайджанской и туркменской литературы. Всего С. Н. Ивановым опубликовано около ста печатных работ.

Серьезным вкладом в тюркологию является труд ученого «Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк», удостоенный второй премии Ленинградского университета за 1971 год. Это исследование, защищенное его автором в 1970 году в качестве докторской диссертации, получило в печати высокую оценку¹.

Среди работ С. Н. Иванова по истории тюркологии особо следует выделить монографию о Н. Ф. Катанове, первом хакасском ученом — этнографе и языкеводе, а

¹ См.: «Советская тюркология», 1970, № 2 и др.

также статьи по истории востоковедения в ЛГУ.

Интерес к узбекскому языку и его истории привел С. П. Иванова к изучению творчества Алишера Навои и Хамзы Хаким-заде. Книжки «Навои. Стихотворения и поэмы» (1965), «Хамза Хаким-заде Ниязи. Избранные произведения» (1970), составленные С. Н. Ивановым и снабженные его вступительными статьями и примечаниями, снискали себе широкую известность среди историков узбекской литературы и почитателей творчества узбекских поэтов. В этих

книжках С. Н. Иванов выступает и как переводчик.

Высокая оценка научного творчества С. П. Иванова содержалась и в выступлениях ряда участников заседания, обратившихся к юбиляру с приветственными словами и поздравлениями: М. Н. Боголюбова, А. П. Векилова, В. Г. Кондратьева, М. Ю. Юнусова, С. Г. Ганиева, С. Г. Кляшторного, И. В. Кормушина.

В ответном слове С. Н. Иванов горячо поблагодарил собравшихся за теплые слова и добрые пожелания.

А. П. Векилов, В. Г. Гусев

«РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЕГО СТИЛЕЙ»

19 мая 1971 г. в Алма-Ате на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук доцентом кафедры татарского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина **Вахитом Хозятовичем Хаковым** на тему «Развитие татарского национального литературного языка и его стилей».

В качестве официальных оппонентов на защите выступили доктор филол. наук, профессор М. Э. Закиев, Г. С. Амиров, В. А. Исенгалиева и А. Т. Кайдаров.

В диссертации нашли освещение основные тенденции и соответствующие предпосылки образования и становления единых лексических, фонетических и грамматических норм стилистической системы татарского национального литературного языка. Проблема стилей в работе непосредственно связывается с задачами изучения литературного языка. Диссертант проследил пути развития стилей художественной литературы, публицистики, научных произведений, официально-деловых документов, эпистолярного жанра и вскрыл их характерные особенности. Основное внима-

ние В. Х. Хаков обратил на выявление качественно новых признаков литературного языка в период образования татарской нации.

В исследовании успешно применены разнообразные методы (сравнительно-исторический, синхронный, диахронный, лингвистико-статистический), благодаря чему диссертанту удалось определить характер и особенности употребления языковых средств в различных сферах общения и раскрыть общую тенденцию развития литературного языка.

В работе использована обширная литература по русскому и тюркским языкам, как отечественная, так и зарубежная, большое количество тюркско-татарских письменных памятников, архивных рукописных материалов, четко классифицированных по жанрам и стилям.

Историческое развитие языка рассматривается автором в органической связи с развитием общества.

Постановлением ВАКа от 18 февраля 1972 г. В. Х. Хакову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

В. А. Исенгалиева

«СИНОНИМЫ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ»

Старший научный сотрудник Института языкознания Академии наук Казахской ССР **А. Болганбаев** защитил 21 апреля с.г. на заседании Объединенного совета по филологическим наукам Академии наук Казахской ССР диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Синонимы в казахском языке».

А. Болганбаев является автором четырех монографий по проблемам синонимии в казахском языке, последняя из которых — «Синонимы в казахском языке» (Алма-Ата, 1970) — получила в республиканской прессе высокую оценку. Кроме того, А. Болганбаев входит в авторский коллектив двухтомного толкового словаря казахского языка и словаря языка Абая, по праву считающихся значительными достижениями казахской лексикографии.

В своей диссертации А. Болганбаеву на основе большого, тщательно исследованного материала удалось осветить историю изучения синонимов в тюркской лексикологии и определить специфику лексико-

семантической системы казахской синонимии; выявить пути и закономерности возникновения синонимов в казахском языке; проанализировать и сформулировать принципы и критерии выделения синонимов, их отграничения от других типов параллелизмов; произвести дифференциацию синонимов по структуре, значению и стилистическим особенностям.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН КазССР Г. Г. Мусабаев, доктор филол. наук К. Аханов, В. А. Исенгалиева, а также выступившие на защите доктора филол. наук А. К. Хасенова и Т. Кордабаев высоко оценили работу А. Болганбаева и отметили важное значение этого исследования не только для казахского языкознания, но и для тюркологии в целом.

Ученый совет проголосовал за присуждение А. Болганбаеву ученой степени доктора филологических наук.

С. Татубаев

«ОСНОВЫ ТЕРМИНОЛОГИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА»

На заседании Ученого совета секции филологических наук Отделения общественных наук Академии наук Азербайджанской ССР 4 мая 1972 года состоялась за-

щита заведующим сектором Терминологического комитета Академии наук Азербайджанской ССР **Мамедом Шамхал оглы Гасымовым** диссертации на соискание

ученой степени доктора филологических наук на тему «Основы терминологии азербайджанского языка».

Работая в течение многих лет в Терминологическом комитете, М. Ш. Гасымов принимает непосредственное участие в его деятельности по совершенствованию и унификации научно-технической, сельскохозяйственной и другой терминологии. В ряде работ М. Ш. Гасымову удалось обобщить опыт составления различных терминологических словарей и справочников. Следует особо отметить его монографию «Как образуются термины в азербайджанском языке» (Баку, 1967).

В своей диссертации М. Ш. Гасымов раскрывает специфику понятий «термин», «терминология», «номенклатура», прослеживает историю формирования и развития терминологии азербайджанского языка, на основе тщательного анализа существующих словарей предлагает разработанную им усовершенствованную методику составления терминологических словарей. Диссертант уделяет особое внима-

ние выявлению источников и способов образования терминов в азербайджанском языке, исследует частные лингвистические проблемы, возникающие при построении научных терминологических систем в азербайджанском литературном языке.

Работа М. Ш. Гасымова, несомненно, представляет интерес для языковедов всех тюркоязычных республик и областей, занимающихся проблемами терминологии.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Азерб. ССР А. А. Оруджев, д-р филол. наук, проф. З. И. Будагова, д-р филол. наук Дж. В. Каграманов, а также другие ученые, выступившие на защите, положительно оценили диссертационную работу М. Ш. Гасымова, подчеркнув ее актуальность.

Члены Ученого совета единогласно высказались за присуждение М. Ш. Гасымову ученой степени доктора филологических наук.

О. Г. Алекперов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В журнале «Советская тюркология» в 1971 году в разделе «Дискуссии и обсуждения» опубликованы три статьи: А. И. Васильева «Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского»; А. С. Львова «Младописьменный ли чувашский язык?» и Б. А. Серебренникова «О логицизме в тюркологических исследованиях». Все три статьи в той или иной мере полемизируют со мной и с некоторыми положениями моих работ.

Что касается статьи Б. А. Серебренникова, то я на нее ответил в своей статье «К вопросу о структуре сказуемого в тюркских языках» (см.: «Советская тюркология», № 2, 1972 г.).

Статьи А. С. Львова и А. И. Васильева не требуют специального разбора. Здесь достаточно ограничиться соответствующими разъяснениями, ибо их авторы: А. С. Львов, как мне представляется, несколько расширительно толкует понятие «письменность», а А. И. Васильев допускает не только фактические погрешности, касающиеся фактов киргизского и казахского языков, но и чрезвычайно невнимательно цитирует высказывания ученых, выдавая цитаты из одного автора за высказывания другого.

Итак, начнем со статьи А. С. Львова. А. С. Львов утверждает, что письменность чувашей возникла в 20-х годах XVIII века «в изданной в 1769 году книге „Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка“». Далее он отмечает, что в 80—90-е годы XVIII века появляются на чувашском языке церковные книги, а в начале XIX века переведен на чувашский сокращенный текст катехизиса. Но все эти книги, как пишет сам А. С. Львов, «воспроизводятся посредством букв русского алфавита, что сильно искажает передачу чувашских звуков», переводы же церковных книг «оказались малопонятными».

Следует отметить, что издание грамматики или словаря конкретного языка, не имеющего письменности, на каком-либо другом языке еще не является признаком появления письменности на этом конкретном языке, равно как и издание «малопонятных переводов» церковных книг не свидетельствует о появлении литературы на данном языке. Появление письменности на том или ином языке обычно связывается с разработкой алфавита, орфографии, терминологии, с установлением базового диалекта, а в связи с этим и с процессом нормализации данного литературного уже языка.

Все эти необходимые элементы возникновения письменности применительно к чувашскому языку должны быть отнесены к 70-м годам XIX века. Они связаны с деятельностью И. Я. Яковлева, который и разработал специальную чувашскую азбуку и правила чувашской орфографии. Это и было констатировано в моих статьях, цитированных А. С. Львовым. Следовательно, к моменту Великой Октябрьской социалистической революции чувашский язык, как и некоторые другие языки народов СССР, был младописьменным языком, в отличие от языков старописьменных, например, азербайджанского, узбекского, татарского и других. Возникновение письменности и обширной художественной литературы на последних относится по крайней мере в XV в. н. э., а для некоторых языков к еще более раннему периоду.

На риторический вопрос А. С. Львова: «Младописьменный ли чувашский язык?» — следует, присоединяясь к мнению крупнейшего чувашского лингвиста В. Г. Егорова, ответить: Да! Чувашский язык к моменту Великой Октябрьской социалистической революции был младописьменным языком, только в дальнейшем он получил неограниченные возможности для своего развития.

Что же получилось со статьей А. И. Васильева «Имеются ли в тюркских языках фонемы, заимствованные из русского?» Прежде всего мы должны упрекнуть автора этой статьи в его крайней небрежности в отношении цитирования чужих работ. А. И. Васильев, взяв за основу полемики статью «О развитии тюркских языков» в сборнике «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху» (т. II, М., 1969), не потрудился внимательно прочесть ссылку в начале этой статьи, где приводятся сведения об авторском распределении отдельных частей этой статьи, и поэтому приписал высказывания одним авторов другим.

В ссылке к названной выше статье, состоящей из шести разделов, сообщается, что разделы «О некоторых общих структурных изменениях» и «Изменения в грамматике» написаны Н. А. Баскаковым, разделы «Изменения в фонетике» и «Вопросы разработки алфавитов и орфографии» — К. М. Мусаевым, раздел «Изменения в лексике» — А. А. Юлдашевым и раздел «Развитие стилей» — А. А. Кокляновой.

А. И. Васильев, как говорится, «не посмотрев в святцы, ударил в большой колокол», и цитируемые из данной статьи положения приписал мне, хотя все они взяты из раздела «Изменения в фонетике», написанного К. М. Мусаевым.

Являясь ответственным редактором этой книги, но не автором приведенных цитат, я должен отметить, что и те положения К. М. Мусаева, которые А. И. Васильев подвергает сомнению, им неправильно толкуются. Так, говоря о фонеме [и] русских заимствований, К. М. Мусаев имеет в виду не фонему [i] в киргизских и казахских словах *til* 'язык' (ср. казах. *tıl* и кирг. *тил* в современной их орфографии) или *tirgiz* 'оживлять' (ср. казах. *tirgiz* и кирг. *тиргиз* — в современной их орфографии), а фонему [i] (в казахском алфавите [u]) в таких словах, как казах. *кино* 'кино' (в транскрипции *kiŋo*) или *иги* 'хорошо' (в транскрипции *iŋgi*). В киргизском же языке фонемы [i] и [i] передаются в современном алфавите одним знаком *u*. А. И. Васильев же неверно представляет себе фонетический облик слов: *til* = *тил* (вместо *til* = *тил*) и *tirgiz* = *тиргиз* (вместо *tirgiz* = *тиргиз*) и на основе этих ошибочных представлений делает ложный вывод, да еще с упреком, адресованным Н. А. Баскакову (читай К. М. Мусаеву), вполне правомерно различающему два этих совершенно разных звука казах. и кирг. [i] (в казахской орфографии *i*, а в киргизской — *u*) и [i] (в казахской орфографии *u*), в киргизской же орфографии [i] и [i] передаются одним знаком *u*.

То же следует сказать и в отношении неправильной транскрипции А. И. Васильевым казахских слов *жаман* 'плохой', *жай* 'место' и *муқтаж* 'нуждающийся', которые в дореволюционном казахском языке как литературная и орфографическая норма соответствовали в транскрипции не *žaman* (ژامان), *žaj* (ژای), *muqtaž* (موقتاژ) как думает А. И. Васильев, а *džaman* (جامان), *džaj* (جای), *muqtadž* (موقتاج), в дореформенной орфографии *محتاج* при наличии в диалектах тех и других вариантов.

К. М. Мусаев, родным языком которого является казахский, смел здесь в виду замещение старой литературной нормы *dž > ž*, а следовательно, рассматривал *ж* (*ž*) как новую фонему, возникшую под влиянием русского языка.

Что касается губной гармонии *бөлкө* ~ *булка*, то это высказывание К. М. Мусаева (а не Н. А. Баскакова) также не следует относить к недоразумениям, так как здесь К. М. Мусаев, говоря о губной гармонии, имел в виду не форму *булка*, а форму *бөлкө*.

Проблема заимствования тюркскими языками новых фонем под влиянием русского языка, равно как проблема прежних заимствований тюркскими языками фонем из арабского языка, требует обсуждения на высокой теоретической базе с привлечением широкого фактического и статистического материала, точного и хорошо проверенного. Статья же А. И. Васильева, к сожалению, ни в коей мере не отвечает этим совершенно обязательным требованиям.

Н. А. Баскаков

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. Гаджиева (Москва). О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков	3
М. Н. Исламов (Баку). Древние формы личных местоимений в диалектах и говорах азербайджанского языка	16
В. И. Сергеев (Москва). Генезис и семантика форманта множественности -sem в чувашском языке	29
Т. И. Тепляшина (Москва). Об одном волжско-камском ареальном явлении	35
Р. Р. Юсупова (Москва). К лексико-семантической характеристике именных фразеологизмов турецкого языка	41

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Х. Корголы (Москва). Шаман, полководец, озан	48
--	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Ф. А. Ганиев (Казань). Сложные глаголы в тюркских языках	63
А. Н. Рабинович (Алма-Ата). К вопросу о фонологическом статусе казахских согласных /к, қ, г, ғ, х/	67
Д. М. Мураталиева (Фрунзе). О подаче и раскрытии значений слов в толковых словарях	70
А. Н. Баскаков (Москва). Некоторые спорные вопросы синтаксиса бессоюзных сложноподчиненных предложений в турецком языке	77
Н. П. Голубева (Москва). Словообразовательная функция аффикса <u>-dan/-den</u> в современном турецком языке	81
<u>-tan/-ten</u>	

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Ш. Сарыбаев (Алма-Ата). Диалектологический атлас казахского языка	85
Н. Х. Демесинова (Алма-Ата). Изучение бессоюзного сложноподчиненного предложения в казахском языке	93
А. Хафизова (Ташкент). «Келтурнаме» Мухаммеда Якуба Чинги	97
Н. П. Петров (Чебоксары). 100-летие новой чувашской письменности	103

РЕЦЕНЗИИ

Э. Н. Наджип (Москва). Намаганский список «Кутадгу билиг»	108
Э. Н. Фазылов, Л. В. Данилова (Ташкент). Л. П. Сергеев. Диалектологический словарь чувашского языка	113
М. Худайкулиев (Ашхабад). С. Куренов. Долгие и краткие гласные в туркменском языке	116
А. М. Мамедов (Баку). А. К. Алекперов. Фонематическая система современного азербайджанского языка	117
Д. М. Насилов, Л. Ю. Тушужева (Ленинград). G. Hazai und P. Zieme. Berliner Turfantexte, I	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

П. А. Слепцов (Якутск). 120-летие выхода в свет работы О. П. Бётлинга «О языке якутов»	123
Л. А. Покровская (Москва). О работе над Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза	126
Л. С. Левитская (Москва). «Маловские чтения»	128
Л. Я. Медведева (Ленинград). Чтения памяти В. М. Жирмунского	129

PERSONALIA

Б. Валиходжаев (Самарканд). Вахид Абдуллаевич Абдуллаев	130
Л. А. Покровская, Э. Р. Тенишев (Москва). Ольга Ивановна Иванова-Шацкая	131

ХРОНИКА

А. П. Векилов, В. Г. Гузев (Ленинград). Чествование профессора С. И. Иванова	133
В. А. Исенгалиева (Алма-Ата). «Развитие татарского национального литературного языка и его стилей»	134
С. Тагубаев (Алма-Ата). «Синонимы в казахском языке»	135
О. Г. Алекперов (Баку). «Основы терминологии азербайджанского языка»	136

* * *

Н. А. Баскаков (Москва). Письмо в редакцию	137
--	-----

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

N. Z. <i>Gajiyeva</i> (Moscow). On the role of some internal and external factors in changes of Turkic languages structure	3
M. I. <i>Islamov</i> (Baku). Ancient forms of personal pronouns in dialects of Azerbaijani	16
V. I. <i>Sergeyev</i> (Moscow). Genesis and semantics of plural number marker <i>-sem</i> in the Chuvash language	29
T. I. <i>Teplyushina</i> (Moscow). On one Volga-Kama areal phenomenon	35
R. R. <i>Yusipova</i> (Moscow). Towards lexico-semantic characteristics of nominal phraseological units in Turkish!	41

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>Kh. Korogly</i> (Moscow). Shaman, general, ozan	48
--	----

DISCUSSIONS

F. A. <i>Ganiyev</i> (Kazan). Complex verbs in Turkic dictionaries	63
A. I. <i>Rabinovich</i> (Alma-Ata). On the phonological status of Kazakh consonants [к, ы, э, р, х]	67
D. M. <i>Muratliyeva</i> (Frunze). On representation of word meanings in defining dictionaries	70
A. N. <i>Baskakov</i> (Moscow). Some issues of asyndetical complex sentences in Turkish	77
A. P. <i>Golubeva</i> (Moscow). Word-formative function of affix $\frac{-dan/-den}{-tan/-ten}$ in modern Turkish	81

REPORTS, SURVEYS

<i>Sh. Sarybayev</i> (Alma-Ata). Dialectological atlas of the Kazakh language	85
N. <i>Kh. Demesinoва</i> (Alma-Ata). The study of asyndetical complex sentence in the Kazakh language	93
A. <i>Khafizova</i> (Tashkent). «Kelurname» by Muhammed Yakub Chingy	97
N. P. <i>Petrov</i> (Cheboksary). The 100-th anniversary of the Chuvash written language	103

REVIEWS

E. N. <i>Najip</i> (Moscow). The Namangan list of «Kutadgu bilig»	108
E. I. <i>Fazylov</i> , L. V. <i>Danilova</i> (Tashkent). L. P. <i>Sergeyev</i> . Dialectological dictionary of the Chuvash language	113
M. <i>Khudaykuliyeв</i> (Ashkhabad). S. Kurenov. Long and short vowels in the Turkmen language	116
A. M. <i>Mamedov</i> (Baku). A. K. Alekperov. Phonemic system of modern Azerbaijani	117
D. M. <i>Nasilov</i> , L. Yu. <i>Tugusheva</i> (Leningrad). G. Hazai und P. Zieme. Berliner Turfantexte, I	120

SCIENTIFIC LIFE

P. A. <i>Sleptsov</i> (Yakutsk). The 120-th anniversary of publication of O. N. Bötlingk's work «On the language of Yakuts»	123
L. A. <i>Pokrovskaya</i> (Moscow). On work at the Dialectological atlas of Turkic languages of the Soviet Union	126
L. S. <i>Levitskaya</i> (Moscow). «Malov's readings»	128
L. Y. <i>Medvedeva</i> (Leningrad). Readings in commemoration of V. M. Zhirmunsky	129

PERSONALIA

B. <i>Valikhojajev</i> (Samarkand). Vakhid Abdullayevich Abdullayev	130
L. A. <i>Pokrovskaya</i> , E. R. <i>Tenisev</i> (Moscow). Olga Ivanovna Ivanova-Shatskaya	131

CHRONICLE

A. P. <i>Vekilev</i> , V. G. <i>Guzev</i> (Leningrad). Celebration in honour of professor S. N. Ivanov	133
V. A. <i>Isengaliyeva</i> (Alma-Ata). «Development of the Tatar national literary language and its styles»	134
S. <i>Tatubayev</i> (Alma-Ata). «Synonymes in the Kazakh language»	135
O. G. <i>Alekperov</i> (Baku). «Foundations of Azerbaijani terminology»	136

*

N. A. <i>Baskakov</i> (Moscow). A letter to editorial staff	137
---	-----

1 руб.

Индекс
70927